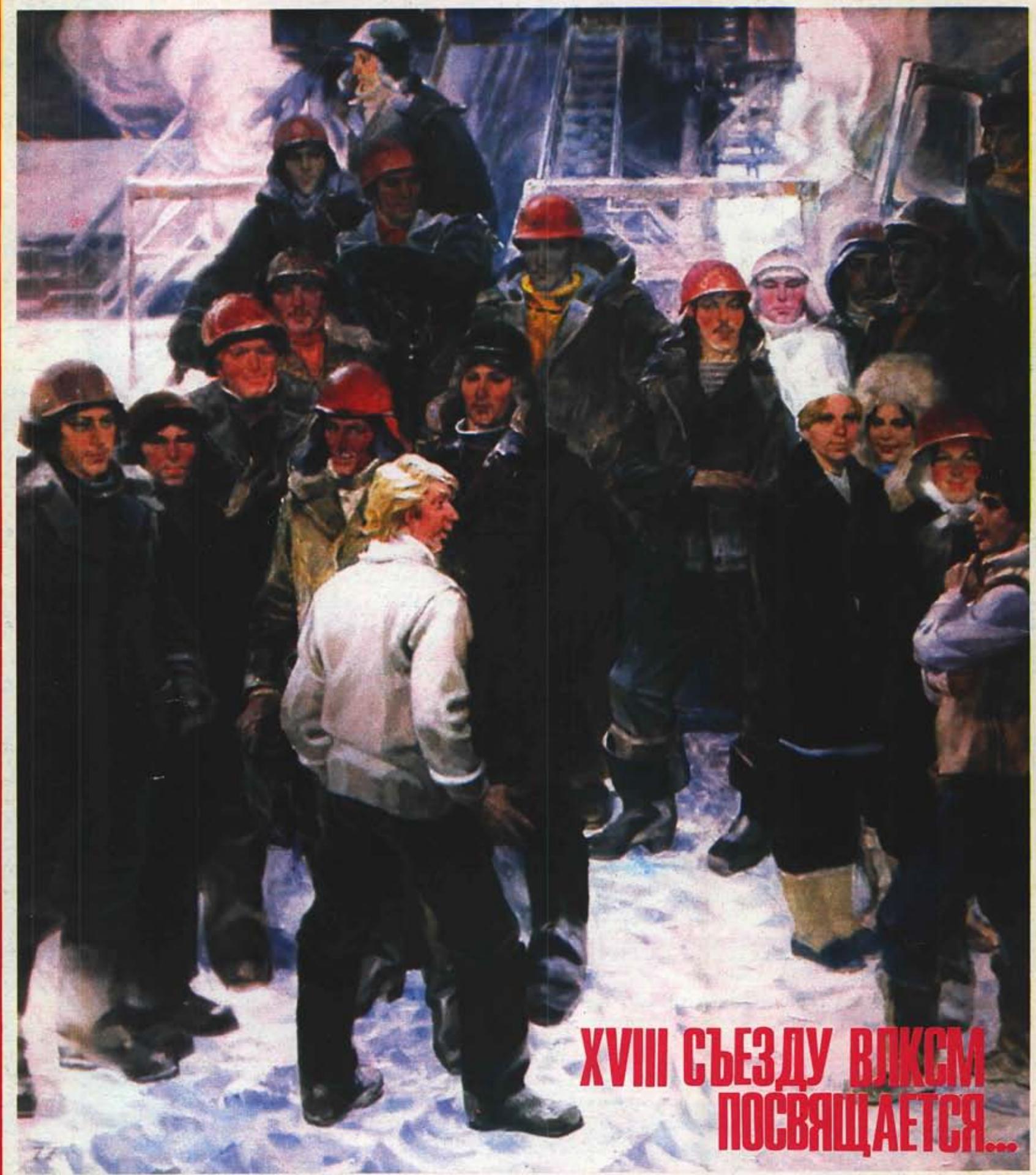

смена

№ 8 АПРЕЛЬ 1978

XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1222) АПРЕЛЬ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Комсомольское
собрание»—
картина художника
Виталия Шилова
с выставки
«Земля
поменская».

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ

- 1 Вячеслав ШУГАЕВ.
лауреат премии Ленинского комсомола.
«МОИ КОМИССАРЫ».
- 6 УРОКИ ЖИЗНИ.
«ВРЕМЯ ДЛЯ МАСТЕРОВ». Диалог бригадира треста
«Мособлстрой» № 12 Степана Ивановича МОРОЗА
и каменщика Алексея МОРОЗА.
- 8 Вячеслав АКСЕНОВ. «ПУТЬ ДЛИНОЙ В ЧЕТЫРЕ ГОДА».
Записки группкомсорга.
- 11 Станислав ГРИБАНОВ. «СУДЬБА».
- 14 ДЕЛЕГАТЫ СЪЕЗДА КОМСОМОЛА.
Юрий МАСЛОВ. «КОРОТКИЕ ДНИ КОРОТКОЙ НЕДЕЛИ».
- 16 «РЕШАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.
- 20 Евгений МАТВЕЕВ, народный артист СССР.
«ВДОХНОВЕНИЕ».
- 22 Икмет БАБА-ЗАДЕ. «НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РЕПОРТАЖ».
- 24 «РЕКОМЕНДАЦИЯ». Фоторепортаж Георгия БАЖЕНОВА
и Юрия УСТИНОВА.
- 27 ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.
Конкурс одного стихотворения «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 29 Братья ВАЙНЕРЫ. «ГОРОД ПРИНЯЛ!...». Повесть.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1978 г.

Счастливы поколения, чей
жизненный и гражданский
опыт стал духовным
достоянием молодых.
Нынешние коммунисты—
комсомольцы прежних
славных десятилетий—
по праву видят в своих
внуках и сыновьях
убежденных, последовательных
продолжателей великого
исторического дела
Ленинской партии.

Можно утверждать, что это
истина, не требующая
доказательств, но еще
верней будет сказать,
что преемственность
стала законом нашей
жизни, ибо ежедневно,
ежечасно жизнь дает
тысячи подтверждений этому.
Молодежь 70-х годов
не только наследует опыт
старших, но и приумножает
замечательные традиции
отцов, для нее решать
сегодня проблемы
коммунистического
строительства—значит
каждый свой шаг сверять
с революционным,
боевым и трудовым
подвигом советского народа,
народа-первоходца,
труженика, героя.

Восемнадцатый раз
за почти 60 лет своей истории
комсомолия Страны Советов
проводит смотр
боевых сил—восемнадцатый раз
комсомольцы съезжаются
на свой форум.

XVIII съезд Всесоюзного Ленин-
ского Коммунистического
Союза Молодежи
репортует партии, народу,
Родине о делах
и свершениях молодого
поколения страны,
отчитывается
в выполнении решений
исторического
XXV съезда КПСС,
наметит новые рубежи
эффективного
и качественного труда
на всех участках
коммунистического созидания.
В наши дни, как никогда,
возрос приток комсомольцев
в партию.

Материалы этого номера
«Смены» посвящены
радостному
и торжественному событию
в жизни советской молодежи—
XVIII съезду ВЛКСМ.

В них рассказывается
о Ленинском комсомоле—
боевом резерве и надежном
помощнике КПСС.

МО

СЛОВО, ДЕЛО, ПРИМЕР КОММУНИСТОВ—
СТАРШИХ ДРУЗЕЙ И НАСТАВНИКОВ—
ВДОХНОВЛЯЮТ СОВЕТСКУЮ МОЛОДЕЖЬ
НА ТРУД И НА ПОДВИГИ
ВО ИМЯ ОТЕЧЕСТВА.

Вячеслав ШУГАЕВ,
лауреат премии Ленинского
комсомола.

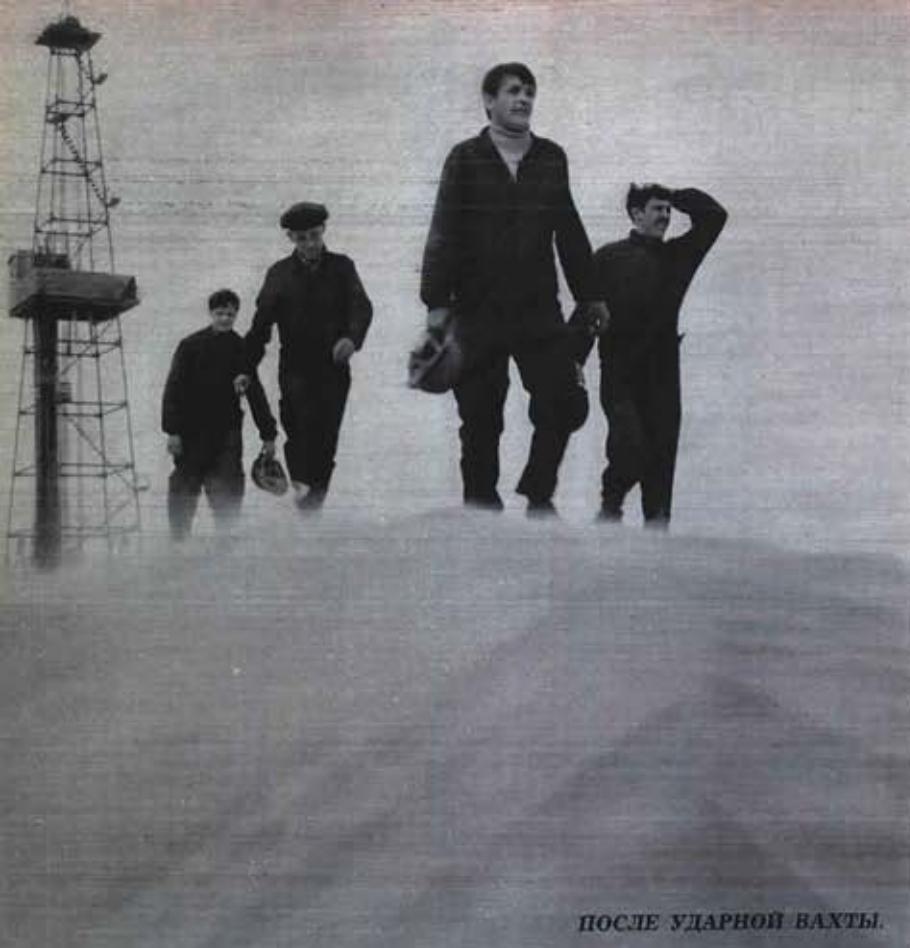
На каком-нибудь глухом сибирском полустанке или в маленьком, раскинутом от дождя сельском аэропорту вдруг обступят тебя, приблизятся из таежных пространств охотники, оленеводы, шоферы, монтажники, речники—молодые и старые люди, с которыми встречалась в дороге, которые делились с тобой и хлебом, и махоркой, и жаром души.

Подумавши: вот и прежде бывали такие же—серенькие, мглисто-дождливые дни, и так же ты ждал поезда или самолета, и так же одушевляла ожидание недавняя встреча с настоящим человеком, чья жизнь теперь так или иначе, но уже навсегда переплелась с твоей. Не успел отъехать или отлететь, а уже чувствуешь, как потихоньку накапливается в тебе дорожное нетерпение, как простирает оно свою приязнь на будущие встречи. Выстраивались они, заполняли годы и обернулись, как бы обутые всеми ветрами, омытые всеми дождями, в отчетливо видимые вершины, к которым надо стремиться.

И КОМИССАРЫ

ОГОНЬ РЕВОЛЮЦИИ В НАДЕЖНЫХ, КРЕПКИХ РУКАХ МОЛОДЫХ.

ПОСЛЕ УДАРНОЙ ВАХТЫ.

ЗА ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕКА.

БУДУЩЕЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

1

Дороги соединяли меня с людьми, с коммунистами, чье служение делу, долгую возвышалось до подвигничества, без которого трудно было бы или совсем невозможно устроить Сибирь так, как она устроена нынче. Вспоминая дороги, вдруг увидишь...

Давний морозный день в Мамакане, голубовато-искристые сугробы и дрожащие синий, какой-то праздничный воздух над ними. Я остановился тогда у плотника Константина Ефремовича Клюкина, плотного, широкого, рыжеватого богатыря. Он всю жизнь торил нелегкие дороги: промышлял рыбу на Камчатке, строил железную дорогу в Бурятии, валил лес во многих леспромхозах Сибири, а потом приехал на Мамаканскую ГЭС, и стройка была многим обязана ему. Его бригада укладывала первый бетон в плотину. Константин Ефремович не уходил из котлована по две смены, часто доставая портсигар и приговаривая свое любимое: «Эх, ты, парень! Эх ты, эх».

Однажды я увидел, как Константин Ефремович тяжело топтался возле кухонного стола, собирая какие-то пузырьки в картонную коробку. Резко, болезненно пахло мяты.

— Что это ты, дядя Костя, за валерьянку взялся?

Он смущенно отмахнулся:

— А ну ее! Разыгралась треклятая!

— Кто разыгрался?

— Шарманка моя.— Константин Ефремович потыкал толстым, крепким пальцем в сердце.

— Вот не знал!.. И часто... она играет?

— А! Пока не вспомнишь, молчит. Делать ей нечего.

Ему было неловко. Его привыкли видеть этаким неутомимым атаманом, чью бригаду-дружину в любой час можно выставить против любого «врага» Мамаканской ГЭС — против морозов, скальных выемок, против «горящего квартального плана». Да и сам Константин Ефремович привык думать, что нет ему износу и не будет. И вдруг какое-то сердце «некультурно себя ведет».

Поднимался он по утрам затемно, еще с петухами, если бы они были в Мамакане. Заваривал чай в кружке, стоя, наискусив над столом, прихлебывал, погрызывал... Однажды я спросил:

— Ты куда в такую рань, дядя Костя? Почему не спишь?

Думал, он отшутится, отворчется, но дядя Костя неожиданно серьезно сказал:

— Да ведь я не егорка какой-нибудь... стараться надо. Для Руси постараешься,

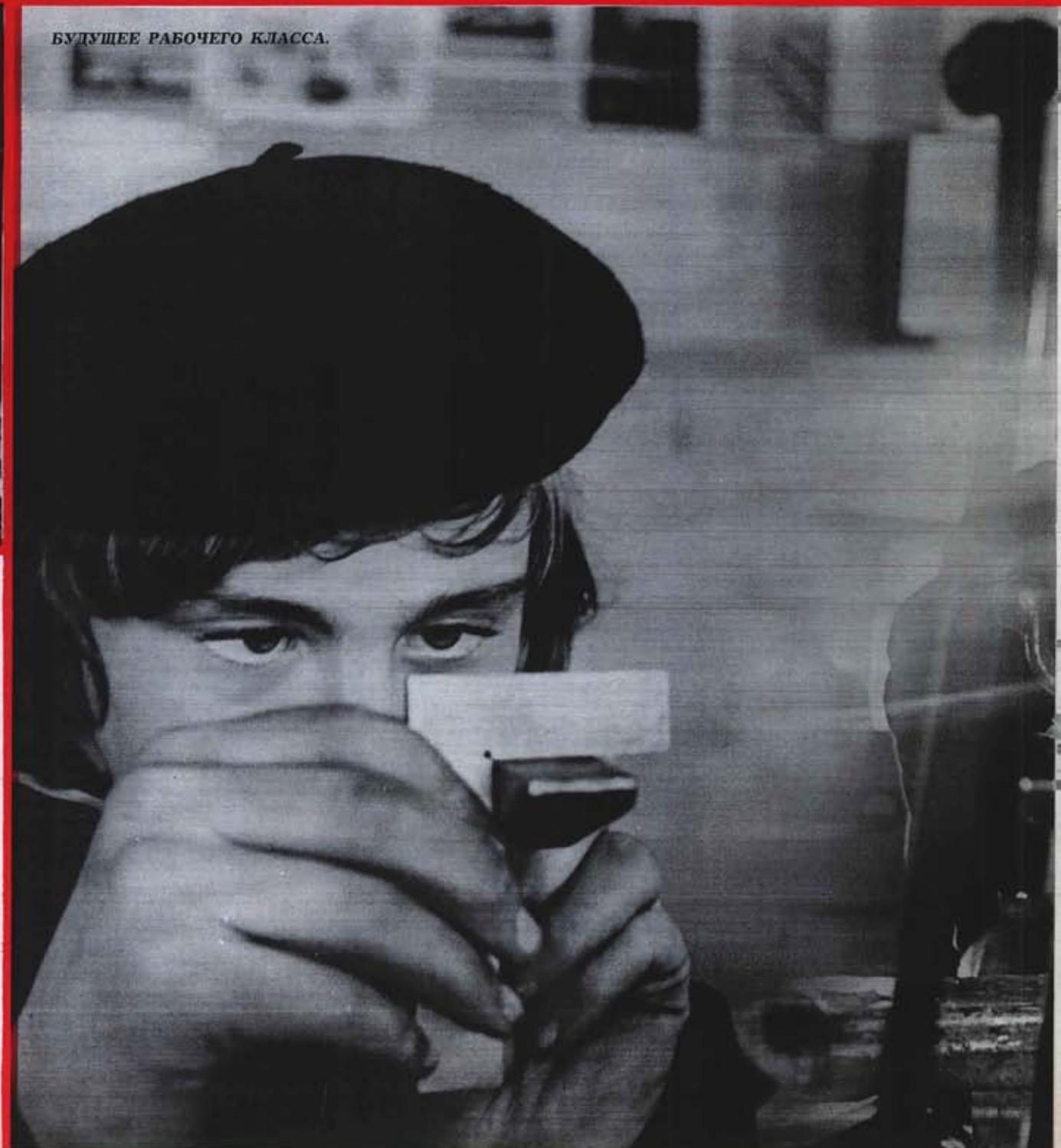
оно и ладно будет. Как для нее не постараться.

Удивленный этими словами, я тоже встал, вышел с Константином Ефремовичем на крыльцо. Звезды еще были по-ночному щедры, скрипел снег под редкими шагами. Оказывается, не один Константин Ефремович поднялся в такую рань. Он закурил и пошел к дрожащим огням котлована. Шагал не спеша, забыв надеть рукавицы, и они выглядывали белыми раструбами из карманов телогрейки. День начинался надежно: старые и молодые шли служить делу, шли стараться для Родины милой...

Берег Нижней Тунгуски. Второй секретарь Катангского райкома партии Михаил Колесников укладывает в лодку карабин, ружье, рюкзаки, ставит «Вихрь». Колесников в серой куртке из грубого шинельного сукна, в синем берете. Берет туго затянут, расправил кожу на большом лбу. Черные брови подрагивают, точно колеблются, нахмуриться им или нет. Пока суд да дело, Колесников говорит, махнув на Тунгуску:

— Нынче три раза поднималась. Все сено недавно унесла. А раньше — половина гнезд затопила. Уток мало нынче.

Идем по реке, к дальним зимовьям. По берегу белеют берестяные шалаши, зеленеют длинные, крытые лапником бараганы, рыжеватые пятна цветущих пальто — почти все население Ергобачена, а живет там около двух тысяч, собравшись под этими крышами. По кустам, по замоинам, в прибрежной тайге выкаши-

ПИОНЕРВОЖАТАЯ

вают, выскребают остатки травы, чтобы худо-бедно прокормить коров. Молока самолетами не навозишь.

Спрашиваю у Колесникова:

— Давно на берег-то переселились?

— Третью неделю.

... В лодке обычно молчишь — все равно «Вихрь» не переговорить. Поэтому я удивился, когда Колесников, перегнувшись, начал кричать:

— Вот здесь меня весной выкинуло! Руль вывернулся, и я — в воду! А в сапогах был, в телогрейке. Лодка вокруг жужжала, а перехватить страшно — саданет винтом. Ладно, мужик знакомый мимо ехал.

Вот ведь какое злопамятное место, если даже Колесников без нужды разговорился. Я и не слышал ничего об этом приключении. Да, Колесников завидно немногословен, несуетно деловит и безупречно обязателен. Я познакомился с ним, когда он был секретарем райкома комсомола, заочно учился в сельхозинституте, его кабинет был полон шумных споров, на столе лежали учебники влемешку с комсомольскими журналами; на дверях райкома висели объявления, написанные его рукой: тогда-то лыжный поход, тогда-то субботник по заготовке дров для школы, тогда-то расчистка льда на Тунгуске под каток — в то время Колесников был во власти забот и забав комсомольских лет.

Помню его и директором Катангского коопзверосовхоза, помню его строгий кабинет с начальственной тишиной и солидной мебелью, меж которой как бы таяла, ускользала тень юности... А он

палаток, и я заставил его там то мастером, то прорабом, то главным инженером СМУ. В последние годы он начальник «Коршуновстроя». На моих глазах раздавались, крепли, материли викуловские плечи под грузом все большей и большей ответственности.

— Не страшно? — спросил я его однажды.

— Привык.

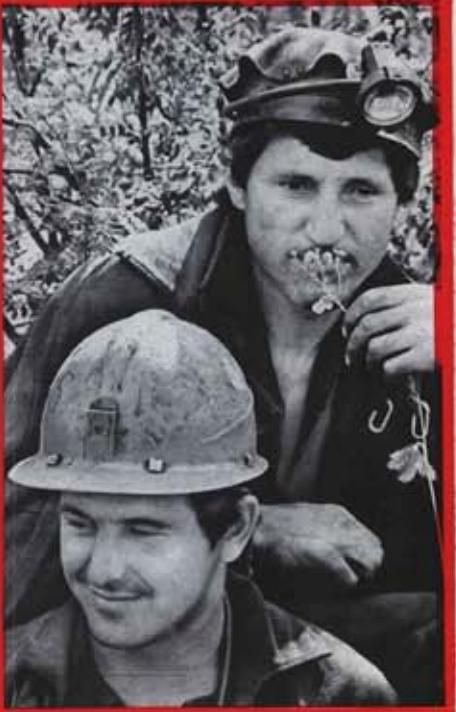
— Но это же плохо. Значит, обязательно обидишь кого-то походя, обязательно переоценишь свои силы в чем-то и обязательно осядет на тебя некая бюрократическая пыль.

— Ты не понял. Привык к серьезности тяжести этой клади, но это вовсе не значит, что я забываю о ней. Чувство или ощущение, примерно сравнимое с путешествием по тайге, когда за спиной тяжеленный рюкзак. Каждое свое движение, каждый свой шаг приоравливается под эту тяжесть, чтобы не зацепиться, не споткнуться, не упасть.

Думаю, нигде, как в Сибири, когда каждый человек на счету, и на пристальном счету, ответственность не понимается так остро, живо и, если хочешь, буквально. Во-первых, ее рождает сознание: не сделаем мы, никто не сделает или сделает очень нескоро. Во-вторых, каждый камень, блок, перекрытие стройки, небывалой еще стройки, требует особого внимания, бережного, вдумчивого — чутко не положишь, недоглядиши и долго-долго будешь исправлять. Это тоже рождает ответственность. И, в-третьих, поскольку каждый человек на виду, посторону совести его никогда не позволит уклониться от ответственности.

Только под грузом высокой партийной ответственности по-настоящему расправляется человек и вырастает в настоящего строителя, художника, гражданина.

2

ПРОХОДЧИКИ.

разговаривал с Тетеевским участком по радиотелефону:

— Как не вышли?! Что?! Кто не вышел?! Не понимаю! Сколько до плана осталось?! До пла-на? Понял! — Вспотев, Михаил бросил трубку.

— Видишь, и у нас двадцатый век. Снял трубку, вызвал Тетею. Представляешь, Тетею! Нигде в мире, кроме Катанги, о ней не слыхивали, а я звоню.

— Даже охрип.

— Нет, это сегодня только. Снеговые заряды где-то. А так — слышимость нормальная.

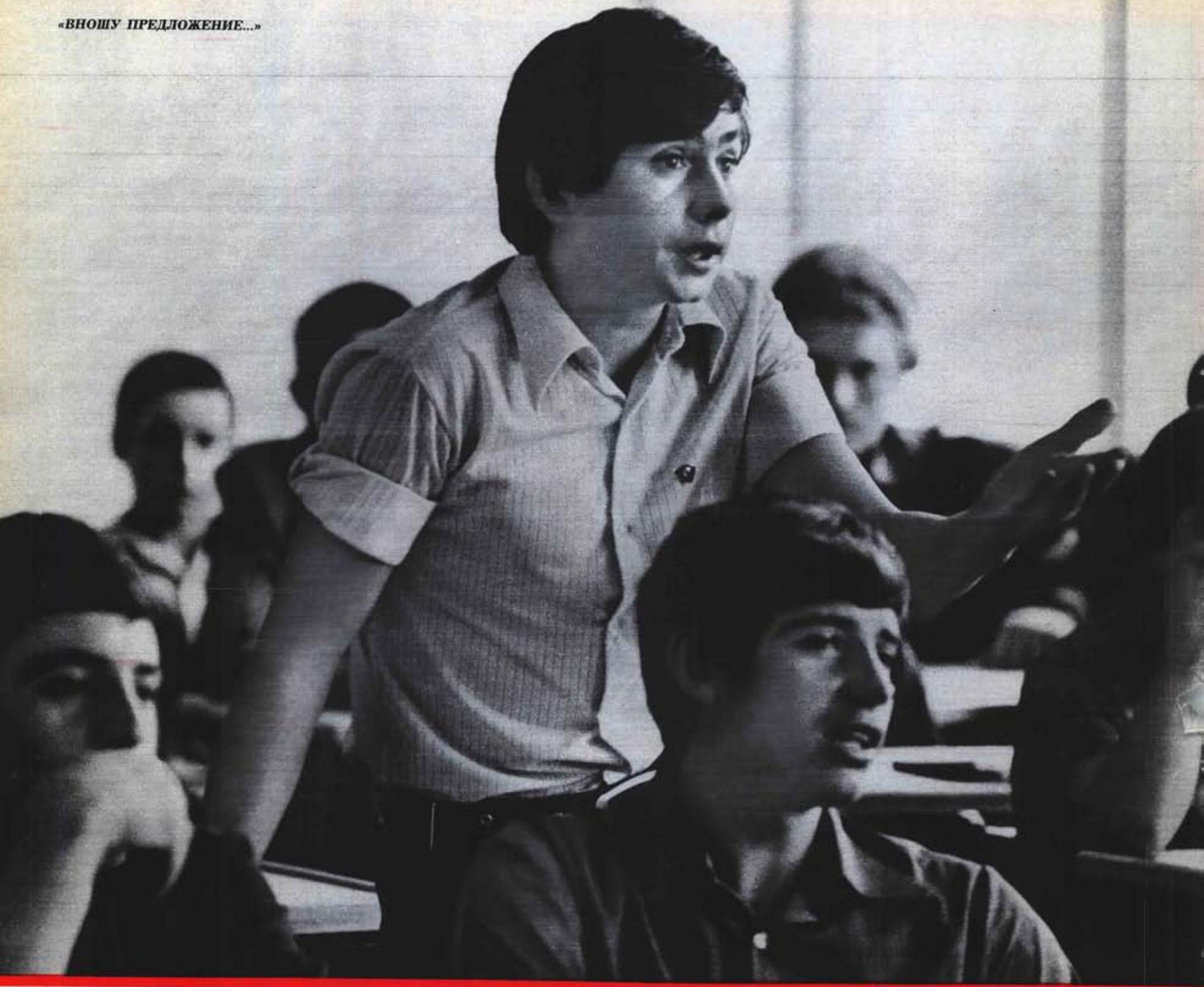
Он директорствовал несколько лет и все это время провел в дороге: оленью упряжку менял на вертолет, вертолет на моторную лодку — спешил, уставал до сизой бледности в лице, но зато знал все нужды охотников, зато ни разу не подвел государство со сдачей пушнины.

В Железногорске живет мой старый товарищ Владимир Викулов. Мы учились в одном городе, в одном университете, он, правда, на горном факультете. В Железногорске Викулов с первых

Летел однажды из Усть-Кута в Магистральный с первым секретарем Казачинско-Ленского райкома партии Владимиром Павловичем Хандыго. Мы давно не виделись. Заметно прибавилось седины в густых, когда-то черных волосах Владимира Павловича, и весь он как-то подсох, посторожел, посуртел. Слышал, прибаливал в последнее время. Летел он со свадьбы дочери — событие столь же радостное, сколь и печальное: оставляет оно некую неумолимую зарубку на отцовском сердце. Но более всего, конечно, переменила Владимира Павловича новая жизнь, ворвавшаяся на берега Киренги. Охотничий, таежно-промышленный район, бытовавший неспешно и патриархально, за какие-то два года превратился в знаменитую на всю страну строительную площадку — бамовские поселки Магистральный, Улькан, Кунерма поднялись на его земле. И райкому партии пришлось круто менять свою работу, подчиняя ее нуждам и тревогам великого БАМа. И первому секретарю райкома очень пригодилась теперь профессия железнодорожника, с которой он расстался когда-то, как казалось ему, навсегда.

Перед вертолетом, в Усть-Куте, мы сидели на скамейке у бамовской диспетчерской, приткнувшейся неподалеку от здания аэровокзала. Диспетчерскую осаждала толпа рвущихся в Звездный и Магистральный — туда чаще всего отправлялись грузы. Хандыго, наблюдая за этой суетой, говорил:

— Людю стало в Усть-Куте. Откуда только не летят. И всем быстрее, быстрее надо. Добраться, доехать, до работы добраться. Слышили разговоры? «Работа ждать не будет», «Я не тороплюсь, работа торопит...» Действительно, как подумаешь, какую гору дел надо переворотить, так и удлинил бы сутки часов на пять... Быстро, ох, как быстро надо работать! — Хандыго долго закуривал, провожая взглядами проходивших, пробегавших людей, точно угадывал про себя, кто к какой работе торопится. — Вы, наверное, обратили внимание, что в печати сейчас часто размышления

о БАМе соседствуют с размышлениями о Нечерноземье. Не случайно, думаю, соседствуют. Две такие великие работы, что дух захватывает...

Ми-2 шел невысоко — хорошо проглядывались в тайге кусты, пеньки, тропки. Перелетели Лену, уплыл назад и вправо мост через нее. Как любит говорить мой знакомый монтажник-высотник Иван Красов, мосты соединяют не только берега, но и людей. «А этот, через Лену, еще теснее связал пашню Нечерноземья, российскую пашню, с сибирской тайгой, сблизил людей, обустраивающих родную землю».

Слева остался Звездный, террасами врезавшийся в крутую гору, видны были утренние спешащие фигуры, угадывалась веселый гвалт у машин-дежурок, развозящих на работу; быстрый, прозрачный говорок Таюры, на берегу которой так сладко и зябко умыться окатиться перед жарким и трудным днем. Справа забелели на обширной поляне дома Нии — маленького, чистенького баймовского поселка. И не исчезала надолго, за таежными крутыми и сопками, все время обгоняла вертолет широкая, сизо-матовая просека, готовая принимать шпалы, рельсы, поезда.

Возникало странное чувство, какого, возможно, не испытать, шагая по просе-

ке пешком. Взгляд с высоты как бы приобщал тебя к усилиям, потраченным просекой на преодоление тайги, с какой-то физической явственностью позволял ощутить, как трудно ей вон на том прижиме у горы, вон в том дремучем распадке. Когда-то шли по этим местам отряды русских первоходцев. Пробивались, прорвались к океану, дивились на ночевках у таежных костров, сколь велико и богато пространство Родины. Тогда начиналась нынешняя просека, старания предков наших тоже продвигают нынче ее.

Солнце уже набрало силу, нагрело вершины сопок — вспыхивали над ними утренние радуги, веселили взгляд и душу баймовского народа. Так же вспыхивали они и над теми, далекими нашими россиянами. Я подумал, что пространство Родины, благоустройство его, может быть, более всего воспитывает в нас душевную крепость, соединяет нас в стремительную, упорную силу, ждет от нас вдумчивой и азартной работы и прививает нам обостренное чувство товарищества.

В Сибири, как, может быть, нигде, товарищество требует ежечасной, ежеминутной отзывчивости сердца, той отзывчивости, которой учусь у встречающихся на сибирских дорогах коммунистов.

3

В Братске живет Иннокентий Захарович Черемных, человек тяжелого и крутого нрава. На войне он был разведчиком. В свое время я помогал ему доводить до издательского состояния фронтовые записки. Тогда Черемных часто вспоминал товарища по разведке, молдаванина, умершего после войны. Спасал ребятишек из горящего дома и не смог пересилить ожоги...

— Звонкий был мужик, веселый! Песни пел, стихи сочинял — долго собирался жить. Хоронить я его не летал — работа не пустила. А раз могилы не видал, из живых не торопился вычеркивать. Ночью не сплю, прикидываю: вот лето придет, приедет Василий... Порыбачим на Братском море. Он сильно Братск хотел повидать. Сыновей собирался взять. Мы ведь как рассуждали: раз сами дружим, пусть и дети подружатся. Может, сватами бы стали. Дочь свою мечтал за его старшего отдать...

Да, двое парней осталось... Жена его писала, что никакие цветы на могиле в рост не идут. Я думал, захвачу с собой мешок братской земли — сам знаешь, как на ней все полыхает. Но не скоро собрался, душа иссохла, пока собрался. Сыновья у него там растут, а я их и не видел. Помогал, правда, не густо, но помогал. Сердцем за них болел.

ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ ТРУДОВОГО ДНЯ.

Наконец собрался. В Кишиневе на вокзале жена его, вдова то есть, встретила. Заревела сразу, как увидела. Я ничего, крепился, только рюкзак с землей вроде как потяжелел. Поехали с вокзала на кладбище. Вершишь, до могилы метра три осталось — ноги отказали. Подкосило меня на последних метрах. Считай, ползком до Василия добрался. Отлежался, отышался... Долго у них гостили — цветы успели на братской земле взойти... — Сухое, жесткое лицо Черемных напряглось...

Служим ли мы, не воевавшие, товариществу с такою же страстью? Освещаем ли его с такой же искренностью?.. Вот какими судьбами поверять себя следует.

Недавно прочитал документальную книгу Ивана Григорьевича Падерина «Ожоги сердца». На ее страницах — война, пороховая гаря, ратный, кровавый пот перемешаны с запахом сухого, полынного ветра, летящего над сегодняшней Кулундинской степью. Бывший старший политрук Иван Падерин возвращается в Кулунду, где он когда-то работал секретарем райкома комсомола и откуда увел комсомольский лыжный батальон под стены Москвы. Возвращается после долгой разлуки с давнею, неизлечимо болью в сердце: он должен рассказать землякам об погибших сыновьях, которых в Кулунде до сих пор помнят юными, вихрастыми, смешливыми, с первым пухом на румяных щеках. Никакой вины у старого и честного солдата

шеприказчика погибших отзывается в сердце высокой и чистой болью.

Для меня сердечная щедрость Падерина всегда была и есть та нравственная высота, к которой надо стремиться: человек видел столько крови и страданий, сам обильно проливал ее, почти на его глазах фашисты убили его малолетнего сына уже в конце войны. И все же ни кровь, ни самое черное горе не одолели его доброты.

Сколько знаю его, он всегда за кого-нибудь хлопочет: за рукопись начинающего литератора, за какого-нибудь оступившегося паренька, которого лично Падерин не знает, но все равно верит, что из паренька может выйти еще человек, за вдову солдата, которую районные власти не устроили с жильем... Сколько помню, рабочий стол его всегда завален письмами: тоже с просьбами, жалобами, бедами — многие знают о его отзывчивом сердце, многих радовал его хриплово-надражанный голос в телефонной трубке:

— Доброго здоровья. Иван Падерин рад доложить тебе, что по твоей просьбе принято решение...

Солдатское сердце заняло такие высоты, что шапка валится, когда взглядаешь на них. Нам надо торопиться, чтобы достичь этих высот.

Редко видимся, редко переписываемся, и давнее дружество наше как бы стихает, растворяется в мельтешении и давке дней. Но до некоего часа. Когда настойчиво подступает к сердцу: «А как

пустынно, а посмотреть все равно есть на что. И в скучности красота есть...

— Не надоело по северам мотаться?

— Кто его знает. Вроде нет. Третью ГЭС строю. Привык мотаться-то. Каждый раз охота до конца досмотреть. Что мы тут натворили, наворочали. А главное — к ребятам привык. Как с Иркутской ГЭС начали, так и остановиться не можем. Семья не семья, а братство этакое гидростроительное появилось. И

КЛЮЧ ОТ БАМа.

Падерина перед земляками нет, но, как говорил поэт, «все же, все же, все же»...

Первое утро на родине. После бессонной ночи вышел Падерин на крыльце и увидел: «...напрямик ко мне идет торопливым шагом прожилая женщина. И сжалось сердце — узнал в этой худенькой, седовласой, высушенней заботами и временем женщине ту давнюю, дородную, властную, какой я помнил ее всегда, мать моего погибшего друга Миши Ковалева.

— Ваня, слышь, я трех петушков зарубила, так завтракать ко мне!

— Приду, — ответил я внезапно перехваченный горлом.

— А я у колодца, вон там, ждала, когда выйдешь. Боялась — прогляжу...

— Я и сам к вам первой зайти собирался...

— Вот и спасибо. За то, что память имеешь...

В сущности, книга рассказывает, как тратит, не щадит свое сердце русский писатель Иван Падерин: ходит и ходит по родному Степному из дома в дом, к сыновьям, матерям, внукам своих погибших бойцов и как бы по пути помогает каждому определиться в жизни, найти себя, преодолеть душевную, а порой и житейскую неустроенность — описание этих хождений, этой нелегкой доли ду-

там Леонтьич? Будто в воду канул. В самом деле, как? Жив ли, здоров ли?»

И он появляется, словно услышав это беспокойство, а скорее всего потому, что хороший человек всегда легок на помине. Плотный, уже несколько отяженевший, с каштановой густой бородой.

— Здорово, дедушка! Чай будем пить или в баню сначала сходим?

— У-у, Леонтьич! Ты куда пропал?

— Да тут, неподалеку был. ГЭС на Колыме строю. — Его зеленовато-желудевые глаза блеснут весело и бесовато.

— Хороша хоть речка-то?

— Ничего речка, быстрая. Но с Ангари и Вилюем не сравнишь.

...Пьем чай, говорим о житье-бытье. Леонтьич встает, тыльной стороной ладони подцепляет бороду снизу, выправляет, выкладывает ее поверх галстука, берет чашку и, похаживая с ней, разбавляет речь неторопливыми глотками.

— Тайги там, считай, нет. Стланик, пустыри, горы. Синегорье — вот где я теперь живу. Охота? За пятьсот verst на вертолете добираемся. Можно, конечно, и на вездеходе... Зима? Покрепче здешней, пядреней. Однажды водовод лопнул, а на дворе — под шестьдесят. Троек суток всей артелью с берега не уходили. Обошлось. Хоть и голо у нас,

НАШ ТРУД И ЭНЕРГИЮ — ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ!

рублем последним и куском последним поделимся без слов. Да уж коли речь зашла, то в огонь и в воду друг за друга... Вот нынче бульдозер через Колыму переправляли. Под водой на троих тащили. Похлеба-али мутной водички. Дай-ка листок и карандаш...

Леонтьич обозначает берега, показывает, где стоял бульдозер, где лодки, где лежал валун, за который цепляли трос. А пунктирными дугами показывают, как они ныряли друг за дружкой...

Вот так же, не надеясь на слова (хотя и рассказывает и пишет он с впечатляющей живостью), чертил Леонтьич, объяснял различные строительные передряги, приезжая в свое время с Вилюем, с Алданом, с иных северных берегов, благоустройству которых он отдал почти двадцать лет.

...Он тонул в ледоход, спеша на помощь заболевшему товарищу. Выпрыгнул. С покалеченной в тайге ногой добирался до элловского стана несколько суток. Добрался. Сотни верст тащил на себе обессилевшего товарища. Дотащил. Ни разу и в малости не нарушил законов товарищества старый строитель Леонид Леонтьевич Кокоулин.

Почему-то вспоминается сейчас, как поднимались мы однажды с товарищем на гребень плотины, Братской ГЭС. Долго шли гулкими, сумрачными переходами, по бетонным плитам. Инженер, провожавший нас, называл отметки:

— 290... 307... 350...

И вот — выныриваем в небо, оглушительно свистит ветер, слепит солнце, раскалываясь в волнах. Провожатый объявляет:

— 407-я отметка над уровнем Великого океана.

Это и есть вершина Братской ГЭС. Сидим на свежеструганом бревне, смотрим. У нижнего бьефа ревет вода, а прямо из-под солнца накатывается море. Вы-со-та. Теперь уже можно легко вообразить, что вон за тем синим, далеким-далеким лесом видны избы Илимска, где страдал Александр Радищев; Аввакумово жилище, именуемое еще башней Братского острога, и разглядывать не надо — вот оно. И совсем хорошо различимы внизу люди, прошедшие революцию, войны и поднявшиеся на эту вот 407-ю отметку над уровнем Великого океана. Вы-со-та. И грохочущий ветер над ней.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ, ПРИНИМАЕМАЯ КОМСОМОЛЬЦАМИ 70-Х ГОДОВ,— ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ РАБОЧИХ ТРАДИЦИЙ, ВДОХНОВЕННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЙ ПАРТИИ.

АЛЕКСЕЙ. Волновался я, конечно, страшно... Вокруг — асы, лучшие каменщики, гвардия треста, можно сказать. Туркин Василий Степанович — это же для каждого строителя имя, кавалер ордена Трудового Красного Знамени...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Я на трестовском конкурсе тоже немного понервничал — когда вы по местам встали. Восемь равноценных захваток мне, когда я готовил участок работ, подобрать не удалось, и одна, как раз та, что тебе досталась, оказалась меньше других. Пришло к ней на другой стене кладку добавить, и при переходе на нее ты должен был, конечно, время потерять... Увидел я тебя там — ну, не повезло Лешке! А потом подумал: а ведь, пожалуй, и справедливо получилось.

АЛЕКСЕЙ. У меня же тоже преимущество было — класть пришлось облицовочным кирпичом, а я как раз перед конкурсом им работал — рука к нему привыкла...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. А другие — что, с облицовочным никого не работали?

АЛЕКСЕЙ. А когда кладка пошла, я уже не волновался — просто не видел никого. Руки работают, а я себя уговариваю: не спеши, действуй в своем ритме. Запомнил, как на конкурсе управления Коля Азарков по времени всех обогнал, а потом выяснилось, что с вертикальностью он чуть ошибся. А Миша Лобанов тогда, наоборот, немного отстал, зато кладка у него была — не придерешься. За счет этого он Азаркова обошел. К качеству сейчас особое отношение.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Когда на трестовском конкурсе подвели итоги и выяснилось, что ты Туркина обогнал, некоторые члены комиссии никак не могли в это поверить и даже результаты пересчитывали. Не обидно было?

АЛЕКСЕЙ. Знаешь, нет. Во-первых, на сколько я там Василия Степановича обошел? На балл... А во-вторых, думаю: авторитет большого мастера требует особого отношения. Я с Василием Степановичем вместе много работал, а до сих пор иной раз засмотревшись — красиво! Ни одного лишнего движения. И вот еще что интересно. Правильная кладка — когда каменщик «от себя» работает, верно?

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Конечно. Так у тебя вся линия перед глазами — ты ее и ведешь.

АЛЕКСЕЙ. А Туркин работает — «под себя».

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Неправильно.

АЛЕКСЕЙ. А кладка у него идет правильная.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Так Туркину ее и видеть не надо — он линию одними руками чувствует. Только это не каждому дано.

АЛЕКСЕЙ. Значит, человек занимается не своим делом.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Видимо, так. Но это положение еще поправить можно. По нашей Конституции каждый имеет право на работу в соответствии с призванием и способностями, и надо ее только найти. А вот когда человек работает плохо и при этом собой доволен и спокоен, тут уж не с местом работы, а с самим человеком что-то неладное творится.

АЛЕКСЕЙ. Погоди, отец. Я хочу вернуться к призванию. Я понимаю его так: у каждого человека есть дело, которое он мог бы делать лучше любого другого, и делать с радостью. Очевидно, именно в этом деле у него самые большие шансы стать мастером, то есть приносить наибольшую пользу людям. Значит, все — и сам он и государство — заинтересованы в том, чтобы это дело было найдено, и надо его искать...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Надо.

АЛЕКСЕЙ. А где его искать? Есть такие, что чуть ли

не с первого класса это знают, а есть другие, которые не только после школы, но и в армии отслужив, — это я к тому добавил, что люди они вовсе не плохие, — не могут в своих стремлениях разобраться. А еще случается, обманываются люди, показалось — призвание, а потом выяснилось — ошибка... Был в нашей школе парень. Точно с третьего класса знал — будет моряком. Занимался так, что сразу поступил в мореходку в Ломоносове. Доучился до первой практики, поплавал — и вдруг понял, что нет у него к морю такой любви, чтобы терпеть все, что моряку достается. Ушел из училища, отслужил, вернулся в Орехово-Зуево. Потом рассказывал: встремчусь с ребятами из класса, идем с ними по улице, а они все по сторонам показывают — вот этот дом мы строили и тот тоже мы, а скоро там начнем... А я иду и помалкиваю — морские байки травить что-то не тянет... В общем, подумал он и тоже настройку пошел. Теперь и у него свои дома есть, сейчас он в строительном техникуме учится... Иногда и так человек до своего дела добирается. И это еще не самый долгий путь. Мне сейчас смешно вспоминать, а ведь действительно было: одно время в нашем классе все девочки мечтали быть учительницами, а ребята — геологами.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. И ты тоже?

АЛЕКСЕЙ. И я — за компанию. А что мы тогда про работу геологов знали? Только песню «Держись, геолог, ты ветру и солнцу брат».

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Уж чем-чем, а ветром и солнцем вас бы и на стройке не обделили.

АЛЕКСЕЙ. Вот именно.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Так что же, выходит, зря наши ветераны у вас в школе выступают, раз ни одного из вас стать строителем не потянуло?

АЛЕКСЕЙ. Вот этого я сказать не хотел. Как же зря, если в тресте сейчас ребят из нашей школы больше, чем из любой другой. Геология в нашем понимании была чем-то романтическим: походы, кости и так далее... А то, что профессия — это прежде всего упорный труд, поняли позднее. Шефство нашего СМУ над школой сыграло здесь свою роль. И беседы со знатными строителями, чьими руками был построен новый город, так не похожий на тот деревянный, затопленный грязью городок, в котором мы родились, и практика на стройках управления, все, чему мы при этом научились, — разве не это потом привело многих из нас на стройки? Сейчас наши комсомольцы решили еще более укрепить связь со школой — принято решение ввести в бюро управления представителя комитета комсомола школы. Думаю, надо почтче встречаться ученикам не только с нашими ветеранами, но и с молодыми рабочими. Причем с теми, кого ребята еще помнят такими же школьниками. Чтобы они убедились, что призвание не обязательно далеко от дома надо искать.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Вопрос тут, по-моему, не в том, надо ли вообще искать. Вопрос — как искать? А то бывает, что одни ищут, а работать, считают, в это время можно кое-как. А я думаю, что искать надо, работая на каждом месте по-настоящему, во всю силу. Иначе что ты узнаешь, чему научишься? Как у нас в деревне говорили: кто два дела знает, тот еще десяток подхватит. Я до армии всю крестьянскую работу знал, плотничал. В армии понадобилось — и печи стал класть, и даже парикмахером пришлось быть. Генерал-лейтенанта раз стриг...

АЛЕКСЕЙ. Страшно, наверное, было?

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. А ты как думаешь? Но ничего — получилось в лучшем виде... И на стройку я плотником пришел, а потянуло в каменщики, так мне пришлось учиться только перевязки делать — остал-

Уроки жизни

Степан Иванович МОРОЗ,
бригадир
треста «Мособлстрой» № 12
имени 50-летия СССР,
заслуженный строитель РСФСР.

Алексей МОРОЗ,
каменщик
треста «Мособлстрой» № 12,
победитель конкурса
«Лучший по профессии»,
студент-заочник
строительного института.

ному меня вся работа, что я раньше делал, уже выучила. И потом: призвание — разве это когда взялся за дело и оно у тебя само собой пошло? Может, и бывает так, но чаще я видел, как не получается сначала у человека, а он не отступает и добивается своего. Мастерство без пота рукам не дается.

АЛЕКСЕЙ. Ты знаешь, я тоже тяжело начинал. Даже услышал раз: какая из тебя каменщик! Не выйдет из тебя ничего...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. А ты что?

АЛЕКСЕЙ. А я не поверил.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. И правильно сделал. Это я не потому говорю, что ты звание лучшего каменщика треста завоевал. Ты мог им и не стать, а я бы то же самое сказал. Серьезно об этом говорят не так, а с горяча такими словами бросаясь, когда перед тобой молодой рабочий, вообще нельзя. Мастерства ему этим не прибавишь, а отбить охоту брать в руки мастерок можно... Разве учить мастерству надо с требованиями? Гони норму? Видимо, сначала в человеке нужно отношение к работе воспитать, рабочее достоинство, гордость за свое дело.

АЛЕКСЕЙ. В молодости обычно мучаешься жаждой самоутверждения и стремлением завоевать как можно быстрее уважение окружающих. Как этого добиться? Работой? Ты еще совсем мало умеешь, и скрыть это невозможно. Вот иногда и начинают искать другие способы...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. А нужно, чтобы в каждом рабочем коллективе была такая атмосфера, чтобы сразу и навсегда стало ясно — здесь человека уважают за работу, за то, как он к ней относится. А умением рассказывать анекдоты или достать бутылку до открытия магазина здесь уважения не добьешься. Бессмысленно учить молодого рабочего мастерству, махнув рукой на его человеческие и гражданские качества. Учишь ты его, к примеру, кладку вести, а он считает, что самое главное в жизни — не перетрудиться, словить, меньше сделать, но больше получить... Тогда и не жди, что из такого настоящий мастер выйдет — в лучшем случае халтурщик средней руки.

АЛЕКСЕЙ. Знаешь, отец, меня как-то спрашивали, кого бы я назвал своим учителем. И подсказывают:

ДИАЛОГ ОТЦА И СЫНА

время для

Мороз, Салов, Туркин, Медведев... Правильно, конечно, подсказывали. Только вот о тебе надо бы вести разговор особый. Я так примерно и сказал. Но есть еще один человек, о котором я упомянул бы отдельно.—Фаина Федоровна Чапыгина... Вот уже шестой год она моя бессменная напарница, и хотя кладка она меня научить не могла...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Еще как могла! Уж я-то знаю—сам с ней сколько лет проработал. У нее глаз такой, что от него ничего не укроется. Подойдет, бывало, посмотрит и тихо так скажет: «Степан Иванович, завальчик есть». Где? Как? Откуда? И ведь точно—есть. Потом я ее уже всегда сам спрашивал: «Как, Федоровна? С какой стороны перемычка выше лежит? С этой? Ясно». Зато уж если Чапыгина сказала «ровно»—можно не мерить...

АЛЕКСЕЙ. Глаз у нее редкий, конечно, но я о другом. У нее совесть! Она, например, не признает хорошо сделанного, если знает, что можно было сделать отлично. И обязательно об этом скажет. Случалось, обидно было слушать: вроде нормально сделал, не хуже других, начнешь оправдываться—да ладно, мол, Фаина Федоровна, понимаете, так вышло, в другой раз... А она таких «объяснений» просто не понимает. Стоит, на тебя смотрит и за тебя же переживает. Тогда и сам задумаешься, и доходит до тебя: пусть это и сделано ничего, но раз ты можешь лучше, то выходит, что для тебя это плохо!

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Тут она права. Бывает, позволил человек себе раз сделать «лишь бы какнибудь», его и в следующий раз на то же потянет, а там такая работа и в привычку войдет. А от привычки, по пословице, до характера рукой подать. Так что важно человека сразу остановить, если его в сторону потянуло.

АЛЕКСЕЙ. Работа рядом с такими людьми, как Чапыгина, Туркин, конечно, многое дает. Но становление молодого строителя зависит и от того, какую работу ему поручат. Нагружать поддоны кирпичом?

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Ну, от этого на стройке никто, видимо, не уйдет.

АЛЕКСЕЙ. Согласен. Но заниматься день за днем только этим? Такая работа и самого добросовестного парня от стройки оттолкнет. Ведь у него сейчас

обычно за плечами среднее образование, и то, что мы живем в эпоху научно-технической революции, он знает прочно.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Ручного труда в нашем деле хватает. Зачастую это и отпугивает молодежь...

АЛЕКСЕЙ. Или родители заранее отпугнут—еще до того, как парень с нашим делом в жизни столкнется. А в результате специальности более дефицитной, чем каменщик, сейчас в строительстве нет.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Но ведь положение меняется. Помню, строили мы дом—его у нас «домом со шпилем» называют, был у нас бригада—шесть каменщиков и сорок разнорабочих. Так они, эти сорок человек, еле за нами успевали... При современной организации труда в такое уже плохо верится.

АЛЕКСЕЙ. И все-таки малая механизация и сейчас на стройке проблема. То ли не доходит она до нас, то ли просто не привлекает внимания конструкторов, вот и получается, что вся наша механизация—это кран. Строили мы несколько лет назад роддом. По архитектурному решению сооружение было уникальное, тогда таких вообще было лишь два в стране—в Тольятти и у нас. Обычно такие объекты запоминаются. И этот запомнился—тем, что работать на нем тяжело и неприятно было. После того, как смонтировали каркас, мы оказались отрезаны от крана, и внутри пришлось все делать вручную, потому что техники на этот случай никакой не предусмотрено. Тут, кстати, еще одна проблема всплывает. Разве не стоит еще при проектировании подумать о том, чтобы и строить объект, такой красивый на бумаге, было максимально удобно? А то ведь потом строителям приходится «изворачиваться»... Есть, разумеется, рационализация. Вот, к примеру, твое предложение о вентиляционных и вытяжных шахтах. Раньше мы начинали оставлять «карман» с проектной глубиной. Пока поставил всю стену, он забывается раствором, обломками... Вот и приходилось потом прочно звать его компрессором или просто долбить кувалдой. Занятие это было не только тяжелое, ненормированное и неоплачиваемое, но и какое-то унизительное. Если же честно, сколько сейчас в каждом доме таких шахт!.. А ты предложил оставлять «карман» на метр поглубже—и оказалось, что кувалда нам теперь и не

нужна. Сколько по всему тресту экономится рабочего времени! Таких примеров можно привести немало—рабочие на смекалку не скуются, особенно сейчас, при работе по подряду,—но все это достижения тактического плана. А при проектировании, если, конечно, подумать и о строительстве, можно избежать промахов стратегического, так сказать, масштаба—таких, как непродуктивная установка крана...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Вот ты, Леша, упомянул подряд. Вернувшись из армии, ты попал в бригаду, работавшую по этому методу. Ну и как, почувствовал разницу?

АЛЕКСЕЙ. Еще как! Где-то я недавно прочитал слова одного бригадира, что с переходом на этот метод спрос с рабочего увеличивается в пять—десять раз. Как он подсчитывал, не знаю, скорее употребил такие цифры для наглядности, но по сути он прав.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. По сути—да.

АЛЕКСЕЙ. Причем обязанности рабочего изменились не только количественно, но и—что самое важное—качественно. Он заинтересован не только в своем участке, на котором теперь необходимо работать с гарантией, но и в общем результате бригады. Изменилось где-то и само понятие мастерства строителя—в него неотрывно вошли качества хозяина, организатора, гражданина.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Бригада, работающая по подряду,—особая организация. Вот почему работать по-новому не всем удается. Наша бригада первой в тресте перешла на этот метод, и первый же объект мы сдали с отличной оценкой. Получили пять тысяч рублей премии. Но я не скажу, что нам все легко далось. Трудно было, но получилось. А почему? Потому что уже тогда наша бригада можно было назвать подрядной—и по отношению к делу, и по дисциплине, и по квалификации. Недаром у нас за спиной уже целые улицы были. А при подряде все еще серьезнее стали относиться к делу.

АЛЕКСЕЙ. У нас сейчас полбригады можно назвать бригадирами—и по мастерству и по умению направить работу.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Подрядная бригада и должна быть такой. Она коллективно отвечает за объект, значит, и думать должна коллективно.

АЛЕКСЕЙ. И все же у бригадира в ней особая роль. А уж что касается забот!..

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Этого хватает. Говорить о них можно не часами, а днями. Я вечером с площадки не уйду, пока у меня не подготовлен для каменщиков фронт работ на завтра. И утром выйду не к восьми, а пораньше. К восьми у меня уже все раскидано, разнаряжено—можно начинать работу, не теряя ни минуты. Она сейчас дорого стоит. А чем больше в бригаде хороших мастеров, тем дороже. И все-таки главная забота у бригадира—люди. Нельзя смотреть на них только как на работников. Обеспеченность

мастеров

материалами, правильная, соответствующая данному объекту расстановка сил — это все, само собой, крайне важно. Но и с ними многое не добьешься, если нет внутри бригады хороших отношений, если бригада разобщена. И собрать ее — главное дело бригадира. Собрать в одно целое, в настоящий рабочий коллектив.

Всю свою двадцатишестилетнюю бригадирскую жизнь считал я для себя самым важным иметь право всегда, в любых обстоятельствах смотреть людям в глаза — и всей бригаде вместе и каждому один на один. Нет у тебя этого права — значит, и бригады нет. Был у меня случай через несколько лет после войны. Прислали ко мне в бригаду «на перевоспитание» троих. У каждого за спиной судимости...

АЛЕКСЕЙ. А тебя уже тогда «воспитателем» числили?

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Наверное, раз прислали. Так вот, работать они вообще не хотели, а через две недели подходят ко мне втроем и говорят: «Ставь нам по две полных рабочих недели!». И ножки показывают. Положение... «А вы работали?» — спрашиваю. Смеются: «А как же!» «Хорошо, пойдемте — покажите. Сколько увижу, столько и напишу...» Никуда мы, конечно, не пошли, но и писать я им ничего не стал. И больше они уже ко мне с этим не подходили.

Это была ситуация необычная, разумеется, но важен принцип. Если бригаде лично меня упрекнуть не в чем, если она мне во всем доверяет, то и я могу ей доверять. И спрашивать с нее по полному счету — тоже. И она меня поймет. Словом, и бригада и бригадир к подряду должны сами прийти. Вот были у нас в бригаде молодые ребята, тянулись они и друг к другу и к мастерству тоже тянулись. Учили мы их всей бригадой, а если приходилось нам делиться, то их старались на один объект направить. Силу они набирали быстро. Чтобы они ее и сами почувствовали, послали их как-то на помощь другой бригаде. По тому, как они там поработали, видно было, что вокруг этого ядра со временем сильный коллектив создать можно. Умения просто работать по нынешним временам недостаточно, нужно грамотно организовать работу, разбираться в экономических вопросах. Назначили мы Мишу Лобанова, который у нашей молодежи звеньевым был, заместителем бригадира. Вот так, постепенно, они все премудрости стройки и познавали. На строительство нового здания всю ответственную кладку их звено выполнило на «отлично». К этому времени у них всех уже были четвертые разряды. Словом, стало ясно, что ребята уже могут работать самостоятельно. Как раз приступили мы к строительству первого в нашем городе 14-этажного дома. Дом хотя и высокий, а участок работы небольшой, всей бригаде на нем тесно, ну и решили, что время делиться. Согласовали составы бригад с партбюро и руководством СМУ, провели последнее общее бригадное собрание, и на нем члены новой бригады избрали себе бригадира. И только тогда приняли решение о разукомплектовании бригады С. И. Мороза и организации комсомольско-молодежной бригады Михаила Лобанова. Сейчас они строят торговый центр. Мы даже перевели в их бригаду кое-кого из тех, кого еще и учить и воспитывать надо: им уже и это по силам.

АЛЕКСЕЙ. Да, работают они самостоятельно недавно, а в тресте бригада Лобанова уже одной из самых сильных считается.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. И правильно считается. В хорошей бригаде, успешно работающей по подряду, молодые всегда быстро на ноги становятся.

АЛЕКСЕЙ. Я заметил, что в человеке, почувствовавшем себя мастером, как будто что-то меняется. Что я имею в виду? Меняются его взаимоотношения с жизнью, если можно так сказать, — он уже по-другому видит свое место в ней, по-другому оценивает свои права и обязанности... На последней комсомольской конференции треста бульдозерист Коля Калинин обязался ко дню открытия XVIII съезда ВЛКСМ выполнить план 3,5 лет пятилетки. Его поддержали многие комсомольцы. Что это — просто ребята пересматривают нормы своей работы? Можно и так сказать, конечно, но, на мой взгляд, есть в этом и более глубокий смысл. Ребята по-новому подходят к своим обязанностям перед комсомолом, перед всем нашим обществом. Я участвовал в городской комсомольской конференции и обязался там выполнить к 25 апреля план трех лет пятилетки. И знаешь, отец, я вот брал эти обязательства и чувствовал, что мне верят. А это здорово, когда люди, знающие толк в работе, верят в твои силы, в твое умение.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. После этого, наверное, уже нельзя сомневаться, правильно ли ты избрал свое дело в жизни.

АЛЕКСЕЙ. Отец, а почему ты все-таки стал каменщиком? С детства плотничал и на стройку пришел плотником...

СТЕПАН ИВАНОВИЧ. Да потому, видно, что плотник ставит в доме рамы, а каменщик — сам дом...

Диалог записал Игорь СЕРКОВ.

ПИОНЕРАМИ И ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ С ГОРДОСТЬЮ НАЗЫВАЕТ НАШ НАРОД КОМСОМОЛЬЦЕВ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ — ГЕРОЕВ МАГНИТКИ И ЗАПСИБА, ДНЕПРОГЭСА И БРАТСКА, ТЮМЕНИ И БАМА.

27 апреля 1974 года XVII съезд ВЛКСМ проводил на БАМ бойцов Всесоюзного ударного комсомольского отряда. Их было 600. Из разных уголков страны, из всех братских республик.

Я только по фотографиям, по кадрам кинохроники да по рассказам товарищей представляю, как это происходило. В Кремлевском Дворце съездов я не был. И вообще утром еще не знал, возьмут ли меня на БАМ.

О БАМе я услышал за три дня до этого. И вот при каких обстоятельствах...

После армии, окончив Муромский радиотехнический институт, работал контролером ОТК на радиозаводе. Работа чистая, не тяжелая. Тепло, светло. Белый халат. Сижу с отверткой. А я сам из деревни родом. Отец и мама в селе Пушлей, Кулебакского района, Горьковской области, в восьмилетней школе учителями. Я в поле работать привык. Простор люблю, труд крестьянский люблю — до пота, до звона во всем теле...

Короче говоря, не по душе мне было это контролерство. А тут еще оказался у нас один товарищ пенсионного возраста, тоже, кстати, контролер, так у него сын в Надыме, в Тюменской области, и он мне рассказывал, как сыну там работает. Настоящее, мужское дело. Я адрес взял, написал в Надым, попросил, чтобы прислали вызов.

В начале апреля вызов пришел. Начал потихоньку оформляться. В комитет комсомола сказал, что собираюсь уезжать. Ребята меня правильно поняли.

XVII съезд начался 24 апреля, а на следующий день мне из комитета позвонили: «Зайди». Я зашел. Показали газету, спросили: «Поешь строить Байкало-Амурскую магистраль?» Я ответил, что, конечно, поеду. Если стройка только начинается, да такая стройка, это еще интереснее. «Отъезд в Москву завтра...»

Документы у меня были почти готовы, ребята помогли — съездили в горком, характеристику подпилили, а я обошел с «бегунком» завод, поставил печать в поликлинике (медицинскую комиссию я уже прошел), выписалась в паспортном столе, попрощалась...

В одиннадцать утра был в обкоме ВЛКСМ во Владимире. И вдруг слышу: все уже уехали, области предоставили только десять мест в Всесоюзном отряде. Так что, говорят, не расстраивайся, выбирай другую стройку: кочешь — Тюмень, хочешь — КамАЗ, хочешь — Тимертау...

Настроение упало. Вышел на улицу, подумал... Не выходил из головы БАМ. Так хотелось именно туда, хотелось быть с теми, кто сделает самый первый шаг.

Решил еще раз поговорить в обкоме. Инструктор меня выслушал. «Подожди, сейчас будем разговаривать с Москвой, с владимирской делегацией». Минут через десять: «Нет, все укомплектовано».

Я говорю: «Поеду в ЦК ВЛКСМ». Он на меня посмотрел. «Ладно, мол, дам тебе комсомольскую путевку, только ты там ее особенно не размахивай».

Дал путевку, я сразу же в электричку — и в Москву. Он сказал, что делегация в гостинице «Алтай».

Приехал в Москву ночью, переночевал на Курском вокзале — и в «Алтай». Это было утром 27 апреля, где-то в начале седьмого.

В «Алтай» никто не спал. Ребятам из Всесоюзного отряда уже выдали форму, они ее подгоняли, нашивали пришивали.

Руководителем владимирской делегации оказался знакомый мне человек — Серебряков Сергей. Он был начальником районного штаба студенческих строительных отрядов, в 1972 году мы вместе работали в Актюбинской области, строили в степи жилые дома для рабочих. Сергей говорит: «Сейчас начнется заседание штаба. Будет возможность — возьмем тебя».

Вернулся он, разводит руками. «Ничего невозможного сделать, в поезде лишних мест нет, все распределено». Я в штаб отряда. Мне повторили: «Поезд сформирован, ничего сделать нельзя».

Осталось только одно: пойти в ЦК ВЛКСМ. Мне объяснили, как добраться.

Снизу, от вахтера, позвонил в отдел. Так до сих пор и не знаю, с кем разговаривал. Рассказал свою

историю, что не попал в отряд сказал, спросил, как быть. Мне ответили: «Все билеты в спецпоезд распределены, лишних нет». Я сказал, что доберусь любым другим поездом, а билет куплю сам. Только куда и с какого вокзала ехать и к кому обратиться на месте?

«Подожди», — сказали мне. Они там посовещались, голоса были слышны в трубке.

Потом говорят: «Поехай в гостиницу, найдут тебе место в поезде, только поедешь без формы».

Я помчался в гостиницу. А там говорят: «Ну и упрямый же ты парень! Звонили из ЦК. Собираются, поехали одеваться».

А в Кремлевский Дворец я не попал. Не успел. Пока туда-сюда возили пока форму подшивали — уже вернулись ребята. Взволнованные, радостные. И с того момента я уже был вместе со всеми. Один из них.

2 мая 1974 года в Усть-Кут специальным поездом № 14 прибыли бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVII съезда ВЛКСМ.

Дорога была необыкновенная. Наставляли встречали во многих городах, как будто мы БАМ уже построили.

Первая встреча — в Кирове. Там на перроне собирались ребята в форме студенческих строительных отрядов. И еще, наверное, полгорода. Митинг, теплые слова. Менялись фотографиями, значками. Нам дарили книги, цветы.

И так всюду, БАМ — это слово никому не нужно было объяснять, вся страна уже знала его.

Наставление приподнятое. Такие удивительные встречи! Нас называли «бамовцами», хотя мы еще ничего не успели сделать. Оркестры, песни... И про БАМ уже пели. Помню, в Москве разучивали текст: «Даешь Байкал, даешь Амур! Мы все мечтатели-романтики, мы молодая гвардия труда...»

Тюмень, Омск, Красноярск, Тайшет... В Тайшете мы разделились: часть отряда была направлена в Тынду, другая — в Шимановск, а третья, в том числе и наша владимирская группа, двинулась по северной дороге на Братск.

Первого мая мы были в Братске. Огромное впечатление произвела ГЭС. Там мы впервые, можно сказать, ощутили гигантский размах того, что уже сделано в Сибири и что предстоит сделать. Сделать с нашим участием.

Нельзя сказать, что мы тогда себя отчетливо представляли, какая конкретная будет работа, с какими проблемами и трудностями столкнемся, что от каждого потребуется. Голова кружилась, когда нам говорили о будущей магистрали, о ее значении для нашего государства. Ну, а слова о лишениях, связанных с таежной жизнью и с работой в тайге — они, похоже, даже подогревали интерес к предстоящему. Нам говорили: «Летом комары, мошки. Зимой морозы до 60 градусов». Да, так и говорили — до 60. А все как были настроены? Скажут: «60 градусов». В ответ: «Ура!» Скажут: «Мошки, комары». Тоже: «Ура!»

На митинге в Усть-Куте было предложено назвать первый по трассе поселок Звездным. Мы все поддержали.

После митинга — баня и медосмотр. Начались бамовские будни.

3 мая 1974 года у слияния таежных рек Тауры и Нии вертолеты высадили десант комсомольцев — строителей БАМА.

Еще в поезде нас спрашивали: кто куда хочет? Лесорубами? Плотниками? Две профессии, которые больше всего требовались тогда стройке.

Область формировалась бригаду. Наша владимирская делегация попросилась на руку леса. Бригадиром меня избрали Серебряков. Серебряков, я думаю, говорил о ребятами, сказал, видимо, что работал в стройотрядах у нас на Владимирщине и в Казахстане, что какой-то опыт есть.

Ну, и, наконец, десант. Нас было триста из съездового отряда — и, наверное, человек сто корреспондентов...

Справедливости ради следует сказать, что день рождения Звездного приходится на начало февраля

Вячеслав АКСЕНОВ,
группкомсогр, монтер пути СМП-391
(Западный участок БАМа),
лауреат премии Ленинского комсомола,
депутат XVIII съезда ВЛКСМ.

ПУТЬ ДЛИНОЙ В ЧЕТЫРЕ ГОДА

ЗАПИСКИ ГРУПКОМСОГРА

ОНИ ИЗ БРИГАДЫ ВИКТОРА ЛАКОМОВА

Фото Альберта ЛЕХМУСА

1974 года, когда был пробит зимник от Усть-Кута до слияния Нии и Таворы. До этого здесь было только охотничьи зимовье. Нам в этом зимовье еду готовили, пока не была построена столовая. А питались на свежем воздухе... Поселились в одной из палаток—поставили их на берегу Нии к нашему прилету. Кровати даже застелили. Печки в палатках, кружки, чайник...

В общем, все необходимое, чтобы устроиться, остановиться.

Снег в лесу лежит, река под льдом. Начинаем практический курс: как рубить просеку...

11 июня 1974 года на 52-й километр будущей трассы вышла комсомольско-молодежная бригада Героя Социалистического Труда Виктора Лакомова.

Виктор не ехал с отрядом в поездке. У него оставалась бригада в поселке Северный, на железной дороге Хребтовая—Усть-Илимская. Восемь лет он проработал там. Оттуда—это я уже узнал позже—ездил в командировку в Чили, во времена правительства Народного единства строил там дорогу. Всего один километр, но каким же он оказался трудным! Техники практически не было. Шпалы и рельсы ребята носили на себе. Падали от усталости—поднимались и снова шли. Пятнадцать советских строителей и чилийские добровольцы. Бригадиром у наших был Лакомов. Иностранные фирмы предлагали построить эту дорогу, называли срок:

полгода. Бригада Лакомова вместе с чилийцами построила дорогу за тридцать восемь дней...

Что мне было известно о Лакомове? Что он прославленный строитель, Герой, командир Всесоюзного отряда имени XVII съезда комсомола. Читал его выступление на съезде. Но как-то не думал, что доведется вместе, в одной бригаде работать...

А получилось вот что... У нас, во владимирской делегации, в основном собрались механизаторы. Работали в тайге ребята по совести, но бредили автомашинами, тракторами. Ждали, когда подойдут межколонны, и тогда можно будет покинуть просеку...

В один из дней я встретился с начальником прорабского участка Валерием Павловичем Уласиковым. Энергичный человек, увлеченный и увлекающий других. Было, помню, воскресенье. «Далеко?»—спросил он. «Да, пройдись в лес». «Пошли вместе». И мы с ним отправились по трассе...

Он расспрашивал: как дела в бригаде, как ребята себя в тайге чувствуют, какие планы у них. Я сказал, что механизаторы ждут не доjdутся техники. Еще два-три месяца—и уйдут. Кому обещали «Магирус», кому «Кировец». «А сам что собираешься делать?»—«Останусь на просеке».

Он помолчал немного, а потом и говорит: «Виктор Лакомов привезает. Может, переведем тебя в его бригаду...»

Как-то работаем на просеке, идет Уласик, а с ним незнакомый человек. Валерий Павлович подозревал меня, говорит этому человеку: «Познакомься, Виктор». Мы немного поговорили, а потом они пошли

далее, смотрели, как выглядит просека. Уласик мне сказал: «Зайдешь вечером на прорабский участок». Там был и Лакомов. В тот вечер обо всем и договорились.

9 июня собралась бригада. Вместе с Виктором приехали Коля Чернов и Вася Шиман, давние его друзья и товарищи. Коля и в Чили в бригаде Лакомова был. В Звездном ждали Андрей Полянский и Миша Дубровин. Андрей два года работал с Лакомовым. Миша и Виктор в общежитии в одной комнате жили в Северном. Были, кроме меня, еще и другие новые—Степанченко Виктор, Баранец Коля. Эти двое—натуральные первопроходцы, пришли в Звездный еще в феврале, пробились сквозь снег. Ничего тогда не было—ни дороги, ни палаток...

Однинадцатого июня бригада отправилась на трассу. Груз тащили на себе—взездходы еще не появились в Звездном...

С июня 1974 года по декабрь 1975 года бригада Лакомова рубила просеку.

Все, кто с Виктором встречался, обязательно такие его черты подмечали, как скромность, достоинство и высокая порядочность. Он спокойный, сдержаный. Шумный, крикливый никогда не бывает. Глаз точный, профессиональный. Все учтено. Бригаду так расставят, чтобы все загружены были—не перегружены. Он не знает, что это такое: «Давай, давай!» Он работу насквозь видит, сразу распознает, где добротно, честно сделано, а где суeta и показуха. Он сам—ра-

бочий, и товарищ, рабочий человек,—для него главное. Помню, особенно вначале, мы, новички в его бригаде, так выкладывались, что еле духа хватало. По собственному почину, из желания сделать больше, быстрее. Виктор нам говорил тогда: «Не надрывайтесь Вы молодые, еще успеете, наработаетесь. Работайте как можете, по совести. Надорваетесь, здоровье положите—ни жить нормально, ни работать в охотку не будете. Не только руки—голова нужна. Сноровку набирай! Все придет, если работу уважавши, не бежишь от нее, так ее выполняешь, чтобы перед людьми краснеть не пришлось».

В конце июня 1974 года меня избрали группомсогром.

Не забуду первое собрание бригадное. Состав постоянный уже сложился. И уровень подготовки оказался очень разным. Нас, новеньких, приняли по второму разряду. У Виктора—шестой. У кого в бригаде—третий, у кого—четвертый и пятый разряды. Виктор сказал: «Как будем работать? Каждый на свой разряд? Я предлагаю: все поровну. Не смотреть друг на друга, кто сегодня, а кто завтра лучшим оказался. Каждый—как может. И зарплату общую делим на всех».

А ведь мы, те, кто только пришел в бригаду, совсем тогда неопытными были. Это потом появилось умение, пошли солидные разряды. Но ни в какую минуту, даже в самую трудную, мы не чувствовали косых взглядов испытанных лакомовских «асов». Нашли друг друга все в бригаде. Чужих нет.

И вот что важно: чем сложней приходилось, тем упорнее, азартнее, что ли, работали «старожилы» лакомовской бригады. Такой вспоминается случай: отрезало нас в лесу. Снег «поплыл», и все пути дороги к нашей палатке оказались под водой. Ни продовольствия, ни бензина для «Дружбы». И тогда Андрей Полянский отправился в поселок. Как добрался—не знаю. Построил там с ребятами плот, нагрузил его всем необходимым, включая бочку с бензином, и прибыл к нам на плоту по Таюре, прямо как какой Робинзон.

Он трудяга, Андрей, работает так, что не угнаться за ним. Спортсмен—футболом, хоккей увлекается. Сильный и волевой человек. Бывало, выйдем в пять утра, а то и в четыре, дождь хлещет проливной, в грязь проваливаемся, шагаем к своей просеке. И всегда впереди—Лакомов, Дубровин (он парторг у нас), Чернов, Полянский.

24 декабря 1975 года на станцию Таюра (поселок Звездный) прибыл первый поезд Большого БАМа. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев тепло поздравил строителей.

Это, конечно, было для нас самое памятное событие за все время.

Мечта 1974—1975 годов—услышать первый тепловозный гудок на трассе—была.

Услышали!

Месяц бригада работала на укладке пути. Участок Усть-Кут—Звездный, или, если называть станции Байкало-Амурской магистрали, Лена—Таюра—64 километра. Из них наших—7,5 километра. А вся дорога, как известно,—3145 километров.

Последние метры первого перегона БАМа мы укладывали в канун пуска первого поезда. Ночью наша бригада перешла Таюру. На подходах к Таюрскому мосту был установлен рекорд: 1400 метров прошли за четыре часа.

Заключительное звено на отметке 64 километра уложила при свете фар в 20 часов 30 минут бригада Ивана Тищенко. А честь забить традиционный «серебряный костыль» была предоставлена Виктору Лакомову.

С января 1976-го мы снова рубили просеку. До марта. А потом—опять укладка пути. Впереди были станции Ния, Киренга, Улькан.

На XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза от имени строителей Западного участка БАМа выступил делегат съезда Леонид Казаков, бригадир монтажников-бетонщиков строительно-монтажного поезда № 266.

«Тысячи и тысячи комсомольских судей неразрывно срослись сегодня с трудовой биографией Байкало-Амурской магистрали...

Мы, бамовцы, отлично понимаем, как необходима эта трасса Родине, народу. Мы понимаем, что в предельно короткие сроки ее можно построить, только применив самые передовые методы работы, самую прогрессивную технологию...

Мы в Сибири не гости, а хозяева. И работать хотим именно по-хозяйски, думая не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне...

Все верно. Хорошо сказал Леня...

По итогам 1976 года комсомольско-молодежной бригаде строительно-монтажного поезда № 391 (бригадир В. И. Лакомов, группомсогром В. И. Алексеев) вручено переходящее знамя ЦК ВЛКСМ «Ге-

рои пятилеток, ветераны труда—лучшему комсомольско-молодежному коллективу».

Проектирование—трудно, конечно. Но не было для нашей бригады времени тяжелее, чем последние месяцы 76-го. После октябрьских праздников предстояло уложить большой участок пути. «Нормальная» температура—35—45 градусов мороза. А нередко и за 50. В поселке актируют дни, а мы работаем.

Звенья рельсы подавали из Усть-Кута, больше чем за сто километров. До вечера уложим—через несколько часов подают новые. Как подали—мы идем. Днем ли, ночью ли. В вагончике жили, в вагончике спали. Печка одна, в нас 20—22 человека. Проснуться негде. Возле печки жарко, а лед на полу не тает. Вышел из вагончика—одежда на тебе промерзает, прямо как доспехи рыцарей становятся.

Выдержали. Не было в бригаде ни скора, ни нытья.

14 августа 1977 года первый поезд пришел на станцию Киренга (поселок Магистральный). Это 169-й километр трассы.

Три года мы прожили в Звездном, а теперь стали жителями Магистрального. Переезд—и интересно и трудно. В Звездном мы всех знали, и нас все знали. А сюда переехали—совсем другое положение. Можно иной раз в разговоре услышать: «Ты здесь без года неделя...». Они правы по-своему. Живут, обустраиваются в Магистральном, вояют с трудностями вот уже скоро четыре года, с тех пор, как 2 июня 1974 года вертолеты доставили в палаточный городок на берегу таежной речки Окуникты бойцов иркутского ударного отряда. Им здесь каждая тропка знакома, к каждому дому своя рука приложена. Как у нас было в Звездном...

Начинаешь сравнивать—находишь и общее и различия. В Звездном, например, свободное время лучше организовано. Клуб хороший. В Магистральном теснота клуб, летом, когда набивается народ, душно, в выходные дни мест не хватает.

Народный театр «Молодая гвардия» в Звездном—очень интересно! Руководит им Анатолий Байков. Смотрел на них «Город на заре» Арбузова, «Молодая гвардия» Фадеева. Понравилось. Бригада Александра Бондаря (он из отряда имени XVIII съезда, командир украинской делегации) поставила «Заседание парткома» Гельмана. Они должны были приехать в Магистральный в пятницу. Мы дружно пришли посмотреть этот спектакль. Проходит час, наших артистов нет. Потом звонят, что сидят в автодрезине на Ние, перегон занят, будут к 12 часам ночи.

На следующий день, в субботу, пришли звенья, и мы уехали к Улькану на укладку.

И первое, что спросили бандаревцы, приди в клуб: «Где бригада Лакомова, придут ли на спектакль?» А мы в этот день работали доподлинно.

Я читал в местной газете записи Миши Халиуллина «Страницы из дневника бригадира». С Мишей в Магистральном живем наподалеку друг от друга. Он сам инженер-программист по образованию, строитордоворец, участник VI Всесоюзного совещания молодых литераторов. Высадился на Окуникте с иркутским отрядом, был бригадиром лесорубов, рубили они первую просеку под поселок. Вот что он пишет:

«2 июля 1974 года. Как-то видел я у Жалялова чертеж поселка. Бегло, но с интересом просмотрел его. Запомнилось, что, кроме общежитий, домов, магазинов, будут построены две школы, детские сады, комбинат бытового обслуживания, гостиница, клуб, профилакторий, больница. Новая деревня бригады Курцивчика проходит по границе с будущей конторой СМП и гостиницей. Здесь пока оставляется зеленая зона. Справа проходит моя земля—под рабочий городок, контору мехколонны, ОРС, КБО. Еще правее рубят просеку бригада Петра Ивановича Шадаева, сформированная из вновь прибывших.

Сжимается сердце, когда лезвие топора заносится в стволики молоденых кедров, березок, осин. Сколько уже пеньков-культишек с мертвым, оледенным срезом осталось позади. «Не надо, парни, рубить красивый кустарник—ольшаник, березняк—не приказывают, а прямо-таки умоляют я своих товарищей—будем оставлять. Попадет в зону строительства дома, срубят плотники. Окажется в стороне—скажут нам новоселы спасибо». И ребята соглашались. Правда, некоторые логотавили, что и в нарядах нам кое-что срежут, но те, кто меня поддерживал, отвечали: «Пусть просека для нас будет дешевле, зато сами же в будущем порадуемся». Просил я у руководства чертеж денька на два, чтобы определить места будущих строений, разметить эти площадки и на них вырубить лес начисто, а вокруг только культивировать, прореживать густые заросли. Мое предложение одобрили, но чертеж не имеют возможности предоставить, он один-единственный на весь поезд, им пользуются постоянно и геодезисты, и мастера, и юроры».

Когда подумаешь, во что обходится отсутствие лишнего экземпляра плана, схемы, чертежа, чего

стоит скороспелость иных решений... БАМ еще строить и строить. И опыт первых километров, первых поселков и горькие просчеты—все надо взвесить, обобщить, учесть.

В августе 1977 года в Братске состоялся областной фестиваль молодых строителей БАМа «Я—хозяин стройки». Это движение родилось у нас на Западном участке. В каждой строительной комсомольской организации прошло собрания. Как говорили ребята из обкома, везде состоялся деловой, заинтересованный, страстный разговор о том, что комсомольцы и молодежь могут сделать для превращения БАМа в стройку во всех отношениях образцовую. Иначе и быть не должно—стоит только подумать, какие средства вкладывает страна в великую магистраль, каким вниманием и почетом пользуются мы, бамовцы.

К 29 октября 1977 года, дню рождения Ленинского комсомола, открыто рабочее движение поездов до станции Улькан (209-й километр Западного участка БАМа).

В поселке Улькан золотистые домики из свежего бруса и досок разбежались по лесу. Здесь не рубили все подряд, не повортили ошибок Звездного и Магистрального. Лес—возле каждого порога.

Неподалеку от поселка—старинная деревушка Юхта. Потемневшие от времени избы. Нам рассказывали, что из Юхты и двух соседних деревень на войну ушел 41 человек. Вернулись трое. «Мужских рук не хватило даже для того, чтобы поставить памятник»,—сказала пожилая женщина, тоже вдова войны.

Ребята из строительно-монтажного поезда «Юность Сибири» установили в центре Юхты обелиск. На нем слова: «Землякам, погибшим за Родину».

Мы пришли в Улькан с рельсами: укладывали путь. А потом приехали в первом поезде как почетные пассажиры, как победители соревнования.

Идея этого соревнования родилась в начале 77-го года. Кто-то, сейчас уже и не скажешь, кто именно, предложил: давайте соревноваться за право стать почетным пассажиром первого поезда до западного портала Байкальского тоннеля. Иркутская областная газета «Советская молодежь» организовала обсуждение этого предложения. Его поддержали горячо, даже восторженно во всех комсомольско-молодежных коллективах. Штаб ЦК ВЛКСМ Западного участка БАМа и редакция газеты «Советская молодежь» в мае 1977 года утвердили положение о соревновании под позуном «Заслуги билет до Байкала». Результаты—промежуточные—подводятся ежемесячно для коллективов и ежеквартально для участников индивидуального соревнования. Они публикуются в «Советской молодежи». Победители соревнования получают диплом почетных пассажиров первого поезда по маршруту станция Лена—Байкальский тоннель и именной «серебряный костыль». Наименования лучших комсомольско-молодежных бригад и фамилии лучших строителей Западного участка будут занесены на 12-метровый обелиск, который установят на границе Иркутской области и Бурятской АССР.

Летом 1977 года «нашего полку прибыло»: в соревнование включились строители Бурятского участка БАМа, Военно-зенитные ударные комсомольские строек Иркутской области.

Соревнование «Заслуги билет до Байкала» очень популярно на трассе. В нем, как я читал в сообщении штаба ЦК ВЛКСМ, участвуют сегодня больше 6 тысяч комсомольцев, около 12 тысяч молодых строителей. И мы, бригада Виктора Лакомова, конечно, гордимся тем, что были признаны победителями первого этапа соревнования. По рельсам, которые сами уложили, проехали от станции Киренга до станции Улькан. И разве передашь это необыкновенное чувство, каждому строителю известное: ты сделал—люди могут пользоваться.

«...выполнить до конца года работы по укладке железнодорожного пути на Западном участке БАМа от станции Улькан (209-й километр) до Байкальского тоннеля (284-й километр) и тем самым дать выход грузам непосредственно к Байкальскому тоннелю...» (Из социалистических обязательств рабочих, служащих, инженерно-технических работников управления строительства «Ангарстрой» на 1978 год.)

Обязательства напряженные, но экономически обоснованные. Темп и качество, качество и темп—так и только так работают комсомольско-молодежные коллективы стройки в год 60-летия Ленинского комсомола, в год XVIII съезда ВЛКСМ.

Мы с Виктором Лакомовым ждем встречи с Москвой—на областной комсомольской конференции избрали делегатами XVIII съезда.

Ну, а предъездовские надежды—это новые и новые километры. БАМ необходим стране, дорог каждый выигранный день—всегда помним об этом.

Дорога продолжается!

**КОМСОМОЛЬЦЫ СТРЕМЯТСЯ
БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ СВОИХ ОТЦОВ,
ПЕРЕДАВШИХ НАШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ
БЕСЦЕННОЕ НРАВСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ—
МУЖЕСТВО, ОТВАГУ, ГЕРОИЗМ.**

**ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ
ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК СССР, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙ-
ТЕНАНТ АВИАЦИИ Г. У. ДОЛЬНИКОВ.**

Станислав ГРИБАНОВ,
военный летчик.

Судьба

ИЗ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

За личное мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, высокие результаты в боевой подготовке войск, освоении сложной боевой техники и в связи с 60-летием Советской Армии и Военно-Морского Флота присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

Генерал-лейтенанту авиации Дольникову Григорию Устиновичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 21 февраля 1978 г.

На военных аэродромах среди лихой пилотской братвы о генерале Дольникове ходили легенды. Те, кто постарше, рассказывали нам, тогда лейтенантам, о том, как дерзко дрались в воздушных боях с гитлеровскими асами Григорий Дольников, какие испытания пришлось ему пройти в годы войны. Рассказывали о том, как Михаил Шолохов, услышав о необычной судьбе летчика, положил ее в основу знаменитого рассказа о простом русском солдате Андрее Соколове. Кто из нас, молодых пилотов, не мечтал слетать с генералом,—ну, хотя бы для истории! И вот однажды мне повезло.

Стоит ли говорить о том, как я волновался, устраиваясь вместе с генералом в «спарку», как старался тянуть машину в пилотажной зоне на виражах, как тщательно «выписывал» боевые развороты и петли. Генерал почти не вмешивался в мою работу, только иногда ронял коротко «рано» или «не перетягивай, спокойней». А когда я закончил последнюю фигуру, Дольников пошевелил в кабине ручкой управления и сказал:

— Пилот хороший. Теперь пикируем. Дай-ка я посмотрю тут одно поле. Стоял там когда-то наш аэродром. С него мы улетали в бой...

Позже мне довелось читать фронтовой дневник лейтенанта Дольникова. Желтые, пожухшие от времени листки сохранили мгновения, из которых складывалась жизнь, трудная судьба этого человека.

...Осень сорок третьего. Наши войска готовились к прорыву обороны противника у реки Молочной. Прикрывая их с воздуха, летчики эскадрильи Николая Левицкого делали в день по несколько вылетов. Вот и тогда, уже шестой раз, готовились они к вылету на задание, и комэск, кроме привычных слов боевого приказа, сказал:

— Мы должны удержать фашистов любыми

средствами, не пропустить их машины к нашим позициям, даже если для этого потребуется отдать жизнь...

В шестерке истребителей на задание ушел младший лейтенант Григорий Дольников.

Немцы на том участке фронта летали обычно большими группами. У линии фронта эскадрилья Левицкого встретила шестьдесят восемь машин. Плотной стеною они шли навстречу истребителям. И шестерка, несмотря на десятикратное превосходство врага, начала неравный бой. Атака следовала за атакой. Небо переплелось огненным кружевом трасс. Загорелся один самолет гитлеровцев, второй, пятый... Сбивает «мессер» и младший лейтенант Дольников. Когда в прицел легли кресты очередного фашиста, пушка у Григория вдруг замолчала. Палец давил на гашетку, а уже было ясно: кончились снаряды. Вражеский бомбардировщик уходил безнаказанно. Времени на раздумье не оставалось, и тогда летчик до упора двинул сектор газа вперед и принял решение: «Таран!»

От удара гитлеровская машина, перевернувшись в воздухе, рухнула вниз, но потерял управление и самолет Дольникова. Загорелась кабина. Пламя лизало руки, лицо. С трудом отстегнув привязанные ремни, Григорий перевалился через борт. Парапашют раскрылся у самой земли. Рядом, ткнувшись в землю, взорвался его истребитель. Очнувшись, летчик почувствовал, что встать на ноги не в силах. Тело как будто сдавил раскаленный жгут. Перед глазами медленно плыли красно-желтые круги. Потом они исчезли, и все затянулось ровным матовым светом. «Парапашют накрыл»,— подумал Дольников и попытался высвободиться. Но тут кто-то навалился на летчика.

Это были гитлеровцы. Григорию удалось сбить одного из них с ног. Тотчас он получил сильный удар в голову. Били прикладами, кулаками, коваными ботинками. Весь в кровоподтеках, Дольников

вновь едва не потерял сознание, когда к месту его приземления подъехала машина. Из нее вышел офицер. Криво усмехнувшись, спросил:

— Большевик?

— Да,— ответил Григорий. При нем в потайном кармане гимнастерки лежала карточка кандидата в члены ВКП(б).

Офицер что-то сказал солдатам, потом кинул на ногу летчика:

— Русс капут.

Дольников только теперь ощутил острую боль в ноге. Нога была разбита и изранена осколками в разных местах. Оторвав кусок нательной рубашки, Григорий, как мог, забинтовал раны. Затем его втолкнули в машину с двумя автоматчиками и повезли. По дороге, улучив момент, Григорий успел незаметно спрятать под стелькой сапога кандидатскую карточку, чтобы самый дорогой для него документ не достался врагам.

Случилось все это под Большим Токмаком. Когда летчика высадили на площади, отовсюду стали собираться детишки, женщины, старухи. Кто-то протянул ему хлеб. Немец-охранник автоматной очередью разогнал толпу, и Дольникова повели на первый допрос в один из домов, выходящий окнами на площадь. В комнате вокруг стола, установленного бутылками, сидело несколько офицеров.

— Как фамилия? Какой полк? Где аэродром? Сколько самолетов?— начали допытываться немцы. Григорий назывался Соколовым, на остальные вопросы отвечать отказался. И вот, с пистолетом в одной руке и бутылкой водки в другой, прямо на него, покачиваясь, двинулся фельдфельд переводчик:

— Пей, руссиш! Может, разговоришься!

Волосатая рука немца, сжимая рюмку, замерла перед самым лицом Григория. Ненависть захлестнула Дольникова. Не видел он в тот момент, как в ожидании представления начали ухмыляться опьяневшие фашисты, не слышал их глумящихся голосов, но понял, в долю секунды каким-то подсознательным чувством ощутил, что вот сейчас он, советский летчик, офицер, русский человек, должен дать отпор обнаглевшим гадам, перечеркнуть их сценарий начинающегося спектакля, показать врагам, что никогда не постигнут они русский характер. Дольников выпрямился. И тут же едва не потерял сознание от резкой боли в бедре. В упор глядя на пьяного фельдфельда, сказал с вызовом:

— Русские пьют не так...

Недобро сверкнули, наливаясь кровью, глаза фельдфельда. Немец вернулся к столу, взял граниченный стакан и, наполнив его до краев, протянул летчику вместе с куском хлеба. Григорий выпил до дна. От хлеба отказался:

— Русские после первой на закусывают...

Молча гитлеровец наполнил второй стакан.

Пьяные голоса в избе притихли. Григорий выпил снова и упрямо повторил:

— Русские не закусывают после второй...

Перебитые в воздушном бою ноги едва держали его, невыносимо саднило от побоев тело, свинцом наливались веки. Никогда в жизни Григорий не пил водки, и единственное, о чем думал он тогда,—устоять, не упасть перед ненавистным врагом на колени. А немец наливал еще стакан (помните, у Шолохова в «Судьбе человека»?). Слышино было, как скрипнули в избе половицы. Когда силком, принуждая себя, Григорий сделал последний глоток, он услышал за спиной женский голос:

— Возьми, сынок... И за что они только мучают тебя, изверги!

Он обернулся.

В дверях избы, по-деревенски подвязанная белым платочком, стояла маленькая старушка и протягивала ему яблоко. Григорий хотел было подойти к ней, но фельдфебель в тот же миг ударил женщину ногой.

— Кого бьешь, гад?!—закричал Григорий и кинулся на гитлеровца. Его сбили с ног. Методично заработали кулаки. Кажется, вся комната, весь мир заполнились чугунно-литыми ударами.

...С трудом превозмогая боль, он шел—высокий, худой, с черными, как смоль, волосами. В этом изможденном, враз постаревшем человеке трудно было узнать веселого, лихого, совсем юного младшего лейтенанта Дольникова. Григорию и самому не верилось, что все это случилось с ним. Происшедшее казалось каким-то тяжелым, кошмарным сном. И все же в глубине души Григорий верил, что вернется к боевым друзьям и отомстит врагам за все.

От группы гитлеровских летчиков, стоявших на дороге, отделился немец с забинтованной рукой. Дольников рассмотрел знаки различия: полковник, на груди несколько крестов. Они молча встретились глазами. В одних—ненависть, презрение, непокорность. В других—высокомерие, любопытство, удивление: «И этот тощий юнец в рваной гимнастерке сбил его, аса люфтваффе?..»

Немец снисходительно спросил на плохом русском языке:

— Ну, как наши штукасы, Соколов?

— Хороши штукасы... Хорошо горят...—Только и ответил тогда Григорий.

Лицо гитлеровца скривилось. Он понял, что представление срывается, и мрачно выдавил:

— Ты убил мой стрелок, Соколов. С ним я побеждал во Франции и Голландии. Но тебе повезло—для тебя война конец.

Григорий сжал кулаки, смерил немца ненавидящим взглядом.

— Закончилась? Нет, не закончилась! Мы еще повоюем!..

Григория втолкнули в темный барак. Лежа лицом вниз, первые минуты он ничего не мог разобрать—дышать спретым воздухом было трудно, вокруг стонали больные.

— Браток, с какого фронта?—послышалось из угла.

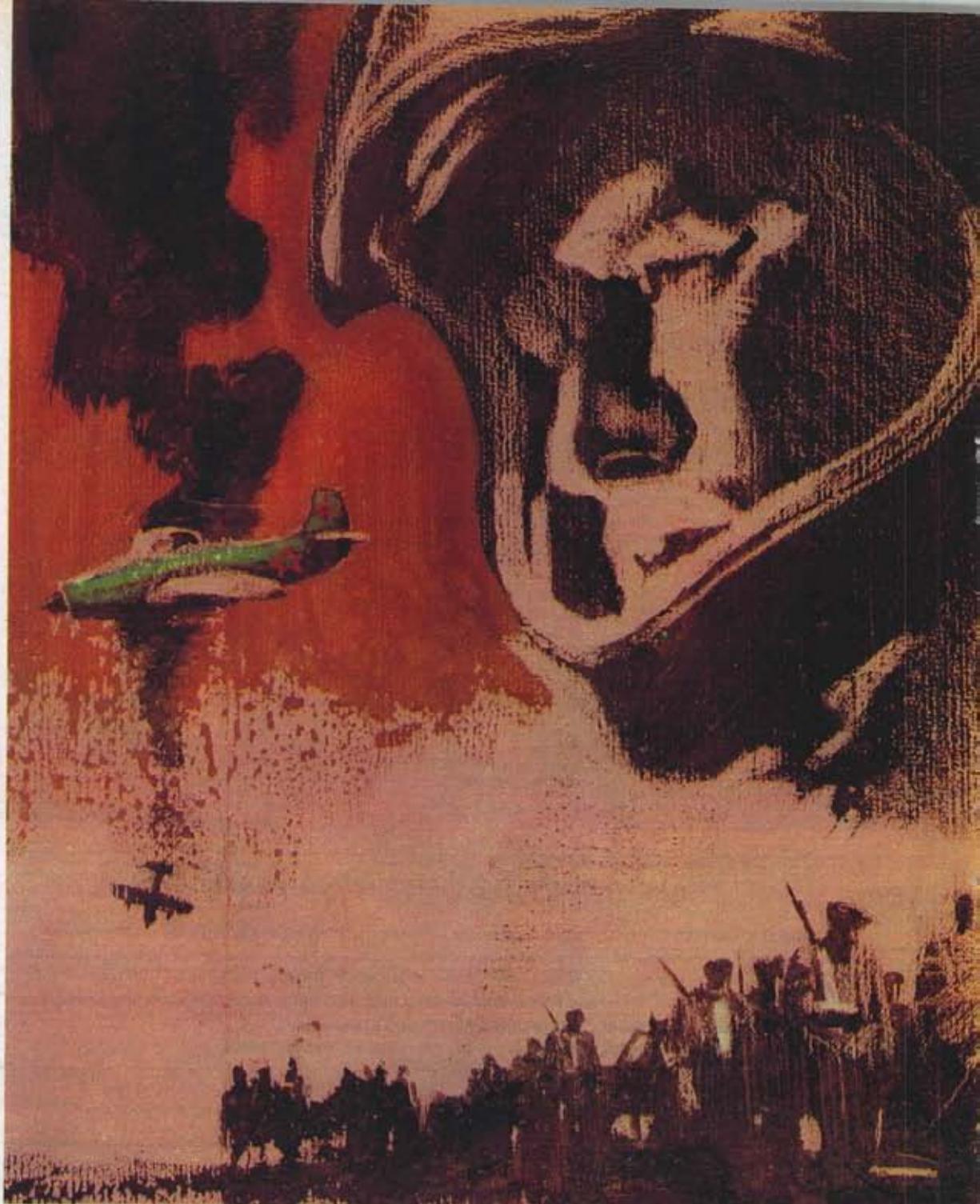
...Томительно долго тянулось время за колючей проволокой. Условия содержания пленных были невыносимы. На день выдавали по сто граммов эрзац-хлеба, в обед вонючую похлебку и круг жмыха на десять человек. Врачи в барак не заглядывали. Через несколько дней раны на ноге летчика воспалились—началась гангрена. Тогда несколько тяжелобольных, в том числе и Григория, погрузили на телегу и повезли в Вознесенск.

Операцию делали без наркоза, прямо на полу. В бреду Дольников выкрикивал команды, просил кого-то из боевых товарищ прикрыть его. В воспаленном сознании его то не прекращался воздушный бой, то казалось, будто он дома, в лесной сторожке отца...

Григорий любил в детстве крепкие отцовские руки, любил слушать его рассказы о революционном Петрограде, о том, как в семнадцатом году кочегар депо Путиловского завода Устин Дольников встал в ряды революционных рабочих.

Позже он уехал в белорусскую деревню Сахаровку, где был председателем сельсовета. В годы коллективизации кулаки дважды стреляли в Устина Дольникова. И еще Григорию запомнилось, как отец, работая уже лесником-объездчиком, долгими зимними вечерами при свете керосиновой лампы читал ему рассказы Джека Лондона.

Протяжно завывал за окном избушки февральский ветер. Весело потрескивали в печке дрова. Затаив дыхание, мальчуган слушал о том, как в суровом краю белого безмолвия, измученные голodom, ползли человек и волк и как, умирая, человек не сдавался. Он бросил вызов смерти и победил. Когда отец умер, Григорий поехал в Минск, поступил в школу фабрично-заводского обучения. Уже работая бригадиром вагоноремонтного завода, Григорий стал летать в аэроклубе. Затем поступил в летное училище и gordился, конечно, что сбылась

его мечта—стал военным летчиком. Но разве мог он представить тогда, что на его долю выпадут столь суровые, почти нечеловеческие испытания?

...Все долгие мучительные дни в концлагере его ни на минуту не покидали мысли о побеге. Решил действовать организованно, пленные избрали комитет. В него вошли четыре человека: Дольников, Степан Иванов, Павел Кулик, Николай Мусиенко. Началась подготовка к побегу. Казалось предусмотрели все, но неожиданно в бараке на окна поставили решетки. Было похоже, что кто-то выдал замысел комитета. Под усиленной охраной с овчарками их направили в другой лагерь. Во время этого перехода на одной из остановок пытался сбежать Степан Иванов. И вот сырьим ноябрьским утром группы измученных людей вывели к окопице деревни.

— Наш комендант сказал: кто друг сбежавшего—выйти хоронить,—объявил фельдфебель.

Дольников вышел из строя первым.

— Наш комендант сказал: за одного сбежавшего—десять расстрелянных...

Попрощались молча и пошли. Когда деревня осталась позади, Григорий толкнул локтем соседа:

— Бежим. Передай по шеренге. Я скомандую.

Но внезапно со стороны деревни послышался лошадиный топот. Подъехал рассыльный.

— Комендант на первый раз прощает. Все пленные получат пять дней без пищи.

Их избивают и бросают в сырой подвал в деревне Ястребиново. Голоду сопротивлялись как могли: сначала рассказывали анекдоты, потом просто лежали, стараясь меньше двигаться. Кто-то нашел за перегородкой мякину, ссыпал ее в воду: несколько человек от того супа едва не погибли. Постановлением лагерного комитета бегство поодиночке было запрещено. Разрабатывается новый план.

Вскоре их погнали в другой лагерь. По пути

остановились в деревне Мартыновка. Комитет решил организовать побег оттуда, другой шанс мог представиться не скоро. Снять часового поручили Григорию Дольникову и Николаю Мусиенко.

Слякотная холодная ночь 2 декабря 1943 года. Мерно выхаживает у дверей барака часовой. Десять шагов туда, десять обратно. Григорий почувствовал, как напряжен каждый мускул, каждый нерв.

— Эй, солдат, открой. Живот болит...—просит Николай Мусиенко. В распахнутую дверь дохнуло холодом. Мусиенко вышел, и вскоре послышался его глухой кашель—условный сигнал о том, что поблизости никого нет. Когда он будет возвращаться обратно и часовой снова откроет дверь, Григорий должен броситься на него и вырвать у немца автомат. Вечностью тянется каждая секунда, усиливая напряжение.

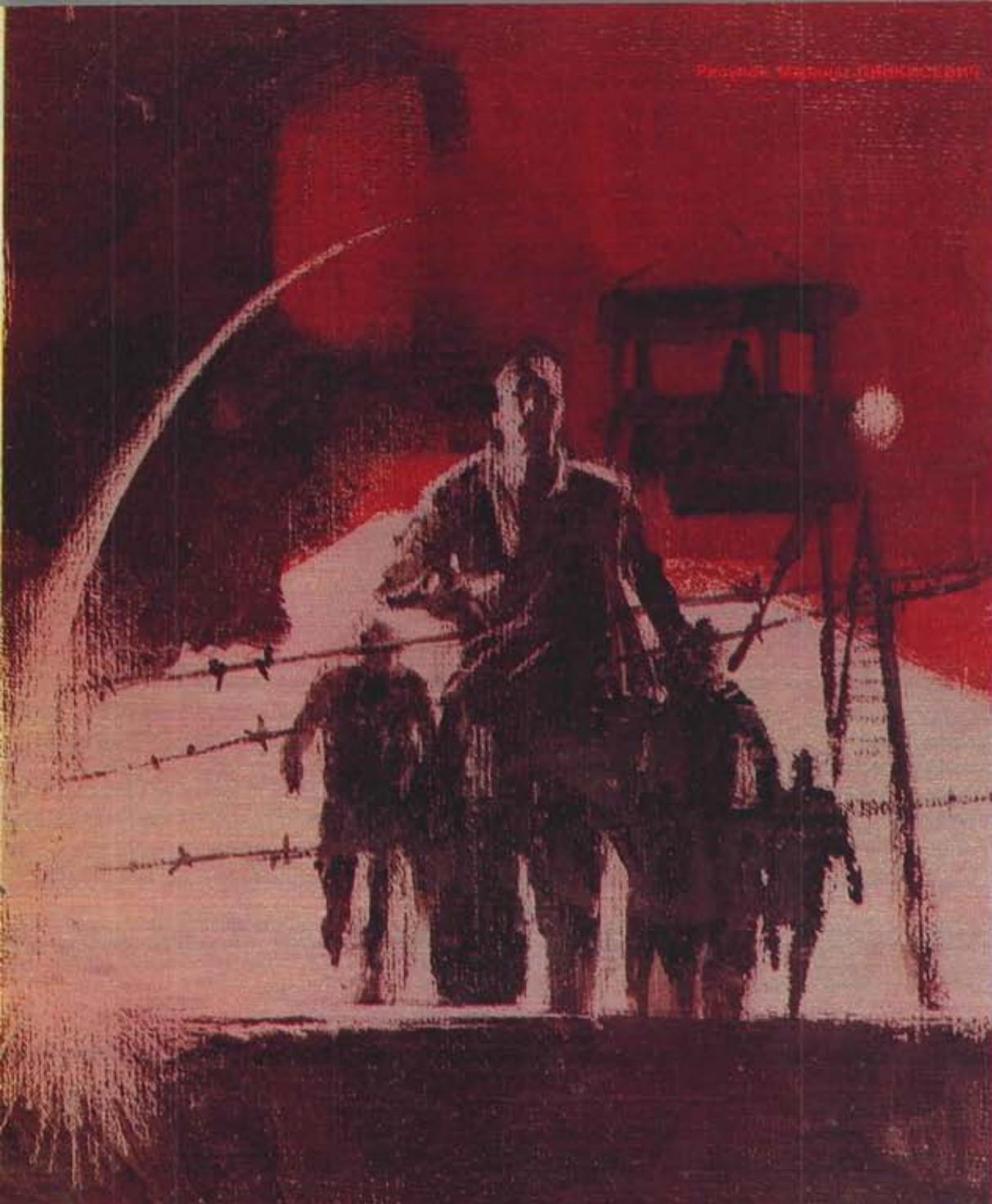
— Братцы,—шепотом говорит Дольников товарищам, вставшим за его спиной,—как только я кинусь на часового—все пулей через меня! Промедление—смерть...

Наконец шаги, Николай Мусиенко зашаркал у входа. Дверь приоткрылась, и тогда Дольников, ударив по ней ногой, выбежал на улицу и схватил гитлеровца за горло. Судорожный крик разорвал тишину ночи. Через несколько мгновений ударили автоматные очереди охраны.

Оттолкнув обмякшее тело часового, Дольников побежал в темноту. С разбегу он налетел на колючую проволоку—острым железом рвануло ногу. Но нельзя останавливаться. Позади чье-то тяжелое, прерывистое дыхание. Оказалось, догонял Мусиенко. За ним еще пять человек.

— Уходим по одному,—крикнул Григорий,—иначе засекут.

Только на рассвете, обессиленный, с окровавленными ногами, Григорий присел отдохнуть. И тут

вдруг понял, что никуда не ушел: все это время он лишь кружил по кустарнику!.. Послышился лай овчарок. Вытряхнув из карманов махорку, Григорий вновь побежал вдоль железнодорожного полотна в сторону Ястребинова.

До вечера отсиживался в кустах, а как стемнело — проbralся к крайнему дому. Заметив за изгородью старика, окликнул его.

— Не бойся меня, дед, — успокоил Дольников, — нет ли чего поесть да переодеться?

Старик насторожился:

— Ты летчик?

— Да.

— Проходи в избу...

Пока Григорий ел, хозяин тревожно посматривал по сторонам. Вдруг он с истошным криком кинулся во двор.

— Пленный! Пленный! Ловите пленного!

Дольников выскочил в окно и затерялся в посадках. Добравшись до стога с соломой, уснул.

На следующий день встретившиеся на дороге девчата проводили его в дом к хромому старику, партизанившему еще в гражданскую войну.

— У меня немцы стоят. Поэтому назовешься братом, — посоветовал он.

Григорий улыбнулся.

— В братя, дед, тебе не гожусь. Борода-то у меня отросла большая, да самому едва двадцать стукнуло.

— Тогда сыном...

От старого партизана Дольников узнал о расправе над товарищами, которые не решились на побег. Семь дней их морили голодом, потом загнали в реку и держали в ледяной воде до тех пор, пока многие из них не погибли.

Старик помог Дольникову встретиться с товарищами по лагерю, тоже летчиками, Михаилом Смер-

тиним, Василием Скробовым. С помощью подпольщиков летчики перебрались в партизанский отряд. В отряде «Родина», командовал которым секретарь горкома партии Шевченко, Дольников был назначен начальником вооружения и воевал до весны 1944 года. Он уже сроднился со своей новой фамилией и в списках отряда тоже значился как Соколов.

В начале апреля, когда к району, контролировавшемуся партизанами, стали подходить советские войска, отряд «Родина» совершил налет на один из городков и освободил его от оккупантов. Последним партизанским поручением Дольникова была передача оружия представителям одной из вступивших в город частей.

Через несколько дней Григорий вернулся в родной полк. Удивлению, радости и расспросам боевых друзей не было предела. Они считали его погибшим, а он оказался жив, да еще был одним из лучших партизан отряда.

И вот он снова в кабине боевого самолета. Снова мчится навстречу взлетная полоса, под крыло ложатся фронтовые дороги. Однажды за три дня непрерывных боев Дольников сбивает четыре фашистских самолета. Он вылетает на «свободную охоту» и штурмовку, на разведку и сопровождение, на прикрытие наземных войск и блокирование аэродромов.

Как-то его подняли в воздух, когда машины других летчиков еще заправлялись. По радио он услышал, что на прифронтовой город идет группа бомбардировщиков противника. Вскоре впереди показались едва различимые точки. Дольников на предельной скорости шел навстречу «юнкерсам». Он должен был во что бы то ни стало преградить путь врагу, сбить его с курса, пока не подоспейт помощь. А строй бомбардировщиков все ближе.

200... 100... 50 метров. Огонь! Подобно сверкнувшему книжалу, впилась в ведущего «юнкера» огненная трасса. Самолет вспыхнул. И вражеский строй дрогнул, заметался.

А краснозвездная машина шла в новую атаку. На весь эфир гремел бас Григория Дольникова:

— Получай, скволочки!

Когда летчик приземлился, друзья с удивлением рассматривали изрешеченную машину, недоумевая, как можно было долететь на ней до аэродрома. К тому времени боевой счет Григория составил пятнадцать сбитых им лично вражеских самолетов. Шестнадцатый он уничтожил над Прагой в день Победы.

В ночь на 9 мая пилоты отсыпались за все тревожные военные годы. Сорвали их с мест неожиданно беспорядочная стрельба. Палили из всех видов оружия. Это была Победа! И вдруг приказ на вылет...

Боевой маршрут лег на Татры. По-особому тщательно выдерживал Григорий в том полете курс, высоту, скорость. Когда показалась Прага, в голубоватой утренней дымке вдруг вынырнул откуда-то знакомый силуэт «рамы». Летчик бросил машину в атаку — длинная трасса резанула воздух, и фашистский самолет рухнул на землю. Это была последняя атака Григория.

Немало лет минуло с тех пор. Летная книжка генерал-лейтенанта авиации Дольникова хранит записи его боевых вылетов. К ним прибавилась сейчас не одна тысяча часов, проведенных в воздухе на машинах современных типов. Генерала хорошо знают на многих аэродромах. Кто-то помнит, как впервые получил от него путевку в небо, кто-то вспоминает учебные бои или полученное «добро» на свой первый полет в сверхзвуковой машине.

Лаконичны строки летной книжки. Но за стереотипной фразой «упражнение выполнено» — высокое мастерство и мужество летчика.

Как-то Григорий Устинович взлетал на поршневом истребителе ЛА-11, и сразу же после взлета в машине отказал мотор. По радио успели передать одно слово: «Горишь!» Для размышлений времени не оставалось — катастрофически падала высота. Казалось, еще секунда — и не миновать беды. Но летчик не растерялся. Над самой землей он сумел развернуть самолет на аэродром и благополучно приземлился.

В другой раз, уже на скоростном истребителе, после выполнения задания верхняя кромка облачности замерла на высоте десять тысяч метров. А нижняя... Ее не было вообще — облака спустились почти до самой земли.

Что оставалось делать: идти на запасной аэродром? Топливо было на исходе. Садиться? Но условия погоды были ниже всех доволенных для самолета минимумов. На командном пункте ждали решения летчика. В сложившейся ситуации он мог оставить машину и катапультироваться. Но принял другое решение:

— Просьбу обеспечить посадку...

Вспыхнули на полосе огни. Включились посадочные прожектора. А где-то в десятикилометровой толще облачности сквозь грозу пробивался одиночный самолет. Вот пройдена дальняя радиостанция. Высотомер отсчитывал последние, самые трудные метры за земли. На аэродроме слышали гул турбин и ждали: вот-вот вынырнет знакомый силуэт истребителя. Но увидели его лишь, когда мягко коснувшись бетонки, тот уже бежал по ней.

Однажды на аэродроме появилась машина необычной, удивительно обтекаемой формы. Поражая совершенством аэродинамических линий, она, казалось, была сработана скрипичным мастером. Многие посматривали на нее с опаской, поговаривали, что, мол, слишком тяжела в управлении. И вот, чтобы рассеять сомнения, вселить веру в высокие боевые качества машины, ее надежность, Григорий Устинович первым поднялся на ракетоносце в небо.

Он пилотировал в зоне на предельных режимах, искал общий ритм пилотажа. Машина, похоже, не только слушалась движения рук, но и угадывала мысли летчика. Тогда на аэродроме мы стали очевидцами показательного полета, который мастерски выполнил заслуженный военный летчик СССР генерал Дольников. Он продемонстрировал пилотаж сверхзвукового ракетоносца на малой высоте. Вскоре новой машиной овладели мы все.

Двадцать пять лет спустя побывал генерал Дольников в краях, где сражался. Отыскал избу старого партизана. Не сразу понял старику, зачем вспомнил, как тот выдавал его за своего сына, спросил:

— Не бывал ли, дедушка, здесь в войну бородатый такой пилот?

— Бывал, как же не бывал.

— Какой он, забыл, видно?

— Как же забыл? Брови у него такие лохматые. Кажись, вот ты и есть...

ПАРТИЯ ЗАБОТИТСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА ЛЮДЬМИ ШИРОКО ОБРАЗОВАННЫМИ, ТВОРЧЕСКИМИ, ИЩУЩИМИ; ПОЧТИ ПОЛОВИНА СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ— ЛЮДИ КОМСОМОЛЬСКОГО ВОЗРАСТА.

Марис я разыскивал несколько дней: звонил в Институт химии древесины, где он работает, ответили: «На ученом совете»; звонил в комитет комсомола Академии наук, секретарем которого он является, сказали: «Поехал в медицинский институт»; позвонил в общежитие: «Еще не приходил». Наконец в пятницу вечером Лида Романюк, заведующая сектором учета комитета комсомола Академии наук, которой я предусмотрительно оставил свой телефон, сообщила, что Марис Якобсона можно будет «поймать» в понедельник вечером в «Клубе интересных встреч». «Хорошо»,—подумал я,—начнем с понедельника...»

Химики и лирики

Когда я приехал в ордена Трудового Красного Знамени Институт химии древесины, в котором проходил вечер «Клуб интересных встреч», его еще не было.

— Не огорчайтесь,—успокоила меня организатор вечера Оля Слободенюк.—Звонил. Будет.—Она проводила меня в институтское кафе—полированные столы, мягкие, удобные кресла и, конечно же, традиционный кофе—и сообщила, что первая часть вечера—впечатление от поездки в Индию, из которой только что вернулась сотрудница института Светлана Чернявская.—А потом разное.—И улыбнулась.—Думаю, вам будет интересно. Ребята у нас большие выдумщики и фантазеры.

Давно отшумел знаменитый спор о физиках и лириках, победителем из которого, бесспорно, вышел... Альберт Эйнштейн. «Настоящая музыка и настоящая наука,—утверждал он,—требуют однородного мыслительного процесса». Искусство для ученого не отходит от напряженных занятий, не только способ подняться к вершинам культуры, а совершенно необходимая составляющая его профессиональной деятельности.

На вечер были приглашены молодые искусствоведы, литераторы, любители музыки, и вскоре в кафе разгорелись такие жаркие дебаты и споры, что я пожалел, что не могу сидеть за всеми столами одновременно. Краем уха слышал: «Запасы нефти и газа ограничены...», «Механизм передачи наследственных признаков через генетический код идентичен для всех живых организмов: от простейших бактерий до человека...» «Если построить всего несколько сотен солнечных электростанций мощностью по десять тысяч мегаватт, работающих на геостационарной орбите, то потребность человечества в электроэнергии будет полностью удовлетворе-

на...» По косточкам разбирали искусство Чюрлениса, пьесы Гельмана «Заседание парткома».

Марис Якобсон появился неожиданно—высокий, подтянутый, сосредоточенный... Подсел к нам, с любопытством спросил:

— Не скучаете?

Есть люди, которые при первом же знакомстве поражают своей целеустремленностью. Они словно заранее знают, как все-таки до обидного мало отпущено человеку времени, и стараются использовать его на все сто. Они избегают ненужных встреч, пустых телепередач, неинтересных книг, а если и назначают вам свидание, то прежде обязательно заглянут в свой график дня, чтобы не подвести и уточнить, на какое время вы можете рассчитывать. Именно таким показался мне Марис Якобсон, когда он в разговоре как бы между прочим извлек из кармана записную книжку и что-то в ней отметил. Невольно подумалось: «сухарь». Вспомнил Горького, который в одном из своих ранних рассказов писал, что цельные люди

увлекли ребят, что многие из них избрали ее своей профессией и после окончания школы решили поступать на химический факультет ЛГУ имени П. Струки.

В 10-й средней школе филологи организовали «Клуб книголюбов», в 35-й—юных физиков и математиков, во 2-м профессионально-техническом училище—профильные клубы для молодых производственников и консультационные пункты по вопросам новой техники.

— Это очень важное дело,—говорит Марис Якобсон.—Мы помогаем школьникам правильно сориентироваться в мире профессий, обрести себя, найти специальность, в которой бы полностью раскрылись их природные дарования. Около года назад в Московском районе Риги был создан специальный штаб под руководством первого секретаря райкома партии А. П. Клаусена. Раз в неделю в штабе собирались представители исполкома, района, руководители ведущих предприятий, секретари комсомольских организаций Академии наук и обсуждали идею создания межшкольного комбината профессий. Мы взяли над ним шефство. И теперь, когда он открылся, помогаем ребятам постигнуть смысл избранной специальности—оператора вычислительных машин, чертежника-конструктора, мастера навигационных приборов и многих других.

Вечер подходил к концу. Я взглянул на Мариса и подумал, что, если сейчас спрошу его, когда мы с ним завтра можем встретиться, он наверняка полезет в свою записную книжку. Так и случилось. Но если в первый раз этот жест вызвал во мне раздражение, то теперь—добрую улыбку. Его пунктуальность, требовательность к себе и окружающим, умение ценить свое и чужое время не выглядели сухой рационально-

Делегаты съезда комсомола

КОРОТКИЕ ДНИ

более полезны обществу, чем разбросанные, но общаться он тем не менее предпочитает с последними: они ярче, интереснее, колоритнее. «Конечно,—продолжал размышлять я,—ни один человек не может знать всего. Но молодой ученый лишен права не знать и не стремиться узнать как можно больше. Интересно, что привлекает его, кроме непосредственной работы?»

— Театр,—предугадав вопрос, сказал Марис и улыбнулся, точно ему было неудобно за эту свою маленьющую слабость.—Если когда-нибудь будут лишние билеты, позвоните...

И сразу же пропало ощущение скованности в разговоре с этим человеком, и я уже не задавал вопросы, а только следил за ходом его напористых, неожиданных мыслей. Трудно ли организовать такой вечер? И да и нет. Нет, потому что нет ничего прекраснее, чем радость общения, беседы с умным человеком, разговор с которым порой напоминает чтение увлекательной книги. Трудно, потому что не хватает времени. Проблема свободного времени... Об этом много писалось и говорилось. Даже пересчур. Чем заняться, чем увлечь молодого человека? Что предложить ему, чтобы он не чувствовал скуки и однообразия жизни? Действительно, что? Предложения сыпались как из рога изобилия—твори, выдумывай, пробуй, все к твоим услугам. И мало кто говорил, что если молодые люди сами палец о палец не ударят, то сколько и чего ты им ни предложай, путного из этого ничего не выйдет. Чтобы жизнь сделать серьезной и содержательной, необходима в первую очередь личная инициатива, желание, увлеченность. Вот эта увлеченность и отличает комсомольцев Академии наук Латвийской ССР от некоторых других комсомольских организаций, где порой еще работают от звонка до звонка, словно по принуждению.

Труд комсомольских работников требует полной отдачи душевных и нравственных сил. И в то же время он начисто лишен внешнего эффекта. Плотный рабочий день, каждый его час заранее расписан: встречи, беседы, совещания... Командировки—близкие и далекие, кратковременные и на много дней. Работа с документами—письма, предложения, деловые записки, подготовка материалов к заседанию бюро, совещаниям актива. Организационная работа—инструктаж активистов, учеба, скрупулезный анализ дел в различных комсомольских организациях, контакты с подшефными учреждениями. А их много—школы, клубы, заводы...

В школе № 23 комсомольцы Академии наук при непосредственном участии Мариса Якобсона организовали химический кружок. Практические занятия, опыты, содержательные беседы о прошлом, настоящем и будущем химии настолько заинтересовали и

стю, черствостью, не отталкивали от него людей. «Он все и везде успевает,—сказала о нем Оля Слободенюк.—Пообещал—сделает, поможет, организует». И, наверное, именно поэтому комсомольцы Института химии древесины еще в 1974 году избрали его своим секретарем.

Его учителя

Лес рядом, рукой подать, и Марис, возвращаясь из школы, всякий раз останавливался и пристально всматривался в завораживающую золотистую темноту соснового бора. На все лады распевали птицы, где-то на опушке с завидным упорством стучал трудолюбивый дятел, а иногда вихрем, высоко подпрыгивая, проносился оголтелый заяц. Марис—за ним. Любопытно мальчишке, что поделяет косой. Но где он? Марис входил в лес и чем дальше углублялся, тем тревожнее и загадочнее становился шепот листвы, рождавший в душе десятки всевозможных вопросов. Кто ответит на них? Марис любовался лесом, но даже на секунду не мог предположить, что эти золотистые сосны, мощные, раскидистые дубы и заневестившиеся березки в недалеком будущем превратятся для него в строгие формулы, уравнения, реакции, над объяснением которых он, может быть, будет биться всю жизнь...

В школе Марис химией не увлекался и до поры до времени был в ней определенно слаб.

«Мне здорово повезло,—говорит Марис.—В школе—на учителя: Дайла Зейдак предопределила мою судьбу; в университете—на преподавателей: я до сих пор с благодарностью вспоминаю доцента Ошкайя, который вел у нас органическую химию; на работе—на научного руководителя кандидата химических наук П. Эриньша: он помог мне окончательно утвердиться в правильности выбранного пути. Все они замечательные, увлеченные своей профессией люди, и всем, чего я добился и достиг, я в первую очередь обязан им». Это, пожалуй, действительно большая удача, если ты повстречашь на своем пути человека, с которого можно делать жизнь. Особенно в науке. Потому что наука—это не только факты, идеи, рождение гипотез, их борьба и утверждение, но и люди с их страстью, передающие эстафету научной истины. И все-таки, как бы ни был хороший учитель, многое зависит от ученика, от его трудолюбия, умения работать. «Без труда нет истины высокого»,—сказал Гете. И он трижды прав. Только обыватели считают, что ученого вдруг осеняют гениальные мысли или он случайно делает открытия. Примеров сотни. Это и знаменитое яблоко Ньютона и пасьянс, который любил раскладывать Менделеев, что привело его будто бы к созданию Периодической системы элемен-

тов. Но все эти случайности—миф. Здесь скорее всего закономерность: открытия совершают лишь те ученые, которые много и плодотворно работают, ставят опыты, ищут и находят. Пусть даже неожиданно. Неожиданность в данном случае—плод долгих и терпеливых усилий, ежедневного, систематического труда. И то, что Марис Якобсон в свои двадцать восемь—кандидат химических наук, автор многих научных публикаций и рефератов, заслуга не только его учителей, но и его собственная, результат трудолюбия, собранности, целеустремленности.

Его друзья и коллеги

Радиохимик—специальность редкая, поэтому выпускники этого факультета зачастую сами подыскивали будущее место работы и, как правило, получали туда назначение. На четвертом курсе задумался над этим вопросом и Марис. Однажды, прогуливаясь по вечерней Риге, он встретил Яниса Гравитиса—талантливого, очень разностороннего химика, с которым подружился еще на первом курсе. Янис был несколько старше, успел закончить университет и работал в Институте химии древесины.

— Приходи к нам,—сказал он, выслушав сомнения друга.—Шеф у нас человечный, дело знает, а к нам, мэнэз, то есть младшим научным сотрудникам, относится совсем, совсем неплохо.

— А чем вы занимаетесь?

— Древесиной,—сказал Гравитис и, заметив, что Марис скептически улыбнулся, прочел ему небольшую лекцию.—Вот в чем беда,—заканчивая свою мысль, сказал Гравитис.—В связи с ограниченной базой химии синтетических полимеров лет через

двенадцать—тридцать съест самое себя или потечет по другому русло. Но это русло надо еще прорыть... Вот мы и роем—решили использовать древесину, которая довольно быстро восстанавливается природой. Так что будущее за химией древесины. Над этим наша лаборатория и работает. И ты включайся, если, конечно, есть желание.

— Я приду,—коротко ответил Марис.

Лабораторию физико-химических методов использования древесины Марис разыскал без труда и, как только вошел, сразу же столкнулся со своим будущим шефом кандидатом химических наук П. Эриньшем.

— Вам кого?—спросил Эриньш.

— Он ко мне.—Из смежной комнаты стремительно выскоцил мэнэз Гравитис и представил Мариса.

— А чем бы вы хотели заниматься?—спросил Эриньш.

— Химией.

— Химия многолика. Конкретно?

Марис задумался. Не хотелось говорить, что он в курсе проблем лаборатории и что эти проблемы не оставили его равнодушным. Эриньш же истолковал это молчание по-своему.

— Ну так вот,—сказал он,—мы занимаемся не тем, что нравится, а тем, что необходимо сегодня производству и обществу. А конкретно...—Неожиданно спросил:—Дерево—полимер?

До недавнего времени древесину полимером не считали. Но Эриньш подошел к дереву как к полимерной системе и сумел убедить в этом своих сотрудников, прекрасно понимая, что иначе творческой отдачи от них не дождешься: ученый должен точно знать, над чем работает, и свято верить в правоту своего дела. Марис знал о точке зрения Эриньша и решил этого не скрывать.

— Сами додумались или кто подсказал?—спросил Эриньш, услышав ответ.

— Гравитис.

Эриньш кивнул и как бы между прочим заметил:

— Единственный капитал ученого—его доброе имя. Врать в науке бессмысленно. Женаты?

— Нет.

— Женитесь. Больше свободного времени будет.—Эриньш кивнул и вышел из лаборатории.

— Поздравляю,—сказал Гравитис.—Ты ему понравился.

Марис закончил университет, добился руки и сердца своей сокурсницы и был зачислен инженером ордена Трудового Красного Знамени Института химии древесины Академии наук Латвийской ССР.

В лаборатории Мариса встретили приветливо. Он получил самостоятельную тему «Действие разбав-

ленной щелочи на древесину», ему указали, в каком направлении работать, и походя дали несколько советов, исходя из которых он усвоил, что лаборатория—семья, он член этой семьи и соавтор большой научной идеи.

«Время талантливых одиночек прошло,—сказал по этому поводу Янис Гравитис.—Наука шагает вперед с такой быстротой, что некоторые идеи умирают, так и не получив своего развития. Поэтому боевой единицей на сегодня в науке является коллектив».

В науке путь у каждого свой. В этом Марис убедился, как только четко представил себе творческое лицо каждого сотрудника лаборатории. Эриньш—генератор и одновременно тормоз для слишком безумных идей, прекрасный экспериментатор. Гравитис—блестящий теоретик, человек самых разносторонних знаний—физика, биология, математика, естественные и гуманитарные науки. Вяя Цините—человек строгого, критического ума, осторожна и нетороплива в заключениях и выводах. Лиепиньш—золотые руки, взялся за дело—докопается до сути и, если возможно, обязательно улучшит методику. Марис Якобсон... Составить четкое представление о собственных возможностях, особенно в молодые годы, когда чувствуешь, что родился на свет для дел и открытий великих, довольно трудно, необходимы элементарные мужество и честность, чтобы, выявив свои слабые и сильные стороны, сказать: «Я практик. Мне нужна цель. А дойти до нее самым рациональным и единственным правильным путем—моя обязанность». И еще: «Я палец. Все мы вместе—кулак. Или, как сказал Гравитис, боевая единица, которой необходимо пройтись по неприятельским тылам и выяснить, где легче прорваться».

Юрий МАСЛОВ, специальный корреспондент «Смены».

КОРОТКОИ НЕДЕЛИ

Эриньш поставил вопрос более конкретно.

— Мы должны доказать,—заканчивая свое напутствие, сказал он,—что древесина—идеальный вариант полимерной композиции, созданный и проверенный природой. Дерзайте!

И Марис засел за опыты...

День приема по личным вопросам

Четверг, пожалуй, самый трудный день его рабочей недели. Этот день он почти полностью проводит не в стенах лаборатории своего института, а в здании Академии наук, где расположен штаб комсомольской организации, объединяющей более десятка научно-исследовательских институтов.

Численность организации—1200 комсомольцев. Пятьсот из них с гордостью носят звание научного сотрудника, что, естественно, рождает некоторую специфику и требует от секретаря особого, нестандартного, творческого подхода к делу.

Комсомольская организация Академии наук на правах райкома, но...

Секретарь—должность неосвобожденная. И он обязан иметь учченую степень.

Легко ли совместить научную работу с руководством такой крупной комсомольской организацией?

— Трудно,—говорит бывший секретарь комитета комсомола Академии наук Виестур Бауман, кандидат медицинских наук, лауреат республиканской премии Ленинского комсомола,—но возможно. Главное—точно распределить силы, иметь надежных помощников, опыт комсомольской работы. Опыта у Мариса с лихвой, с людьми ладит—значит, справится.

В комсомольской работе решающим является содержание, цели и задачи. Но как успешно будет реализовано содержание, выполнены задачи, достигнуты цели, зависит и от формы, от того, что она собой представляет. Впервые над этим Марис задумался еще в 1971 году, когда пришел в Институт химии древесины и его избрали членом бюро, а затем секретарем комсомольской организации института. Теперь его окружали не мальчики-студенты, а вполне зрелые, сформировавшиеся в своих убеждениях люди. И неважно, что многим из них было всего лишь двадцать пять—двадцать шесть, важно другое: они представляли науку, раздвигали ее границы, и серьезность их отношения к ней требовала, в свою очередь, серьезного, вдумчивого отношения к ним самим. Нужны были новые формы общения и руководства, требовалось новое содержание.

Поиск—вот что главное в работе комсомольского

активиста. «Найти, внедрить, увлечь». Этот девиз Марис и взял на вооружение, когда его избрали секретарем комсомольской организации Академии наук Латвийской ССР. Пригодился и опыт, который он приобрел в своем институте: разнообразие форм политучбы, работа с подшефными школами: «Комсомольский проект», фотовыставки, организация математических, физических, химических и других олимпиад для школьников старших классов, проведение всевозможных конкурсов, но только уже не внутри одного института, а среди всех молодых ученых Академии наук—медиков, физиков, биологов, химиков, историков, экономистов, филологов...

— В нашей стране,—говорит Марис,—возможности для полного раскрытия личности имеет каждый. И право на поиск, дерзание и испытание не просто декларируется, а действительно гарантируется. Получив это право, молодому человеку, вступающему в жизнь, остается одно—трудиться.

Именно так живут и работают комсомольцы Академии наук Латвийской ССР. Высокий труд и вечный поиск—их творческое лицо.

Рожденная в лаборатории

Научный поиск не поддается временной регламентации. Труд ученого протекает не по законам рабочего, а по законам свободного времени и во многих отношениях является прообразом коммунистического труда. Герой Социалистического Труда академик П. Александров сказал: «Настоящая научная работа, поиск ответа на то, как же все обстоит на самом деле, всегда беспокойна, всегда состоит в переходе от одних неудачных попыток к другим, пока не найдется наконец удачный подход, если он вообще находится. Эта работа беспокойна так же, как работа музыканта, ищащего и долго не находящего нужного звучания музыкальной фразы».

После нескольких лет кропотливого, изнурительного труда обрела, наконец, «музыкальное» звучание и работа Мариса Якобсона: в марте 1976 года он успешно защитил диссертацию, и ему было присвоено звание кандидата химических наук. Тема его научной работы—«Действие разбавленной щелочи на древесину»—на первый взгляд не особенно интересна, но это только на первый взгляд, взгляд дилетанта, а на самом деле... В 1976 году Институт химии древесины посетила группа американских ученых, и крупнейший специалист в области химии древесины доктор Шафи-Заде, узнав, чем занимаются в лаборатории П. Эриньша, в том числе и Марис Якобсон, сказал, страшно коваркая русские слова: «Если вам удастся сшить отдельные молекулы древесины, если работа выйдет на промышленность, то это значит много патентов, много денег...» Оценка, конечно, чисто американская, но в ней уважение, дань научному мужеству и дерзости мысли.

В чем же основная идея работы Мариса Якобсона и его коллег? Еще раньше было замечено, что свойства древесины существенно изменяются только при взаимодействии со слабым раствором щелочи—до одного процента. И этого было достаточно, чтобы мягкие породы дерева (например, ольха) существенно меняли свои технические и биологические свойства. Дерево принимало любую форму—закручивалось, изгибалось, вытягивалось, сжималось и т. д. Практический результат был ясен, а что происходило с древесиной на молекулярном уровне и к каким открытиям это могло привести, предсказать никто не мог. Это предстояло выяснить. Марис Якобсон доказал, что щелочь разрывает в древесном веществе поперечные связи, и, как следствие, происходит изменение в ее структуре—уменьшается плотность сетки. С уменьшением плотности сетки древесина становится более пластичной.

Все это позволило Институту химии древесины совместно с Рижским мебельным комбинатом разработать и внедрить в производство способ модификации серой ольхи, позволяющий использовать ее вместо дефицитных твердых лиственных пород, таких, например, как ясень, бук.

Марис Якобсон и его коллеги продолжают работать над своей темой—исследуют древесину с точки зрения физикохимии поперечно сшитых полимеров, ищут изменения в ее строении и свойствах, изыскивают возможности ее конкретного применения и использования.

Идет поиск. Терпеливый. Каждодневный. Бесконечный.

В пятницу мы расстались. Пятница—единственный день, в который Марис не задерживается в лаборатории: спешит домой, в Тукумс. У него трое детей: две девочки и мальчик. Девочки—близнецы, им по четырем, а мальчику год, и возни, проблем с ними не меньше, чем на работе.

Подошел автобус, и он уехал, обвшанный игрушками, сумками, с тяжелым портфелем в руках. Радостный и одновременно недовольный: «Дни короткие, а неделя еще короче. Мало сделать успеваю...»

БОЛЬШОЙ СБОР.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Балашов хорошо запомнил его — яркая желтая рубашка и дымчатые очки, закрывавшие, казалось, все лицо — длинное, сморщенное, со срезанным подбородком.

Это было во время стоянки в иностранном порту, когда экипаж «Владивостока», верный традициям морского гостеприимства, встречал у себя на борту всех желающих посмотреть советский корабль. К Балашову подошел один из местных журналистов. «Капитан, — произнес он по-английски, — можно задать вам вопрос?» «Конечно», — улыбнулся Балашов. Командир ракетного крейсера капитан II ранга Юрий Александрович Балашов привык к тому, что в «день открытых дверей» ему задают самые разные вопросы.

— Скажите, капитан, вот этими штуками, — репортер кивнул на зачехленные ракетные установки, — у вас управляет исключительно коммунисты?

Балашов посмотрел на журналиста.

— Этими «штуками», как и всем остальным, у нас управляют члены экипажа, среди которых есть и коммунисты и комсомолцы.

— Неужели можно доверить такое мощное оружие беспартийным?

— Каждый советский моряк — независимо от того, член партии он или нет, — патриот своей Родины, именно поэтому, а не почему-либо еще Родина доверяет ему любое оружие...

— Простите, капитан, но ведь патриот — это по-русски почти что коммунист. Во всяком случае, он думает и ведет себя как коммунист. Не так ли? — не унимался репортер.

— Да, так.

— Ну вот, значит, я все-таки оказался прав, ракетами у вас управляют коммунисты...

Об этом разговоре Балашов расскажет нам после заседания парткома, на котором примут кандидатом в члены КПСС одного из матросов. Может быть, это импровизированное интервью, данное когда-то на экваторе, вспомнилось Балашову потому, что тот самый матрос

НА СУШЕ, НА МОРЕ, В ВОЗДУХЕ НЕСУТ
БОЕВУЮ ВАХТУ ТЫСЯЧИ НАШИХ СВЕРСТНИКОВ,
КОМСОМОЛЬЦЕВ 70-Х ГОДОВ, ГОТОВЫХ
В ЛЮБОЮ МИНУТУ ВСТАТЬ НА ЗАЩИТУ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА.

БОЛЬШОЙ СБОР.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Балашов хорошо запомнил его — яркая желтая рубашка и дымчатые очки, закрывавшие, казалось, все лицо — длинное, сморщенное, со срезанным подбородком.

Это было во время стоянки в иностранном порту, когда экипаж «Владивостока», верный традициям морского гостеприимства, встречал у себя на борту всех желающих посмотреть советский корабль. К Балашову подошел один из местных журналистов. «Капитан, — произнес он по-английски, — можно задать вам вопрос?» «Конечно», — улыбнулся Балашов. Командир ракетного крейсера капитан II ранга Юрий Александрович Балашов привык к тому, что в «день открытых дверей» ему задают самые разные вопросы.

— Скажите, капитан, вот этими штуками, — репортер кивнул на зачехленные ракетные установки, — у вас управляет исключительно коммунисты?

Балашов посмотрел на журналиста.

— Этими «штуками», как и всем остальным, у нас управляют члены экипажа, среди которых есть и коммунисты и комсомолцы.

— Неужели можно доверить такое мощное оружие беспартийным?

— Каждый советский моряк — независимо от того, член партии он или нет, — патриот своей Родины, именно поэтому, а не почему-либо еще Родина доверяет ему любое оружие...

— Простите, капитан, но ведь патриот — это по-русски почти что коммунист. Во всяком случае, он думает и ведет себя как коммунист. Не так ли? — не унимался репортер.

— Да, так.

— Ну вот, значит, я все-таки оказался прав, ракетами у вас управляют коммунисты...

Об этом разговоре Балашов расскажет нам после заседания парткома, на котором примут кандидатом в члены КПСС одного из матросов. Может быть, это импровизированное интервью, данное когда-то на экваторе, вспомнилось Балашову потому, что тот самый матрос

СЛЫШЬСТВО

В ХОДОВОЙ РУБКЕ КОМАНДИР РАКЕТНОГО КРЕЙСЕРА «ВЛАДИВОСТОК» КАПИТАН II РАНГА ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЛАШОВ.

МЫ С ТИХООКЕАНСКОГО

по службе имел отношение к управлению корабельной артиллерией, может быть, еще почему-либо. У командира могло быть немало для этого оснований — в тот день в очередном испытании боеготовности корабля весь экипаж без исключения показал мужество и высокую выучку, тем самым подтвердив слова Балашова о том, что на корабле нет человека, которому страна не могла бы доверить любое оружие.

Концентрация событий в этом рассказе не преувеличена, она точно воспроизводит реальную обстановку, в которой может оказаться корабль, выполняющий учебно-боевую задачу.

Этот день начался рано. В час ночи синоптики передали на корабли, стоящие в бухте, предупреждение об урагане. Помощник командира корабля стар-

«ТОРПЕДНЫЙ КОМПЛЕКС К БОЮ ГОТОВ!»

ший лейтенант Николай Комаров сразу же поднял по тревоге швартовую команду и позвонил Балашову.

Вот так все и началось. Нам достался только краешек урагана, всей мощью ударившего километрах в тридцати севернее. Но и этого краешка хватило с лихвой. Четыре часа мы, отгороженные от него стальными стенами корабельной брони, ощущали неистовость бушевавшего ветра. «Владивосток», стоявший у стенки, кренился так, будто он находился в открытом море; волны захлестывали бак и ют, взметывая ледяные фонтаны до ходового мостика. Вот когда мы

цитной пресной водой. Так что неизвестно еще, что лучше — зима или лето.

...Ровно в 10.30 «Владивосток» лег курсом на северо-восток, подставляя нос легкому бризу. После того, как корабль вышел из бухты, береговая служба оповещения предупредила нас о возможной атаке с воздуха. По команде «Боевая готовность-2» экипаж занял свои места. С этого мгновения каждая минута протекала десятками беспристрастных приборов, глухих к человеческим эмоциям, но предельно чувствительных к поступкам. Приборам не дано было зафиксировать, чего стоит

тысячи километров от своих баз, он может не скоро получить замену выбывшим из строя матросам, а эта замена бывает нужна сейчас же, немедленно. Вот почему каждый член экипажа обязан знать и уметь вдвое, втройке больше, чем требует от него основное корабельное расписание. Потому так скрупулезно последние месяцы Балашов подписывал подчиненным увольнения на берег, потому так часто ссыпал людей с мест учебной боевой тревоги.

Сразу после получения с берега оповещения о том, что четыре самолета «противника» идут курсом на корабль,

воздуха, выдыхаемого работавшими двигателями. Уши заложило от пронизительного рева машин. Здесь, казалось, можно было кричать и не слышать собственного голоса. Один из матросов, стоявших у пульта управления машинами, кивнул, а потом знаком показал, что глухота сейчас пройдет. Я узнал его — Володя Щетинин, один из корабельных кочегаров. Мы познакомились на заседании бюро ВЛКСМ электромеханической боевой части. Щетинин и его товарищ Саша Бармин докладывали бюро о готовности к работе и результатах планово-предупредительного ре-

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА — ПРЕДСТОЯЩИЕ УЧЕНИЯ.

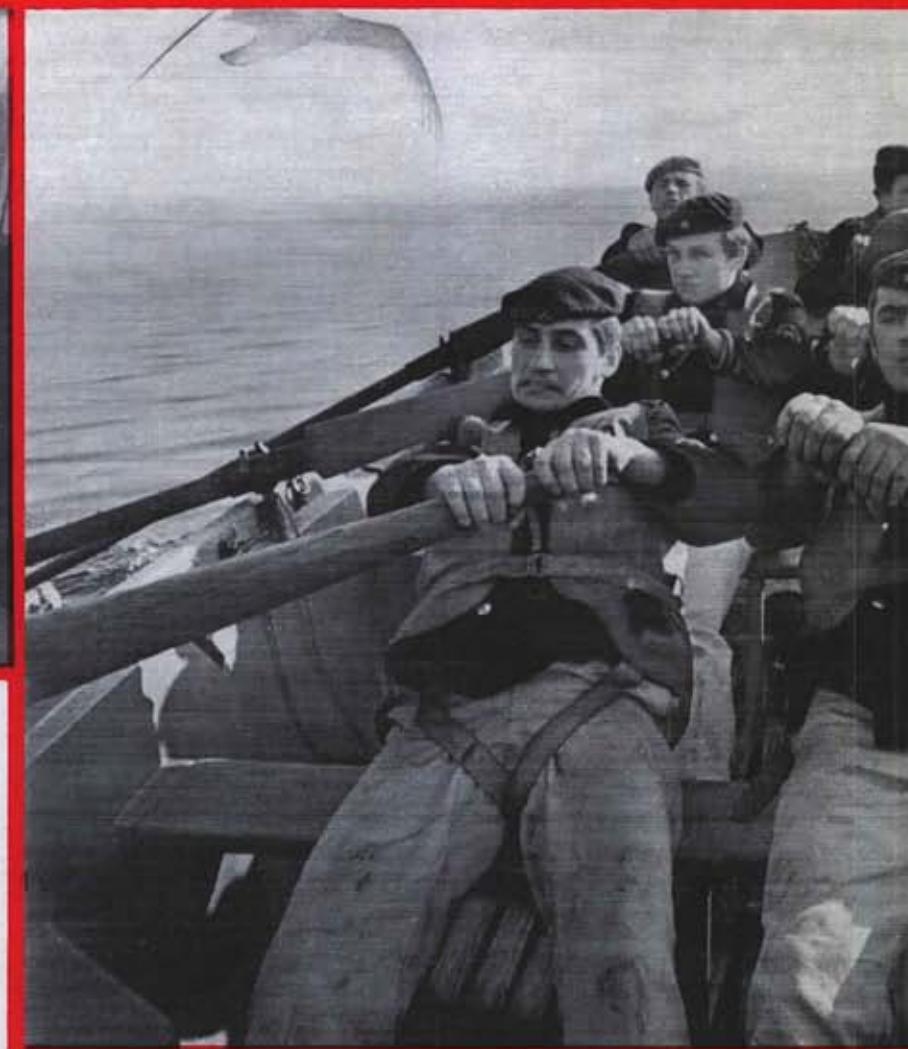
НАВСТРЕЧУ ВОСХОДУ.

тому же оператору не выпустить цель из перекрестья шкал, когда экран засвещен помехами, зато он точно запишет, когда сошла со стартового устройства ракета и как она настигла цель.

Сегодня «Владивостоку» предстояло сдавать очередной экзамен на боевую зрелость. И так же, как каждому коллективному экзамену, этому предшествовала огромная работа сотен людей, слитых в одно целое, именуемое экипажем. А экипаж — это не просто коллектив, пусть даже спланированный военной дисциплиной, это единый организм, и все в нем, как и в природе, должно быть идеально подогнано друг к другу.

Сегодняшний день покажет, насколько хорошо подготовлен корабль к дальнему походу, достоин ли он и впредь носить звание отличного.

Было и еще одно обстоятельство, о котором помнил каждый член экипажа: скоро на «Владивосток», подшевий комсомольский корабль, придет молодое пополнение — посланцы Владивостокской городской комсомольской организации. И экипаж хотел (и даже не просто хотел — считал своим долгом) встретить пополнение рапортом об отлично сданных боевых зачетах. Никто из офицеров и матросов корабля не сомневался в том, что экипаж отработает сегодня с профессиональной добровольностью — месяцы упорных ежедневных тренировок чего-нибудь да стоят, — но в душе каждый страстно желал, чтобы они не просто уложились в нормативы, но и перекрыли бы их. Они шли к этому, упорно отрабатывая одну за другую учебные боевые задачи, добиваясь полного и четкого взаимодействия всех подразделений и служб корабля, безусловенного знания каждым членом экипажа не только его персональных обязанностей, но и военной специальности товарища. На корабле это необходимо было больше, чем где бы то ни было. Ведя боевые действия в океане, за сотни,

Балашов приказал задействовать дополнительные радиолокационные средства: истребители могли обойти район и появиться совершенно с противоположной их теперешнему курсу стороны. Нагло задраенный корабль приготовился к отражению атаки с воздуха. Заняли свои места и операторы центральных постов управления ракетно-зенитными комплексами. Это они должны были определить характер цели, рассчитать ее скорость, курс и, «взять» в приборы, уничтожить. Но это произойдет потом, когда истребители войдут в зону поражения. Пока же на главном командном посту было относительно спокойно: корабль шел на «среднем», вздыбливая мощными винтами белый веер воды за кормой, навстречу предстоящим ему испытаниям.

Балашов, не отрывая взгляда от карты, предложил нам прогуляться в машинное, ибо «потом будет не до этого». К тому времени мы уже обходились на корабле без провожатого, что считали для себя пусть скромным, но все же достижением. На «Владивостоке» десятки отсеков и помещений образуют бесконечный и многоэтажный лабиринт, в котором первое время мы не могли без подсказки отыскать дорогу даже в собственную каюту. Теперь мы ориентировались почти свободно: надо только пройти два отсека, а потом спуститься по нескольким трапам вниз — и мы в машинном.

В лицо ударила тугая волна горячего

монтажа техники. Щетинин был краток и деловит: оборудование, за которое он отвечает, в полном порядке, так что пусть товарищи не беспокоятся.

О нем, Володе Щетинине, как об одном из лучших специалистов-подразделения, много рассказывал мне и командир его боевой части капитан-лейтенант Николай Николаевич Берилло.

Как-то во время дальнего перехода выбило клапан у одной из машин. Ремонт требовался не очень большой, но работать предстояло в двухсотградусной жаре. Берилло спросил, кто хочет добровольно. Щетинин вы毛泽лся первым, за ним — Бармин. Их и взял с собой тогда капитан-лейтенант. И не пожалел: работали Володя и Александр быстро, точно, упрямо. Оторвались от машины, только сделав все, до последней гайки. Когда вылезли наверх и отдохнули. Берилло, человек на похвалы не очень щедрый, сказал Щетинину, что не знает, какой тот плотник, но механиком он будет первоклассным, если, конечно, захочет.

Но тогда-то Володя уже и сам понимал, что без машины для него дальше жизни нет. Хотя и гордился своей доармейской специальностью плотника, строил он в самой Москве, и, кажется, строил неплохо. Но, как часто бывает с людьми, особенно в молодости, нашел себя Щетинин по-настоящему, только попав служить во флот и оказавшись среди жаркого грохота корабельных

двигателей, почувствовав их силу и послушание одновременно.

Я смотрел на него, царившего среди своих машин, коренастого, стриженного под ежик, мускулистого, и думал, что, наверное, такие вот, как он, не умеют ничего делать впопытке и впопытке. И потому так ладно получается у них все, за что бы они ни взялись, будь то работа плотника, или кочегара военного корабля, или любая другая.

Нас резко качнуло вправо, а потом мы почувствовали, как сменился ритм вибрации оборудования, когда после поворота корабль рванул вперед на пол-

что-то насчет завода в Таганроге, который, конечно, без Гаркуши далеко не уедет.

Щетинин проверил настройку приборов—все было нормально, скосил взгляд налево. Там застыли у индикаторов его товарищи, с которыми накрепко связали его полтора года службы. Из десятка команд они вылавливали на тренированным слухом лишь те, что касались их непосредственно. Шолохов, вдруг почувствовал, как его захлестывает волнение, почти незнакомое ему прежде, даже на практических пусках. Это происходило совсем не потому, что

целям, пересекая матовые квадраты экранов.

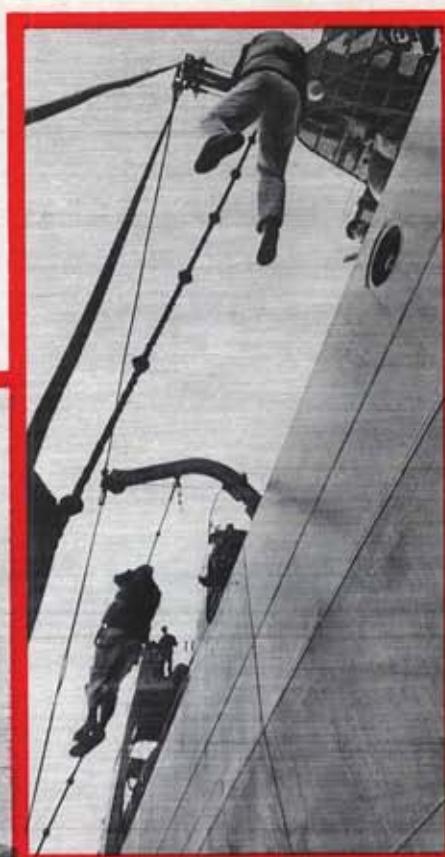
Самолеты были «уничтожены» до того, как они вышли на рубеж торпедной атаки.

Разжав кисти рук, Владимир Шолохов провел ладонями по коленям—на брюках остались влажные следы. Он повернул голову налево и увидел улыбающееся лицо Гаркуши, который что-то говорил ему. Шолохов не слышал и не понимал, что говорит ему товарищ, его сознание еще просто не переключилось на нечто, не имеющее отношения к его работе.

Но встреча с самолетами «противника» была лишь прелюдией к той схватке, которую еще предстояло выдержать экипажу корабля на своем пути.

По сообщению воздушной разведки, где-то на подходе к району крейсер ждала притаившаяся на глубине подводная лодка. Иди «Владивосток» к цели кратчайшим курсом, он был бы атакован лодкой раньше, чем обнаружит ее. Но зная, что теперь она где-то неподалеку, командование корабля приняло необходимые меры предосторожности, «Владивосток», имея запас времени, шел на «малом», а порой стопорил ход, чтобы шум собственных

ШЛЮПКУ НА ВОДУ!
СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ТОЖЕ МОРСКАЯ НАУКА.

ном ходу. Это значило, что там, наверху, изменилась обстановка и крейсер выполняет какой-то маневр. И нам надо идти в центральный пост управления зенитно-ракетным комплексом, где решался исход поединка корабля и истребителей.

...Мы начали разбираться что к чему только после того, как глаза привыкли к полумраку: чтобы не рассеивалось внимание операторов, светились лишь приборы. Справа за крайним блоком работал Шолохов, слева от него Гаркуша—оба Володи, опытные операторы, на счету которых по несколько отличных боевых пусков, к тому же они друзья—водой не разольешь. У них все общее, начиная с работы и кончая посылками из дома. И, несмотря на некоторые разногласия, общее мироощущение. Как-то я был свидетелем их разговора.

Шолохов, уговаривая товарища поехать после службы в Тюмень, рассказывал о Сургуте, где работал радиомехаником, обеспечивая связью буровиков. Гаркуша кивал головой и поддакивал, слушая про свирепые метели и таежные поселки, про нефтяные фонтаны и северную романтику. А потом сказал, что Тюмень—это, конечно, здорово, но на его заводе в Таганроге тоже не менее интересно, и техника такая, что дух захватывает, и уезжать оттуда он пока не собирается. Шолохов не обиделся, пропел, что «не всем дано понять страну Тюменю», и заметил

за спиной у него стоял проверяющий, в себе он не сомневался. Когда ему «выложат» цель, он не промахнется. Но сегодня он первый раз отвечал не только за свою работу, он отвечал за своих товарищ как группомсорг, как человек, наделенный правом и обязанностью отвечать за других.

Это была физически и зрительно почти неосязаемая схватка, которую, как и большинство ей подобных, вершат электронная техника и установки, управляемые волей и профессиональным интеллектом человека. Такова особенность современного боя, в котором оружие сталкивается с оружием далеко от половины его людей.

Самолеты, атакуя корабль, могли применить множество неожиданных маневров и комбинаций, инициатива боя была у них. Но при любом варианте корабль должен был их «увидеть» прежде, чем они будут в состоянии применить оружие. Это был первый необходимый фактор успешного отражения атаки с воздуха.

Два истребителя появились на экранах индикаторов точно по курсу корабля. Они не пошли на сближение, а начали описывать полукруг. На экранах замелькали белые шлейфы помех. Операторам пришлось работать в условиях радиопротиводействия. Но не это тревожило командование корабля, в конце концов операторы ракетно-зенитного комплекса могли перейти на другой диапазон или вести «цель» по остирию

шлейфа, оставалось загадкой—где вторая пара истребителей? Поэтому Балашов попросил передать на центральный пост, чтобы там усилили наблюдение; атакующая пара самолетов могла появиться внезапно на малой высоте.

В принципе это был не новый прием; так называемая демонстрационная пара или звено самолетов маневрировали в поле радиовидимости корабля, отвлекая на себя внимание противовоздушной обороны, а тем временем два самолета заходили на предельно малой высоте совершили с другой стороны и наносили бомбовый или торпедный удар.

Вторая пара истребителей «противника» появилась на горизонте, словно вынырнув из морской пучины. Самолеты шли с востока, как и предполагал Балашов, на предельно малой высоте под прикрытием радиопомех, курсом на правый борт крейсера. Команде центрального поста управления ракетно-зенитным комплексом оставались считанные мгновения на то, чтобы произвести десятки операций, заложенных в общее понятие «бой». Каждая потерянная операторами секунда, каждый «пропал» в радиовидимости цели работали на «противника», увеличивая его шанс нанести удар первому.

Отделение и в этот раз перекрыло нормативы. Первым доложил Владимир Гаркуша. Две мерцающие белые точки—импульсы сошедших со стартовых устройств ракет, рванулись навстречу

винтов не мешал акустикам слушать море. Полчаса назад Балашов приказал изменить курс и войти в район, имея на румбе «вест». «Услышав» нас, лодка должна была пойти кораблю наперевес, а значит, обнаружить себя.

У приборов гидроакустического поста работали старшина команды мичман Анатолий Сангоджиев и командир отделения старший матрос Николай Еремин. Медленно поворачивая вибратор, Сангоджиев прислушивался к множеству звуков, стараясь уловить тот единственный, напоминающий лязг идущего поезда, который выдает местонахождение подводной лодки. Он слышал косяки рыб, отзывавшиеся в наушниках легким шелестом кипящих на ветру листьев, бормотание глубинного прибоя, какое-то хлопанье, напоминающее звуки откупориваемых бутылок. Но лодки в его секторах акустического обзора не было, за это он мог поручиться. Сангоджиев закончил военно-морскую школу техников и обладал редкостным слухом даже по сравнению со своими товарищами по школе.

Вот уже полчаса—тридцать долгих, изматывающих минут—я сидел рядом с ним, переводя взгляд с его, казалось, окаменевшего лица на экран индикатора, боясь пропустить момент обнаружения цели, наверное, не меньше, чем сам Сангоджиев.

Продолжение на IV обл.

**ИДЕЙНОСТЬ, ПАРТИЙНОСТЬ, НАРОДНОСТЬ,
ВЫСОКОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
МАСТЕРСТВО И ВДОХНОВЕНИЕ
ОТЛИЧАЮТ ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА—
ОДАРЕННЫХ УЧЕНИКОВ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
МАСТЕРОВ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ.**

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист СССР,
секретарь Правления Союза
кинематографистов СССР.

П

омню свое начало, словно это было вчера. Я учился в Киевской киноактерской школе, когда прозвучали первые залпы войны. С последнего курса, не успев сдать выпускные экзамены, ушел в армию. Был солдатом и офицером, старался честно и ответственно делать свое воинское дело, но ни на час не забывал о мечте—стать актером. И когда меня демобилизовали в 1946-м, пошел в искусство, как в атаку.

Мне показалось тогда, что война отняла у меня лучшие годы и надолго отдалила от актерской профессии. Вот почему я буквально набросился на работу, с жадностью и яростью поглощая знания, учясь навыкам, приемам своего нового дела... Мне казалось тогда, что еще немного усилий—и я постигну тайны этого искусства, научусь всему, чему здесь можно и стоит учиться, надо только спешить и не жалеть себя...

Прошло три десятилетия, и теперь я многое вижу в другом свете. Теперь я понимаю, что годы войны не только не отдалили меня от творчества, но, наоборот, приблизили к нему. Ведь мне выпало счастье бок о бок с товарищами по оружию познавать, что такое жизнь и смерть, отвага и боязнь, мужество и слабость. Мне довелось видеть, как ведут себя разные люди в разных, порою опасных и драматических ситуациях. Какой бы я без этого знания был актер и режиссер? Как смог бы я говорить с экрана правду о жизни и о людях?

ВДОХНОВ

Теперь я понимаю и другое. Профессия драматического артиста кажется мелкой и поверхностной лишь тогда, когда исполнитель роли не способен и не стремится ни к чему большему, оставаясь на уровне простого лицедейства. На самом же деле в высоких, классических образцах эта профессия безгранично глубока и разнообразна, но тогда она требует предельной самоотдачи, немыслимой, я думаю, в любом другом виде искусства степени искренности и жертвенности. И до вершин в этом труде каждый раз, оказывается, все дальше и дальше. Это как в горах. Чем выше поднимаешься, тем заманчивее и вместе с тем отчужденнее сверкающие вдали недостижимые и недостижимые снежные пики.

Приступая к разговору о нынешней творческой молодежи, я вполне сознательно начал со своей судьбы, со своего взгляда на искусство и на первые свои шаги по этому трудному пути. Моя актерская биография предопределяет мое отношение к тем, кто придет и уже приходит к нам на смену. Хочу оговориться: Было бы неправильно, наверное, если бы я стал рассуждать обо всем нашем советском искусстве, я кинематографист, в рамках экрана ориентируясь лучше и основательнее, потому и буду высказываться о кино, а не, допустим, о балете. Но думаю, что положение дел в кинематографе ничем особым не отличается от того, что происходит сейчас в других «родах войск» — в литературе, например, или в живописи. В кино точно так же, как и в иных искусствах, заметно повысилась активность молодых людей, в чем

несомненно, сказалось благотворное влияние принятого около двух лет назад постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

...Мне нравятся те начинающие, кто понимает, как короток людской век, те, кто спешит «творить», выдумывать, пробовать, те, кто решителен и смел, те, кто вступает в искусство, как боев в строй. Но, откровенно говоря, не все новички демонстрируют подобные человеческие и профессиональные качества. Есть среди них, к сожалению, и иждивенцы, ведущие прозябающее сосуществование, считающие, что раз им вручен диплом об окончании вуза, то им все и всем обязаны. Вижу, что иные идут в профессию актера или режиссера только за славой и что некоторым кружат головы и первые же, порою случайные успехи. Это все меня, конечно, огорчает, но не слишком, поскольку во все времена среди людей, избравших для себя такую стезю, встречались рядом с настоящими художниками и совершенно случайные фигуры.

Заблуждаются мои коллеги, считающие, что по первым опытам нельзя представить, что ждет человека в будущем. В самом начале уже ясно различимо, обладает ли вступающий в творчество достаточным душевным и идейным потенциалом, а проще говоря, есть ли у новичка талант, трудолюбие и вера в идеалы добра и справедливости. Вот я веду актерскую мастерскую во Всесоюзном государственном институте кинематографии — курс, целиком набранный в Азербайджане и готовящий актеров для национального киноискусства республики. Мне досталась, по существу, уже сложившаяся группа первокурсников. Я стараюсь заниматься с ними много и серьезно, не предоставляя привилегий одним и не отступаясь от других. Но вижу, не могу не видеть, что лишь человек пять — семь из пятнадцати имеют шансы стать настоящими артистами, хотя имена я называть бы, видимо, не смог — раноово. А остальные... Им попросту лень учиться, они даже в Третьяковку, если я не прослежу, и то не сходят. Способности тут ни при чем, они не ведут к победе, если отсутствует желание трудиться.

Беда! А изменить ничего нельзя. Думал: может, это я что-нибудь не так делаю? Спросил как-то Георгия Данелию, который ведет во ВГИКе режиссерскую мастерскую: как он полагает, много ли у него будет режиссеров? Отвечает: немного, четвертая часть курса в лучшем случае.

Упомянутое мною постановление ЦК партии справедливо требует, чтобы «вся работа с молодыми художниками основывалась на сочетании чуткого, уважительного отношения к ним с требовательностью и принципиальностью». Мне кажется, что иногда мы о требовательности и принципиальности несколько забываем, а чуткость и уважительность направляем не совсем по адресу. В результате в наши ряды, растягивающие локтями куда более достойных, втискиваются и те, кто до конца дней своих будет только требовать, даже и не помышляя о том, что нужно отдавать людям. Причем сплошь и рядом эти юноши и девушки просто-напросто ошиблись в выборе профессии, потянувшись к престижности, не соразмерив своих сил и возможностей.

...В искусстве очень трудно отыскать объективные критерии для оценки сделанного. В спорте, к примеру, все гораздо нагляднее. Преодолел прыгун планку, поставленную на высоте 225 сантиметров — молодец! Прыгнул на 233 — рекордсмен! Почет и уважение! А как оценить труд киноактера? По количеству писем от зрителей? По грохоту аплодисментов в зале? По рвению режиссеров, предлагающих роли? Нет, тут все не так просто. Окончательный приговор нашему труду выносит только время, и происходит это, к сожалению, нередко тогда, когда артист уже не слышит комплимента.

Между тем работа, а стало быть, и вся жизнь людей моей профессии становится все более напряженной. Еще не так давно за одну смену нужно было снять 30 полезных метров кинопленки, а теперь по плану — 60. Практически это значит, что исполнитель роли должен находиться на съемочной площадке в постоянной, ежесекундной готовности, что он обязан быть в такой форме, какая нужна спортсмену, идущему на побитие рекорда. Что же такое — держать себя в форме? Как научиться этому молодым? Мы обсуждали этот вопрос на пленарном заседании Всесоюзной актерской комиссии Союза кинематографистов СССР, где я избран председателем, предлагали всякие конкретные меры, рассматривали опыт Молдавии и Грузии, но мне хотелось бы вначале сказать о другом.

Артист — это инструмент, он творит самим собою. И заботиться о своем настроении на благородное звучание должен сам. Пианист играет каждый день, есть у него концерт или нет, балерина каждое утро становится к «станку», а актеры зачастую ждут и ждут, пока им предложат роль. Но почему? Почему не пытаться, пусть и наедине с самим собой, репетировать, почему не стремиться изучать опыт мастеров прошлого, не следить за литературой, не пробовать самому писать, петь, плясать? Почему, наконец, не искать новых жизненных впечатлений?

Мы, пожалуй, слишком часто произносим: «Надо учиться у жизни». Совет этот стал уже затертым, как старый пластик. Но ведь у жизни действительно необходимо учиться! И не обязательно для этого ехать в тайгу или на стройку, хотя и то и другое очень полезно. Я и сам объехал почти все крупнейшие стройки последних десятилетий, побывал на Саяно-Шушенской и Нуруекской ГЭС, на автозаводах Тольятти и Набережных Челнов, у нефтяников Каспия и хлеборобов Алтая. Но вспоминать впечатления, подмечать забавное и поучительное, присматриваться к людям — наблюдать жизнь! — можно и в московском троллейбусе.

Надо постоянно что-то делать с собой, если хочешь, чтобы ты, как инструмент, был способен включиться в любой ансамбль или даже солироваться... И это относится, конечно, не только к актерам, но вообще к людям творческого труда, просто проблемы этой профессии мне ближе. Что греха таить, вижу я в некоторых своих коллегах полнейшую инертность, помноженную на все-

ленские претензии. Достаточно сказать, что на киностудиях «Мосфильм», имени М. Горького, состоят в штате около 400 актеров кино, а снимаются постоянно далеко не все... Конечно, многим из них просто очень не везет, иные несправедливо забыты режиссерами, кто-то переживает творческий кризис. Но в конечном счете каждый человек в нашей стране — творец собственной судьбы.

Ведь сумели же сравнительно небольшие коллективы киноактеров, существующие при киностудиях «Молдавфильм» и «Грузияфильм», добиться вслед за своими коллегами в Москве создания собственных театров, где регулярно ставятся спектакли, где сложилась постоянная зрительская аудитория. Теперь они уже не «варятся в собственном соку», а с пользой заполняют паузы между съемками, привлекают внимание режиссеры, поддерживают себя на должном профессиональном уровне. Разумеется, Союз кинематографистов СССР всецело поддерживает эту инициативу. Вообще за помощью одаренной и трудолюбивой молодежи дело не станет. По постановлению ЦК КПСС на «Мосфильм» создано творческое объединение «Дебют». Теперь будет заметно облегчена проба сил молодых постановщиков. Начинающие режиссеры смогут на короткометражной ленте продемонстрировать свое творческое видение, умение руководить коллективом, работать с актерами, оператором, художником, композитором. Мы уже обсуждали на художественном совете объединения сценарии первых картин «Дебюта». Скоро начнутся съемки.

Думаю, что есть смысл поговорить здесь не только о проблемах профессионального самовоспитания, но и о самовоспитании идейном. Понятие «гражданственность художника» в нашем творчестве обретает на редкость зрывные очертания. Партийность, народность, идейность — эти впрямую связанные между собой понятия предопределяют в советском искусстве художественный и нравственный потенциал любого произведения. Марксистско-ленинское мировоззрение есть необходимейшее условие для создания на экране полноценного и достоверного образа нашего современника. Мера идейности и гражданственности сегодня, по моему мнению, вполне соответствует степени человеческой и художественной зрелости актера и режиссера. Даже играя роль совершенно отрицательного персонажа, какого-нибудь жулика или бюрократа, нужно отчетливо представлять себе, во имя чего ты становишься перед кинокамерой. А работая над характером человека, заслуживающего уважения, стремясь убедить зрителя в подлинности чувств и мыслей твоего персонажа, вдвое важнее быть искренне убежденным самому. Мне не раз приходилось трудиться над образами настоящих советских людей, очень разных по характеру, но сохожих в главном — в своей вере в Советскую власть, в своей готовности защищать ее до последней капли крови.

Среди моих героев были секретарь сельской партийной ячейки Макар Нагульнов («Поднятая целина»), председатель колхоза Захар Дерюгин («Любовь земная» и «Судьба»), строитель Алтайский Добротин («Сибирячка»), рабочий-механик Владимир Федотов («Родная кровь»), военачальник Тимофей Шаповалов («Высокое звание») — все коммунисты, люди высочайшей пробы. А недавно мне выпала честь сыграть в киноэпопее «Солдаты свободы» начальника политотдела прославленной 18-й армии генерал-майора Л. И. Брежнева. И каждая из этих ролей — велика она была по объему или нет — потребовала огромного душевного напряжения, полной мобилизации профессионального умения и человеческих сил.

«Душа обязана трудиться» — как просто и точно это сказано! Даже очень крупное природное дарование уважает без внимательного, бережного и очень многотрудного ухода за ним. Талант подобен дереву со многих точек зрения. И потому, что корни его из земли, из родной почвы. И потому, что ветви тянутся к небу, к свежему ветру и чистому дождю. И потому, что дает спасительную тень усталому путнику. И потому, что перерабатывает все, выброшенное цивилизацией в атмосферу, превращает в кислород, без которого человечество не смогло бы дышать. И потому, наконец, что вотки прутки-саженцы в сухую землю, не позабыться о нем — и он погибнет! Полей свое деревце, молодой человек, полей — и оно воздаст тебе за труды!..

И еще один совет мне хочется дать входящему в искусство: помни, что творчество — принадлежность не только твоего дела. Присмотрись к работающему человеку иной профессии, и ты почувствуешь сопереживание его трудностям и заботам. Приведу пример из собственных наблюдений.

Встреча, о которой хочу рассказать, была скромна, всего-навсего коротенький диалог. Я приехал выступать на Алтай. В одном из районных центров под Барнаулом меня познакомили с молодой, но уже прославившейся своими успехами птичницей по фамилии Ждан. Она приехала на мое выступление из дальнего села. «Как же это вы так — бросили наших кур, чтобы в кино попасть?» — спросил я ее шутя. Девушка густо покраснела и ответила: «Я здесь, а сердце мое — там». И я, признаться, поразился. Вот, думаю, небольшая ведь хитрость — за курами ходить! А она так переживала, душой болеет за свое дело! Одной этой фразы было достаточно, чтобы понять: успехи девушки не случайны, они оправданы любовью и терпением, можно сказать, выстраданы. Ясно, что птичница Ждан тоже относится к своему делу по-творчески.

Порядок кинематографистам советуют приглядеться к какому-то конкретному человеку, скажем, знатному нефтянику: мол, это поможет в создании фильма о нефтяниках. Это, разумеется, совет наивный, я не особенно верю в глубину художественных лент, сработанных по отраслевому признаку. Так что не следует понимать мои слова однозначно, я пока не собираюсь снимать картину о птичницах. Но что-то очень важное после каждой подобной встречи навсегда остается во мне, входит в мой актерский и режиссерский арсенал и может понадобиться в любую минуту.

Так, создавая новый фильм «Судьба», продолжение экранизации одноименного романа Петра Прокурина.

ЕНИЕ

ФОТО Сергея ПЕТРУХИНА

начатой лентой «Любовь земная», играя заглавную роль в фильме «Емельян Пугачев», который снимает режиссер Алексей Салтыков, обсуждали с драматургом сценарий своей будущей картины, посвященной героямским труженикам тыла периода Великой Отечественной войны, я все время опираюсь на свой жизненный опыт. И этот опыт пришел ко мне не стихийно, не только волею обстоятельств, но и в результате моих активных поисков новых впечатлений и знаний. Вот что я имею в виду, утверждая необходимость учиться у жизни.

Мы все читали и слышали от старших, что раньше искусство потрясало, что театр, литература, музыка производили на людей ошеломляющее впечатление. Сейчас такое случается редко. «Интересно... Занято... Любопытно...» — вот что можно услышать у выхода из кинотеатра. Может быть, наши чувства притупились? Нет, мне кажется. Просто люди стали сдержаннее выражать свои эмоции. Тем сложнее и ответственнее миссия искусства, тем вернее должен быть его прицел. Правда, вознесенная на гребень эмоций, — только она может оказать сильное воздействие на аудиторию. А она, повторяю, совсем не равнодушна. Я мог бы привести пример из собственной практики, рассказать, положим, о том, как на съемках «Судьбы» женщины из русских деревень выносили актерам, одетым и загримированным под партизан, бидоны с молоком, словно в те, 40-е годы; как немолодой колхозник пытался скорректировать сцену «Казнь над полицаем», объясняя, что на самом деле он его ударил не ножом, а топором и не у этого, а возле вон того дома; как дети дарили цветы снимавшимся у нас солдатам... Но это лишь для меня самого, видевшего столь искренние проявления чувств, будет служить доказательством готовности нашего зрителя всем сердцем воспринимать искусство. А потому я лучше обращусь к работам молодых кинематографистов, вышедшим на экраны в прошлом году.

Внимательнейшим образом я просмотрел весь перечень фильмов 1977 года, расположенных в алфавитном порядке, еще раз поразился, как много картин создается ежегодно советской кинематографией — около 150, — и еще раз огорчился, что далеко не все они имеют право именоваться произведениями искусства! Но все же есть работы, заслуживающие самых добрых слов, есть! И, что ценно, едва ли не каждая из них так или иначе связана с молодыми именами. Чтобы не было обид, я и буду называть эти фильмы по алфавиту (разумеется, речь идет о моих субъективных оценках).

«Весенний призыв» — это уже не первая работа молодого режиссера Павла Любимова, и не первую роль здесь сыграл юный актер Игорь Костоловский; дебютантам тут можно считать только сценариста Александра Миндадзе, который заявил о себе одновременно и еще одной лентой — «Слово для защиты». «Восхождение» — в этой новой картине талантливого режиссера Ларисы Шепитько мы впервые увидели на экране одаренных и, несомненно, профессиональных актеров Бориса Плотникова и Романа Гостиухина. Начинающий режиссер Геннадий Шумский снял нежную, лирическую, добрую картину о детях «Голубой портрет», в чем, конечно, есть заслуга молодого сценариста Александра Александрова. Серьезным и глубоким исследованием духовных качеств советских людей, проявившихся с особой силой во время войны, стал фильм Алексея Германа «Двадцать дней без войны». У меня вызвали уважение и симпатию первые крупные и заметные экранные работы актеров Лембита Ульфака — «Легенда о Тиле», Михаила Боярского — «Мама» и Евгения Глущенко — «Неоконченная пьеса для механического пианино». Боль народа, у которого отняла свободу кровавая военная хунта, передали в своей первой картине «Ночь над Чили» сопоставившие чилиец Себастьян Аларкон и русский Александр Косарев. Так же, как и я, начинавший свой путь в искусстве актером Николаем Губенко, теперь он, став уже опытным режиссером, дебютировал в качестве сценариста — его новый фильм «Подранки» автобиографичен и оттого, наверное, так искренен. Сразу три новых режиссерских имени принес нам киноальманах по произведениям Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина»: Наталья Бондарчук, Николай Бурляев и Игорь Хуциев; новеллы, снятые ими, неравнозначны, мне больше других нравится «Ванька Капи» Бурляева, где он же и сыграл главную роль. Еще один удачный режиссерский дебют актера — «Розыгрыши» Владимира Меньшова. И, наконец, уже упомянутая картина «Слово для защиты» — первая большая работа режиссера Вадима Абдрашитова и новая яркая роль Мариной Нееловой.

Боюсь, что мой обзор весьма не полон, но он и не претендует на то, чтобы объять необъятное. В ином случае надо было бы распространить его и не только на кинематограф, но и на другие, как говорится, сопредельные виды искусства, называть способных композиторов, художников и многих, многих других. Потому что молодое искусство нашей страны, несмотря на многие рифы и опасности, о которых я говорил и о которых не успел сказать, прокладывает верный курс. Не хотелось бы, чтобы этот корабль обрастил и ракушками (штампами и оригинальничаньем, модными безделушками и хитростями «от лукавого», бездумьем и заумью), но, очевидно, это неизбежно. Иначе не будет борьбы.

В заключение мне хотелось бы сказать, что я особенно верю тем молодым, кто успел отслужить в армии, побывать, предположим, в экспедиции или перенести другие серьезные испытания. Тому много причин. В искусстве невозможно без самодисциплины, а этому учит армия. В искусстве трудно без готовности к бою, а это воспитывается в армии. В искусстве плохо без чувства локтя, а это дается армией. Но, главное, нельзя в искусстве без совести, без стыда перед товарищами, без ясно понятого долга перед страной — все это приходит к людям в испытаниях духа. И в творчестве и в службе, как ни далеки на первый взгляд эти понятия, сразу видно, кто бежит впереди своей совести, не успевая не то что посоветоваться с нею, но даже оглянуться на нее. И видно, кто шагает с ней в ногу, вдумываясь в то, что он делает, как он это делает и ради чего он это делает. За такими людьми — будущее.

НЕОТЬЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, КОТОРЫЙ ПРОНИЗЫВАЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАШЕГО СОЮЗА.

Икмет БАБА-ЗАДЕ,
корреспондент АПН в Эфиопии.
Специально для «Смены».
Фото автора.

Серовато-зеленые воды озера Тана чем-то отдаленно напоминают Эни родные Чудское, Псковское, Вярскское озера и, конечно, славное Юлемисте в Таллине. Такая же спокойная в летнюю пору, Тана становится не на шутку суровой в сезон дождей, когда в любой момент готова выйти из берегов и затопить прибрежные районы. Однако на этом сходство, пожалуй, исчерпывается. В самом деле, что может быть общего между холодным северным Юлемисте и горным африканским озером, дающим начало величественному Голубому Нилю?

литеральное, по их твердому мнению, решение явно обескуражило. «Одумайся, пока не поздно, — убеждал Рейн Мутт, староста группы басов самодеятельного мужского хора Академии наук Эстонии. — Ведь у тебя талант, за годы работы в Эфиопии ты погубишь свой голос». Больше всех, пожалуй, возмутилась Урве Теллас, друг семьи. Как! Уехать, не успев написать ни строчки давно задуманной кандидатской диссертации, за тридевять земель, откуда ежедневно поступают тревожные сообщения. Ученые республики теряют в его лице коллегу, подающего великие (да, да, она так и сказала — «великие») надежды. А как быть с учебным пособием по программированию для электронно-

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РЕПОРТАЖ

В редкие вечерние минуты досуга Эни Тоом приходит к берегу озера, чтобы под скрипкой сенью джакаранд наблюдать закат солнца. В эти минуты он пытается понять, почему при виде безбрежной глади Таны в памяти невольно встает образ Юлемисте. Что роднит их?

Как-то Сахилле Эшете, мэр города Бахр-Дара, рассказал об озере легенду, которую Эни, он был совершенно в этом уверен, слышал в детстве от своего деда.

Шум прибоя не дает сосредоточиться. Волна, гулко разбившаяся о скалы, обдает его дождем мелких брызг. «Вспомнил... — Эни облегченно вздыхает, — ведь подобная легенда существует и в Эстонии». Ну, как он мог забыть о старом Юлемисте, ворчливом водяном, засевшем на дне озера (он-то и дал ему название) и поклявшемся затопить Таллин, если люди осмелиются строить дома в окрестностях его владений? Вот никогда бы не подумал, что подобный чародей может оказаться и в далекой Эфиопии. Впрочем, он еще так мало знает об этой удивительной стране, ее легендах и действительности.

Впервые его внимание привлекли к ней революционные события 1974 года, за которыми последовали прогрессивные социально-экономические и политические преобразования.

Эни понимал, как трудно молодой республике. Знал, что сотни тысяч людей умирают от тропических болезней, знал — и не только из «Клуба кинопутешествий», — что не одни жители малых селений и кочевники, но и горожане Эфиопии чаще всего не умеют ни читать, ни писать.

Знакомые и друзья, побывавшие в разных странах Африки, в своих рассказах неизменно сходились в одном: едва ли не главная проблема континента заключается в нехватке инженеров, агрономов, врачей, строителей, педагогов.

Сообщения, поступавшие из Эфиопии, вставшей на путь социалистической ориентации, будили воображение, рождали чувство солидарности с далеким народом.

И когда Эни Тоому, преподавателю математики Таллинской школы № 1, предложили длительную командировку в Эфиопию, он, посоветовавшись с женой, согласился.

Многочисленных друзей и родственников такое скоропа-

вычислительных машин, работе над которым отдано столько сил и энергии? Милая Урве, она и не подозревала, что Эни успел-таки сдать учебник в издательство. Много позже, уже будучи в Эфиопии, Эни Тоом с радостью узнал, что специальная комиссия рекомендовала его труд в качестве учебного пособия для учащихся средних школ республики с математическим уклоном. Лиши в редакциях газеты «Ныукогуде Ыпэтай» («Советский учитель») и журнала «Ныукогуде Кооль» («Советская школа») журналистская братия несклонно обрадовалась отъезду своего постоянного автора в Тропическую Африку. Без труда убедили Тоома в том, что его прямая обязанность регулярно направлять этим изданиям свои статьи и ре- портажи.

Только позднее Эни понял, как опрометчиво поступил, дав согласие.

Бахр-Дар, расположенный на южном берегу живописного озера Тана, по местным стандартам, крупный город. В стране он известен прежде всего тем, что вот уже пятнадцатый год здесь успешно работает политехнический институт — дар Советского Союза эфиопскому народу. В городе с 32-тысячным населением, как ни странно, всего одна средняя школа (вот оно, наследие прошлого!).

Во время общенациональной трудовой кампании «Земетча» — «Развитие через сотрудничество», длившейся с января 1975 по июнь 1976 года, 60 тысяч юношей и девушек из Аддис-Абебы и других городов отправились в сельскую местность. Они не только вели среди крестьян пропагандистскую работу, объясняя происходившие в стране события, суть и задачи революции, но и обучали их грамоте, строили новые клиники, фермы, школы. Благодаря стараниям баходарской молодежи в десяти близлежащих деревнях были выстроены здания школ, кооперативных магазинов, больниц, а вот о себе и о своих нуждах жители города не позабылись. Так и осталась единственная школа единственной. Объяснить этот парадокс можно, если вспомнить о той сложной внутриполитической обстановке, которая создалась в первые послереволюционные годы в Эфиопии, когда в государственном аппарате делами

заправляли замаскировавшиеся сторонники свергнутого негуса, тормозившие осуществление в стране коренных преобразований.

В эту школу и направило Энна Тоома Министерство образования Эфиопии. Долго ломал голову ее директор Яллу Малледе над тем, где бы поселить советского преподавателя. После принятия в 1975 году закона о национализации в городах доходных домов, ранее принадлежавших помещикам и аристократам, власти переселили в лучшие квартиры Бахр-Дара семьи рабочих и мелких служащих. Единственным свободным помещением оставался деревянный домик без какой-либо мебели, в котором некогда жил рабочий текстильной фабрики. В этот домик и вселилась семья Тоома. Кюлликки, жена, не унывала, только вот задача: на чем спать полуторагодовалому Андресу?

Письма с Родины... За границей любят весточки от родных, друзей — огромное счастье, это радость общения с близкими людьми. И невольно завидуешь оставшимся там, дома. Они — на Родине. Может быть, именно поэтому человек, находящийся в длительной заграницей командировке, в письмах домой стремится подробно рассказать о своем житье-бытье, делится трудностями, новостями.

«Первое мгновение на меня напало чувство одиночества», — писал Энн матери. — Казалось — одни во всем городе, чужие, никому не нужны. И вдруг — о чудо! — слышу русскую речь».

О приезде новой семьи в небольшой советской колонии Бахр-Дара знали. К встрече готовились, но так уж получилось, что, когда Тоомы прибыли в город, все советские преподаватели политехнического института находились на работе. Энн стоял в комнате растерянный, не зная, с чего начинать. «Ничего, это чепуха, главные трудности впереди», — весело произнес кто-то сзади, будто читая его мысли. Обернулся. В дверях, вернее, в проеме, стоял невысокий, плотный мужчина. Представился — Александр Синицын, доцент Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

«Если бы ты знала, Хелле (это уже в письме к сестре), какие это замечательные люди. Все мы делали сообща. Кто-то мастерил кроватку Андресу, другие возились с окнами и дверьми, сколотили шкафы, стулья. А Ваня Войтович изгонял термитов, пауков и комаров, заколачивал москитную сетку. Даже огород вспомали, посадили семена овощей».

Занятия в школе не начинались несколько недель: не было школьников. По окончании кампании «Земетчи», во время которой городская молодежь работала в сельской местности, часть юношей и девушек находилась на каникулах. Иные, особенно отпрыски богачей, просто объявили школе бойкот, мол, не хотим сидеть за одной партой с детьми рабочих. Были и такие, кто по неопытности присоединился к подпольной организации, к так называемому Эфиопскому демократическому союзу, ставящему целью реставрацию монархии и при этом не презирающему никакими средствами борьбы.

Срок обучения в эфиопских школах 12 лет. Тоома предупредили, что он будет преподавать математику с 9-го до 12-го класса. Готовясь к первому занятию, он уже мысленно набросал план первого реального, в котором расскажет о трудностях в эфиопской школе, о сложной обстановке в стране. Каково же было его удивление, когда, в первый раз войдя в 11-й класс, он увидел великовозрастных юношей и девушек, некоторых из которых было далеко за 20. Не успел Яллу Малледе, представляя нового педагога, закончить фразу о том, что Тоом из СССР, как в классе раздались аплодисменты. Оно и понятно, народы двух стран издавна объединяют традиционные узы дружбы. «Значит, дело пойдет», — с облегчением подумал Энн. Однако, как только директор вышел из класса, с места раздался голос: «Раз вы из России, значит, будете читать нам лекции о научном социализме. Математика нам не нужна. Мы хотим строить социализм». Всего ожидал Энн от учеников в первый день, любой выходки, но не такой просьбы.

Надо было начинать не с математических формул. Надо было объяснять молодым гражданам революционной страны, что и геометрия с алгеброй для них необходимые предметы, что Эфиопия остро нуждается в собственных специалистах. Например, буквально на днях вычитал Энн в местной газете, что на 30 миллионов населения здесь приходится немногим более двухсот местных врачей.

И вот Тоом начал рассказывать о незабываемых первых годах Советской власти в России. Как создавались комитеты по борьбе с неграмотностью, как не хватало врачей, инженеров, строителей и вожды мирового пролетариата В. И. Ленин призывал молодежь учиться. Пятьдесят учеников, словно завороженные, внимательно слушали преподавателя. Неожиданно тот же голос потребовал: «Вот поэтому-то вы и обязаны познакомить нас с научным социализмом, а математику мы сами выучим».

Решение пришло само по себе. Хорошо, согласился Тоом. Он будет читать им научный социализм, но с одним условием. Вниманию класса предлагается задача по геометрии из программы 10-го класса. Если большинство решит ее успешно, так и быть, просьба учеников будет удовлетворена. Расчет был точный. Ребята около двух лет не брали в руки учебников, наверняка много позабыли, а его долг — научить их математике. Для того он и приехал в Эфиопию.

Как он и предполагал, многие задачи не решили. «Не огорчайтесь, ребята, — утешал Энн. — Математика любит упорных людей. Кому будет трудно, для тех организуем дополнительные занятия. Ну, а что касается научного социализма, — тут он сделал паузу, — что же, придется подчиниться вашей просьбе. Будем заниматься, но только в свободное время».

Надо сказать, что в Эфиопии, как и во всех африканских странах, отсутствует такое понятие, как дополнительные занятия. То-то поразились местные учителя, прослушивая о намерениях Тоома. «Послушайте, коллега, разве вам за это повысят зарплату?» — не скрывая удивления, интересовался химик Эммануэль Абрах. Тот самый Абрах, который впоследствии вместе с Энном в свободное от занятий время оборудовал кабинет химии и физики, ремонтировал испорченные гальванометры и микроскопы, налаживал усилители и выпрямители. А когда к ним присоединились преподаватель физики Берхану Маскаль и ученик девятого класса Тайе Берхане, вместе часами возились над созданием школьного радиоузла.

Вечер. Спят в соседней комнате Кюлликки и Андрес. Самое время засесть за статью для газеты в Таллинне. Давно пора, прошло несколько месяцев, а ни строчки не написано. Тем более, есть что рассказать. Хотя бы о 22-летнем Гетане Джембере. Смышленый парень. Каждый вечер приводит к Энну ребят, чтобы послушать рассказы о В. И. Ленине, о Советском Союзе, поспорить о научном социализме. Кажется, давно уже изучил Энн страну, успел полюбить ее, сумел познакомиться с системой образования, а вот написать обо всем увиденном, пережитом трудно. Кто-то из писателей с юмором говорил: «Чтобы написать статью о стране, достаточно провести в ней три дня. Через три недели у вас накопится материал для книги. А через три года вы почувствуете, что ничего о стране не знаете».

Размысления прервал резкий звонок телефона. Словно в тумане рассказывал кем-то выпаленные взъерошенные слова: «Учитель, Гетане ранен».

Сдержали-таки слово сторонники реакции, не раз в анонимных письмах угрожавшие расправой активисту

«Земетчи», нештатному сотруднику Временного бюро по организации народных масс, созданного военным правительством с целью разработки программы будущей партии рабочего класса.

Раны оказались тяжелыми, но Гетане держался бодро: «Ну, что толку, если бы убили меня. На мое место пришли бы другие, настоящие революционеры...» И, отдышавшись, добавил: «Приезжайте к нам лет через десять, учитель, когда мы построим социализм, как у вас в России».

Гетане Джембере, ныне слушатель политической школы в Аддис-Абебе при Временном военном административном совете, объясняет, почему, оказавшись в критической ситуации, он попросил друга вызвать в госпиталь не родственников, а Энна Тоома, учителя математики, постороннего человека, гражданина чужой страны.

«Эфиопские школьники, по крайней мере те, кто учится в Бахр-Даре, впервые встретили на своем жизненном пути педагога, который бы все свои знания, энергию отдавал детям. Он, кажется, больше посвящает времени нам и нашему воспитанию, нежели собственной семье. Для большинства он вовсе не чужой. Чужой не стал бы так близко к сердцу принимать все, что связано с нашим образованием». К этому хотелось бы добавить, что гордые и скучные на похвалу эфиопы редко выражают вслух свои восторги, особенно если речь идет об иностранцах. Почему же для Тоома такое исключение?

Ответ на вопрос надо искать в каждодневной деятельности Энна. Труд школьного учителя сам по себе нелегок. Это общизвестная истинка. У Тоома здесь, в Эфиопии, он втройне труден, так как преподавать приходится в пяти классах, в каждом из которых по 50—60 человек. Нагрузка, что и говорить, колоссальная. К этому прибавьте до 35 часов занятий в неделю (для сравнения отметим, что норма преподавателя обычной московской школы в среднем составляет 18 часов). Тем не менее он находит время и для изучения амхарского языка, и для бесед с учащимися и преподавателями по теории марксизма-ленинизма, и для культпоходов.

О последнем, видимо, следует сказать особо, ибо в эфиопской школе пока не существует такого понятия, как экскурсии всем классом в музей, кино, организация культурного досуга.

Однажды Тоом прямо-таки ошарашил ребят из одиннадцатого класса, предложив им вместо решения задач по тригонометрии написать сочинение на тему «Что я знаю о родном kraе». Многие неплохо справились с заданием, написав об истории Бахр-Дара, о его настоящем. Однако никто ничего не знал о достопримечательностях окрестностей города, о его будущем. В тот же день Энн отправился в местную туристическую организацию, чтобы договориться о поездке на катере на полуостров Зеге, где находятся прекрасные архитектурные памятники XIV века.

Это один из штрихов его педагогической деятельности.

Другой. Последние годы в Эфиопии огромной популярностью пользуются нарядные значки с изображением В. И. Ленина. В одном из писем к сестре Хелле он попросил прислать ему такие значки бандеролью. 7 ноября, в день празднования 60-летия Великого Октября, в школе состоялся торжественный митинг. После доклада на трибуну вышел Энн Тоом и, на зависть зрителям, приколол к груди отличников учебы заветные значки с портретом Ленина.

— Мистер Тоом, — заявил как-то знакомый швед Бент Эккервал, сотрудник педагогической академии Бахр-Дара. — Я сомневаюсь в эффективности ваших методов воспитания эфиопских детей. С ними следует быть построже. Ваши методы совершенно непедагогичны...

Это было сказано в первые месяцы работы Энна в школе. Спустя полтора года тот же швед, встретив Энна на улице, искренне сказал: «Я был не прав и прошу извинить меня. Мы, на Западе, плохо осведомлены о Советском Союзе, тем более не знакомы с вашей педагогической системой. Ваш опыт работы, а о нем говорит весь город, доказывает, что советская педагогика сейчас самая передовая и гуманская в мире».

...Скоро исполнится два года, как воспитанник Ленинского комсомола молодой коммунист Энн Тоом, выполняя свой интернациональный долг, трудится в революционной Эфиопии. Два года без отпуска, так как в сентябре прошлого года у Кюлликки родился второй сын, Илмар, и врачи не рекомендовали пока поездку на Родину. В письмах родным основное место теперь отводится малышу. А из дому Рейн Мутт сообщает, что из отсутствия Энна их хор стал лауреатом Всеобщего конкурса художественной самодеятельности в Москве. Полным ходом идет строительство новых объектов Олимпиады-80, гостиниц, жилых массивов. «Старый Юлемисте делает вид, будто это его не касается, и по-прежнему не высказывает носа из воды. А как себя ведет эфиопский чародей?» — интересуется давний друг Энна.

Трудовая Эфиопия в ожесточенной борьбе с силами внешней и внутренней реакции строит новую жизнь. Только в Бахр-Даре, например, за годы правления прогрессивных военных появился дешевые жилье дома для рабочих. На самом берегу Таны воздвигнута современная гостиница. В недалеком будущем по соседству с ней по проекту советских специалистов будет заложен фундамент молочного завода. Нет, никаким силам не справиться с дрожающим порывом созидающего народа, избравшего путь социалистического строительства.

Может быть, Энн, именно об этом и расскажете вы в своем репортаже?

ЭНН ТООМ ДАЕТ УРОКИ НЕ ТОЛЬКО МАТЕМАТИКИ, НО И РАСКАЗЫВАЕТ О НАШЕЙ СТРАНЕ.

Удивительный человек этот Саша. Как появился неожиданно, так и исчез, больше ничего не сказав, а спустя полчаса привел с собой всю советскую колонию во главе с ее руководителем Виктором Шалимовым. Оказалось, еще раньше преподаватели приняли единогласное решение: в день приезда семьи Тоома в их квартире объявить субботник.

**БЫТЬ РЕЗЕРВОМ ПАРТИИ,
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЕЕ БЕЗГРАНИЧНЫМ
ДОВЕРИЕМ, ЖИТЬ И РАБОТАТЬ
ПОД ЕЕ РУКОВОДСТВОМ—
ПОЧЕТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ И ВЕЛИКАЯ
ЧЕСТЬ ДЛЯ КОМСОМОЛА СТРАНЫ.**

«РЕКОМЕНДУЕМ...»

Георгий БАЖЕНОВ.
Фото Юрия УСТИНОВА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

Напряжение и скованность на конец оставили Аню, ей задавали какие-то очень непринужденные, человеческие вопросы, и душа ее отклинулась благодарностью и признательностью ребятам, которые решали сейчас ее судьбу. Теперь уже она чувствовала не только переполнявшее все ее существо волнение, но и радость, настоящее счастье оттого, что стоит в эти минуты здесь, перед членами бюро заводского комитета комсомола, которые не просто утверждают ей комсомольскую рекомендацию, а сердечно, от всей души напутствуют ее в ряды партии... Впрочем, до вступления в партию Анне Овидий еще целый год предстоит выдерживать испытательный

РЕКОД

СЛОЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО, НА КОТОРОМ ТРУДИТСЯ АННА ОВДИЙ, ТРЕБУЕТ ШИРОКОГО КРУГОЗОРА И БОЛЬШИХ ЗНАНИЙ. ЗАНЯТИЯ В ИНСТИТУТЕ, В ЗАВОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПОМОГАЮТ АНЕ ПОВЫШАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО, КОТОРЫМ ОНА, КАК НАСТАВНИЦА, С УДОВОЛЬСТВИЕМ ДЕЛИТСЯ С МОЛОДЫМИ РАБОТНИЦАМИ.

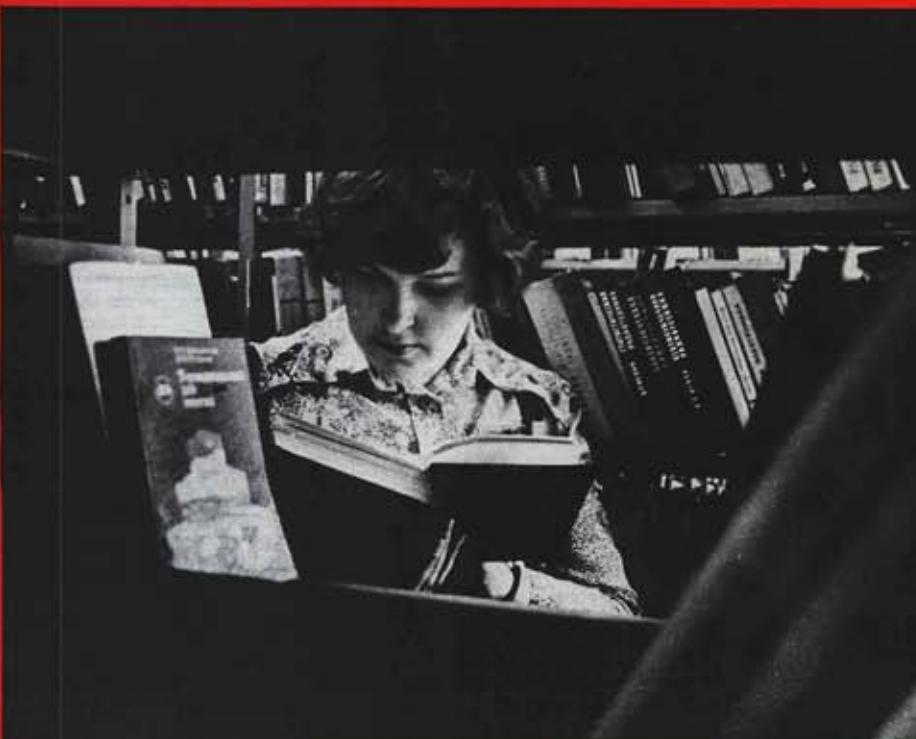
срок кандидата в члены КПСС, и все-таки сегодняшний день особый. Потому что сегодня комсомол дает путевку в партию еще одной активистке, лучшей из лучших на Киевском радиозаводе, кавалеру ордена «Знак Почета», делегату XVIII съезда ВЛКСМ—Анне Овдии.

Конечно, все члены бюро давно знакомы с биографией Анны, но как отличается скромное слово официального документа от живого рассказа тех, кто ее знает по комсомольской работе, с кем она бок о бок работает в цехе, кто давал ей рекомендацию в партию. Заседание бюро шло своим чередом, и каждый из присутствующих видел перед собой не просто смущенную до пунцовости молодую девушку, а прежде всего человека, на которого может равняться комсомолия завода, человека, который на равных шагает в завтра вместе с самыми передовыми рабочими страны...

Как она пришла на завод? Можно сказать, случайно. До десятого класса Аня прожила в небольшом селе Браница, Черниговской области, куда даже из районного центра не ходил пассажирский транспорт, так что главным ощущением жизни для нее были необъятные просторы полей и пашен и бесконечные проселочные дороги, узкие, домашние, но так неудержимо манящие куда-то вдаль... Она никогда не сомневалась, что останется работать в родном селе вместе с матерью и отцом, вместе со старшим братом, как вдруг однажды из Киева приехала в отпуск Шура Острянко, окончившая сельскую десятилетку годом раньше Ани. Она взахлеб рассказывала подругам о радиозаводе, где она работала монтажницей, с неподдельной гордостьюсыпала называниями инструментов и материалов, с которыми ей приходилось обращаться: паяльник, обжигалка, канифоль, олово, кусочки, плоскогубцы... Аня слушала Шуру Острянко и отчетливо, почти с тоской понимала, что вот ей никогда в жизни не придется работать с такими инструментами, хотя в самом их перечислении было что-то непонятно влекущее, заманчивое и даже загадочное. Конечно, все эти ее ощущения были очень наивными, детскими, но зато совсем недетским оказалось неожиданное решение Ани тоже ехать в Киев и во что бы то ни стало поступить на радиозавод. Тогда она подумала так: раз мне кажется

что я не смогу там работать, я возьму и нарочно устроюсь на радиозавод, чтобы доказать самой себе, что я не тряпка и не трусила... Вот так она оказалась в Киеве, на радиозаводе, ученицей монтажницы. Три месяца посвящала ее в монтажное искусство Нина Григорьевна Шут (низкий поклон ей за добрую науку!), а дальше Аня пустилась в собственное плавание. И вот тут ее зашторило: то запутается в техпроцессе, то вернут работу из ОТК. Работала и ревмя ревела:

слезы капают на паяльник и сшипением испаряются. Кто ее поддержал в те минуты? Все та же Нина Григорьевна да еще мастер Донец Николай Илларионович. «Погоди, еще будешь ходить в передовиках...» — не раз говорил он. Но тут случилось совсем для нее страшное: почти одновременно вернули три ее работы — из лаборатории, из ОТК и из другого цеха по рекламации. Так она затосковала, что собралась в один час и уехала в родное село. Мать ее пожалела, поняла,

МЕНДАЦИЯ

смена 25

приголубила, а приголубив, на другой же день собрала в дорогу: «Вот что, доченька, выбрали себе дорогу по душе, иди по ней до конца. Станешь мастером своего дела — уходи куда вздумается. А с полпути в нашем роду еще никто не возвращался...» И с этими словами Ульяна Ивановна отправила свою дочь в Киев. (Через пять лет, когда Аню наградят орденом «Знак Почета», ой как вспомнится им обеим трудная ночь их разговоров, вспомнится и отзовется непрошенной слезой взаимной радости...)

Именно тогда и узнал Аню Вячеслав Ковтун, давший ей ныне одну из партийных рекомендаций. 1971 год был для Анны Овдий годом испытания на прочность, и она выдержала это испытание, стала первоклассной монтажницей, а с 1973 года по нынешний день является неизменной победительницей социалистического соревнования в цехе. Вячеслав Ковтун не случайно дал Анне Овдий рекомендацию в партию: являясь заместителем секретаря партбюро цеха, он не только заботится об увеличении рядов цеховой партийной организации, но считает своей прямой обязанностью пополнять их за счет молодых рабочих — комсомольцев, комсомольцев-активистов в первую очередь. До 1975 года он сам работал простым слесарем-сборщиком на соседнем с Аней участке, сталкиваясь с ней по работе чуть не каждый день, и теперь твердо убежден: нет более добросовестного и трудолюбивого человека, чем Анна Овдий. Но ведь разные бывают рабочие даже среди тех, кто умеет трудиться горячо и самозабвенно. Иным совсем нет никакого дела до общественной самоотдачи. Не такова Анна. Вячеслав Ковтун сталкивался с ней и в совместной комсомольской работе на участке, и в работе штаба «Комсомольского проектора» цеха, и во время предвыборных избирательных кампаний и всякий раз видел, что любое дело горело в Аниных руках...

Заседание бюро заводского комитета комсомола продолжалось... Из-за стола поднялся секретарь комитета Николай Сторожук:

— Хотелось бы, чтобы свое слово сегодня сказал и Валерий Козак, так же, как и Вячеслав Ковтун, давший Ане Овдий партийную рекомендацию.

— Я, как секретарь комсомольского бюро цеха, в котором работает Анна, — сказал Валерий, — знаю ее прежде всего как самого совестливого и исполнительного члена нашего бюро. Она отвечает за работу с молодыми рабочими, а это один из наиболее трудных участков комсомольской деятельности. Думаю, Ане в работе помогают особое личное обаяние и природная мягкость, душевность, которые так необходимы в общении с людьми. Вспоминаю случай, когда к ней, а не к кому-то другому со слезами на глазах подошла Надя Старун и попросила помочь: ей хотелось и учиться хорошо и работать отлично, но ничего не получалось. Анна взяла ее под свою опеку, стала наставником Нади, и вскоре дела у Старун пошли превосходно. Или еще случай — с Сашей Семеновым, который не принимал участия в комсомольской жизни. Анна Овдий сумела найти какие-то очень простые и убедительные слова для Саши, доказала ему, что в наше время жить вне комсомольских дел и забот — дезертирство, и вскоре парень стал настоящим активистом. Зная, как много внимания себе требуют трудные подростки, Анна поддерживает связь с их наставниками, умудренными опытом и знаниями старыми, кадровыми рабочими. Особенно она дружна с Гладких Максимом Федоровичем, председателем Совета наставников, с которым они заботятся о молодых рабочих, учащихся вечерних школ.

Валерий Козак рассказывал членам бюро об Ане Овдий, а она от смущения все ниже опускала голову и краснела: нелегко бывает за один раз выдержать столько похвал.

В самом деле, когда Аню успевает выполнить столько различных поручений? Только за последнее время она обучила монтажному делу восемьмерных учениц, которые успешно сдали экзамены для получения разряда. Она и наставник, и агитатор, и профгрупп, и член комсомольского бюро, и передовик производства. Это она первой выступила с почином «Пятилетку — к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина», и она же всегда первая участница «Клуба молодых хозяйств» и «Клуба любителей музыки». А самое главное — она ведь по вечерам учится на втором курсе

Киевского радиомеханического техникума. И оказалась она в техникуме не случайно, очень уж ей хочется выучиться на регулировщика аппаратуры, потому что работа эта творческая, тонкая, требующая больших знаний и филигранного мастерства.

— Аня, как же тебе удается сочетать учебу с большой производственной и общественной работой? Поделись с нами своим секретом... — Анатолий Воронко, заместитель секретаря заводского комитета, смотрит на Аню с доброй улыбкой.

— Как?.. Не знаю даже. Просто очень хочется успеть сделать в жизни как можно больше.

— Ну, а вот ты поедешь в Москву делегатом XVIII съезда комсомола... Волнуешься, наверно?

— Волнуюсь, конечно! Ответственность большая. Но я думаю так: расскажу делегатам о том, как мы работаем здесь, и это будет главная моя задача. Постараюсь не подвести родной завод, нашу комсомольскую организацию...

Много еще разных вопросов, касающихся текущих комсомольских и производственных дел, задали члены бюро комсомолке Овдий. Потом обстоятельно и подробно выяснили, как она знает историю КПСС, другие общественные и философские науки, спросили о положении молодежи в странах социализма и на Западе. И на каждый вопрос Анна Овдий находила четкий, но не ординарный ответ — по всему чувствовалось, человек она думающий и эрудированный. Члены бюро комитета отметили эту черту Ани с особым удовлетворением...

Подводя итоги заседания бюро заводского комитета комсомола, его секретарь Николай Сторожук сказал:

— Мы все хорошо помним, как на XXV съезде КПСС Леонид Ильин Брежнев особо подчеркивал, что «подавляющее большинство нового пополнения партии, или более двух третей, — это комсомольцы». На примере молодежи нашего завода, через судьбу таких комсомольцев, как Аня Овдий и десятки других, которым мы уже дали рекомендацию в партию, ясно видно, что молодое поколение глубоко предано идеалам коммунизма. И я убежден, что мы вправе гордиться этими комсомольцами, потому что они уже сегодня являются высокодейными, активными борцами, правофланговыми среди строителей коммунизма.

— На нашем заводе, — продолжал Николай, — для повышения идеального уровня кандидатов в члены партии имеется «Школа молодого коммуниста», занятия которой в течение года посещает каждый кандидат. Должен сказать, что сегодня мы даем рекомендацию в партию одному из самых достойных членов нашей комсомольской организации, прекрасному производственнику и активному общественному. Ко всему сказанному об Анне Овдий мне хочется добавить, что орден «Знак Почета» она получила по непосредственному ходатайству комсомольской организации цеха перед руководством завода, и этот орден, как и высокая честь представлять комсомол Украины на XVIII съезде ВЛКСМ, еще более обязывает Анну Овдий к делам замечательным и значительным. А сейчас я выношу на голосование следующее предложение: кто за то, чтобы утвердить комсомольскую рекомендацию Анне Ивановне Овдий для вступления в кандидаты в члены КПСС, прошу поднять руку? Кто против? Кто воздержался? Предложение принято единогласно... Ну что ж, Аня, мы все поздравляем тебя с этим радостным событием и желаем тебе счастливого прохождения кандидатского стажа!

Николай Сторожук протянул Ане руку, но не удержался, забыл об официальности момента и крепко, от сердца обнял Анну. К Ане потянулись для поздравлений другие члены комсомольского бюро, а она, растряя и радостно отвечая на поздравления и рукопожатия, скороговоркой повторяла: «Спасибо... большое спасибо... обязуюсь все выполнять... я сдержу слово...» И вдруг, не выдержав, почувствовала, как задрожали ее губы. Аня хотела еще что-то сказать, но не смогла, не успела... Так она и стояла перед членами бюро — счастливая, улыбающаяся, плачущая...

Этот час, этот день для нее были равны, наверно, всей ее жизни, которую она прошла от самого своего рождения до сегодняшнего счастливого мгновения.

Эстафета поколений — в надежных руках.

Восемнадцатый съезд ВЛКСМ — это поверка на марше.

Это деловой, рабочий праздник комсомола.

Тридцатишестимиллионная армия членов нашего боевого Ленинского союза начинает новый этап своей славной биографии.

В авангарде этой полной энтузиазма и революционного порыва армии более двух миллионов победителей соревнования юбилейного года — молодые гвардейцы пятилетки.

отличники учебы и воинской службы,

деятели науки и техники,

литературы и искусства,

правофланговые,

которые заслужили

высокое право подписать

Рапорт Ленинского комсомола

Центральному Комитету КПСС о жизни и свершениях советской молодежи

в честь 60-летия Великого Октября.

Эстафета поколений — в надежных руках.

Молодые ленинцы, внуки

ударников первых пятилеток, дети героев штурма Берлина

и первых, самых трудных лет освоения целины

с гордостью встают

в одну шеренгу с отцами,

бережно хранят и приумножают бесценные завоевания старших —

идеальность,

коммунистическую убежденность,

высокую нравственность,

интернационализм,

беззаветную преданность

идеалам Ленинской партии.

Партия доверяет комсомолу важнейшие участки народного хозяйства.

Комсомольцы-добровольцы по-прежнему,

как и в двадцатые,

как и в сороковые,

как и в шестидесятые годы, —

там, где труднее всего.

Там, где ведется великая битва за Будущее — на трассе

Байкало-Амурской магистрали,

на таежных просторах

Западной Сибири,

на космодроме

и в научных лабораториях,

в цехах заводов

и на полях Нечерноземья...

Эстафета поколений продолжается.

Конкурс
одного
стихотворения

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Михаил ШАНБАТУЕВ,
слесарь-сборщик,
Челябинск

В Шушенском

Я представил:
Жуть ночи таежной,
Свет окошка
Кинжалом во тьму.
До рассвета
В раздумье тревожном
Ходит Ленин.
Не спится ему.
Там, в снегах,
От Оби и до Лены
Сосны—
Хмурые дети тайги—
Возываются,
Словно антенны,
Чутко слушают
Эти шаги.
...Зря метели
Следы заносили,
И мороз
Свои иглы точил—
Ленин видел
Иную Россию
Сквозь замерзшие окна
В ночи.

Николай КОЛМОГОРОВ,
рабочий,
Кемерово

Я жил у рекостава, там, где люди
готовились к железным холодам.
Они топили печи, и в округе
поленицы скрипели по утрам.
В такую вот непасковую пору
на вырубках алтайского села
нештатному бродяге-древоколу,
мне снова жизнь урок преподала.
Морозный бор вставал за огородом,
и мерзлые удары топора,
обрушиваясь, ухали под сводом,
и падали тяжелые дрова.
Я здоровел, я накрепко запомнил,
что лучшее лекарство—это труд.
И кислородом легкие наполнил,
передыхая несколько минут.
Когда-нибудь, когда рождаются дети,
я покажу им светлые места:
сияющие горы, пихты эти,
мой кособокий домик у моста...
Ведь это здесь подумал я впервые
о сущности поэта на земле,
где отшумели кроны вековые
и замерли отчетливо к зиме.

Александр ТРОФИМОВ,
специальщик,
Москва

Я уставал от грохота металла.
Отбойный молоток дробил кирпич,
И пыль въедаться в кожу стала.
Все трудности пришлось постичь.
И воздух без кирпичной пыли
Меня те дни ценили учили.
Вникал я в труд'не словом—делом,
Где руки сильные нужны.
Сначала так ломило тело,
Что перестали сниться сны.
А после раз по десять на ночь
Мне снился наш прораб Ананич.
Меня будильники будили,
И мать склонялась надо мной:
«Ну, Саша, просыпайся или
Не отоспался в выходной?»
Мне было трудно—что хитрить?—
Но я не мог иначе жить.

Ирина ВАСИЛЕНКО,
инженер,
Новокубанск

Мелькнут, как скорый, юноши года,
Девчонки станут чуточку взрослев,
Вдоль трассы БАМа встанут города,
Что в сотни раз окажутся милее.

В далекие тридцатые годы
Мать воздвигла город на Амуре.
А мне судьбою стала Кулунда,
Встречавшая песчаной черной бурей.

Мы позростили, сорок как-никак,
Страна растет, мужает вместе с нами.
Я достаю походный свой рюкзак—
Еще послужит дочке он на БАМе.

Виктория НОВИКОВА,
инженер-реставратор,
Москва

На тачанках годы укатили.
О, как ветры бились в кумачах!
Будут вечны песни, что сложили
О веселых первых трубачах.
...Я прислушаюсь—и вдруг
 услышу где-то
Звон трубы, зовущий в бой меня.
С красными стрелками мчится это
На тачанке молодость моя.

Алексей САЛГАНСКИЙ,
доктор биологических наук,
Киев

Перепела

Уходит день, крадется ночь:
Мне спать пора, мне спать пора.
Приходит ночь, проходит ночь,
Спать не дают перепела.

Они не спорят с соловьем:
Им спать пора, им спать пора,
Но это песней мы зовем
И спать не можем до утра.

Их «спать пора» звенит в росе,
В дали разбуженных полей,
На сопках и речной косе
Страстнее, ярче, веселей.

Мне вспоминается весна...
И вот не спится до утра,
И не приходит тишина,
А спать пора, мне спать пора.

Иван КРЮЧКОВ,
электрик,
Рыбинск

Береза

Это было цветущей весной.
(След войны остается поныне.)
На зеленой опушке лесной
подорвалась береза на мине.

Смерть спала много лет под землей,
в позабытом военном квадрате.
Вдруг березка весенней порой
корневищем нажала взрыватель.

На войне так бывало не раз—
люди гибли, друг друга спасая.
Вот и эта березка сейчас
жизнь кому-то спасла, погибая.

Анатолий ИВАНОВ,
 машинист передвижной
электростанции,
БАМ

Станция Солони

К нам писать можно часто,
Можно даже звонить:
БАМ, восточный участок,
Станция Солони.

Ты такой не слыхала?
Далеко? Отстаешь...
Здесь давно прозвучало
Трудовое «Даешь!»

Машинист тепловоза,
Осторожней гони.
Тут ущелья, утесы—
Впереди Солони!

Живописный и строгий
Путь ведет в Солони.
И звучат над дорогой
Песни южной земли.

В гуле строящих звуков,
В напряженном труде
Песни жаркого юга
Не остынут в тайге.

Люди нового счастья
Обживаются гранит...
БАМ, таджикский участок,
Станция Солони.

Эдуард КАРПУХИН,
журналист,
Обнинск

За город катится заря,
автобус в город возвращается.—
все очень просто, и не зря
Земля вокруг оси вращается...

Вращайся, милая, кати!
Ведь так и есть,—все очень просто:
вот и автобус пуст, опростан,
и нам с тобою по пути...

Гремит автобус. И не имеет
к стеклу прильнувшая щека,
и от шофера тихо веет
задумчивостью ямчики.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Раиса ИПАТОВА,
инженер,
Смоленск

Ток

Зарывшись в теплое зерно
(Какая благодать!),
Я сплю, как будто мне дано
Всю ночь сегодня спать.

Я сплю и вижу мокрый сад
И мой родимый дом.
А сортировки таращят
В стремлении одном.

Я сплю. Девчонки не зовут:
Им жалко сон прервать.
Я сплю всего лишь пять минут,
Но мне пора вставать.

Я говорю себе: «Вставай!»
И, бодрая, встаю.
И неба черный каравай
Рукою достаю.

Вадим ФАДИН,
самолетостроитель,
Москва

Облетала листва от сигнальной пальбы,
этот день был отмечен везеньем кому-то:
с самолета бросали подарки судьбы,
от дождя укрывая зонтом парашюта.

Мы, наивные, вслед за почтовым мешком
ожидали гостей, каждый думал: «Ко мне бы...»—
если к нам и за год не добраться пешком,
почему бы не свалиться на голову с неба?

От прощальной пальбы облетела листва,
раздирали контейнер спешащие руки,
и не в силах была удержать голова
содержанья всех писем за время разлуки.

Чай-то старый запас был мгновенно распит,
и начальник просил в поздравительной речи
начиная с утра не расходовать спирт
и патроны беречь для нечаянной встречи.

В начале этого года редакция журнала «Смена» объявила конкурс одного стихотворения — «Пою мое Отечество», посвященный 60-летию ВЛКСМ. Мы еще раз обращаемся ко всем пишущим стихи (не членам Союза писателей) с предложением принять участие в этом конкурсе.

Пишите обо всем, что живо волнует вас: о комсомольцах разных поколений, винавших своими боевыми и трудовыми подвигами славные традиции и летопись Ленинского комсомола; о ваших трудовых успехах и дерзаниях; о романтике повседневного поиска, который открывает перед вами все новые и новые творческие горизонты; о замечательных людях, которые вас окружают; о красоте родной земли.

Любовь НИКОНОВА,
преподаватель,
Новокузнецк

Не бойтесь быть к цветам нежнее.
Когда-нибудь, когда-нибудь
Они вас тоже пожалеют,
Счастливей сделают ваш путь.

Юрий ЕГУНОВ,
военнослужащий,
г. Горький

Весна

На огневой подтаял снег,
Бьет в яблочко капель.
И минится нам, что свой разбег
У нас берет апрель.

Весны почувствовав накал,
Трубит рогач-оленя.
Вьются птицы гнезда среди скал,
Едва наступит день.

Спешит расладками весна,
Как на посты наряд.
И батарейный старшина
Веснушкам нашим рад.

За той, за будущей аллейкой,
Где нужен вам любви глоток,—
Как маленький садовник с лейкой,
Стонет заботливый цветок.

Владик НЕРСЕСЯНЦ,
доктор юридических наук,
Москва

Мы все—мгновенья вечности,
Мы все—ее гонцы,
Мы ищем человечности
Начала и концы.

Нам только раз отпущены
Рождение и смерть,
Мы в этот мир запущены,
Чтоб научиться сметь.

Под нами лошадь быстрая—
Бродячая звезда,
Нас космос манит искрами
Домашнего гнезда.

Лиля ЛИЛИНА,
журналист,
Ташкент

Легкие пушинки,
Нежные цветы,
В небо улыбаются
Белые холмы.
Чуть устали плечи,
Это не беда,
У станка девчонка,
Карие глаза.
Хитрые сплетения
Основы и утка,
Вьется серебрянкой
Нитка-паутинка,
Хлопковая пылинка,
Взметнулась голубинкой
Девичья рука.
Узелочки вяжутся
С раннего утра,
Стелется, стелется
Дорожка полотна...
Ситцы-самоцветы,
Бархат и парча,
Как же ты богата,
Родина моя!

Игорь БЕЛОЗЕРОВ,
учитель,
Московская обл.

На Родине

И, путешествуя вдали,
Возьму за правило простое—
Лечиться запахом земли,
Здоровым травяным настоем.

Пчелу сердиться отчути,
Пугну, как в детстве, зайца свистом.

И взгляд цветка перехвачу
Таким же искренним и чистым.

И, с поля в рощу забежав,
Березке поцелую руку...
Накрою кепко ежа
И принесу в подарок внуку.

Валерий ШЕВЧЕНКО,
строитель,
г. Дмитров

Новый микрорайон

Здесь утром стоит туман,
Чтоб кто-то кого-то звал...
Прибиты к земле дома
Гвоздями бетонных свай.

Подъехал панелевоз,
Начался рабочий день,
Как крыльшки у стрекоз,
Блестят облицовка стен.

Вновь гулко копры стучат,—
Так строится город наш,
И, может быть, вот сейчас
Возводят для вас этаж.

Рисунки Владимира ДЕЛЬБЫ

Пусть жизнь нашего народа, нашей молодежи, кипучая, многогранная, наполненная геройской трудовых свершений, послужит той основой, на которой возникнут ваши стихи.

В письмах с пометкой «На конкурс одного стихотворения» должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, возраст, профессия, домашний адрес. Напоминаем, что приносить вы должны только одно стихотворение.

Лучшие стихи мы опубликуют на страницах журнала. Победители конкурса, итоги которого жюри подведет в конце 1978 года, будут награждены почетными дипломами и премией журнала «Смена».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ГРЯДУЩИЙ!

ПОВЕСТЬ

Братья ВАЙНЕРЫ

25. Станислав Тихонов

Ближе к полуночи стихает несколько суеты, реже становится пулеметный перезвон телефонов. Мы с Ритой подсели к Севергину за «командирский» столик — попить чайку. На карте-плане Москвы около кружка с цифрой «37» непрерывно мигает оранжевая лампочка.

— Что там, Григорий Иваныч?

— Грабеж. У буфетчицы на улице сумку рванули... Севергин нажимает тумблер. — Тридцать седьмое! Севергин... Что там у вас с грабежом? Почему не докладываете?

Из динамика доносится голос дежурного:

— Разбираемся, товарищ подполковник... Группа работает. Как будет что — сразу сообщу...

— Ты подскажи им: пусть с потерпевшей вокруг по кафе-ресторанам поездят... — советует Севергин. — Отбой...

Рита показала мне на лампочку:

— А почему она мигает?

— Нераскрытое или длящееся преступление... Для контроля.

Рита задумчиво оглядела светящуюся карту:

— Какой город огромный... Сколько же в нем всякого происходит?...

— Около девяти миллионов жителей — это тебе не шуточка. Средняя европейская страна...

Рита покачала головой:

— Слава богу, хоть мне работы не было — по-моей специальности...

— Тыфу-тыфу-тыфу! Не слазь. — Я суеверно постучал пальцами по столешнице. — Вечер, как говорится, еще не кончился...

А Микито не спеша рассказывает Скуратову:

— Нет, что ни говори — четверо детей, хоть и хлопотно, а так здорово! У меня жена на двенадцать лет моложе. Я ведь второй раз женат...

— А чего с первой разошелся?

— Да как тебе сказать — хорошая она была, только взбалмошная. Я, так сказать, отчаялся построить с ней семейный уют. Мы с ней в школе рабочей молодежи учились... Года полтора прожили, она мне говорит: «Я решила ехать в Фергану, там климат мягкий». Я говорю: «А со мной не хочешь посоветоваться?». «Не хочу», — говорит. «Тогда счастливого пути!» Прислала недавно фотографию — с двумя симпатичными узбечками...

Задираха разбирал за столиком какой-то утильный карбюратор, сердито хмурился, сквозь зубы напевал:

...Ах, где твой черный пистолет?

На Большой Каретной!

Где твои семнадцать лет?

На Большой Каретной...

В МУРе жизнь моя прошла —

На Большой Каретной...

Дубровский, скаля свои ослепительные зубы, мотал черным чубом, рассказывал телефонистке Наде со справочной службы «02»:

— Мне в сорок первом четыре года было. Жили в Смоленске. Как сейчас помню, стоял я в сквере, около часовни Божьей матери Одигитрии, подъехал белый автобус с красным крестом, вылез немец с жандармской бляхой на груди, взял меня за руку — и в машину, а там уже полно цыганят и еврейских детей, они их, как бродячих кошек, по городу отлавливали. Говорят: «Гут, гут», — и дверь за мной захлопнула. И какой я ни был кроха, впервые почувствовал: смерть пришла...

— И что?

— Соседка Любовь Евдокимовна увидела. Пять километров бежала по городу за машиной, кричала пронзительно, умоляла жандарма — отдал меня. А всех остальных убили. Мне иногда снятся

они — молчат, держат друг друга за руки, и глаза их блестят в темноте. Я за них за всех живу...

Халецкий, поправляя пальцами дужку очков, говорил Одинцову:

— Нет, Юра, леса здесь выросли относительно недавно. Когда-то на месте Москвы — в кембрийские времена — было море. А всего пятнадцать тысяч лет назад эти земли были покрыты километровой толщей льда...

— Эт-то ж надо! — прислушался к их разговору Задираха. — Лед выше Останкинской башни? Полный сикамбриоз!..

Микито переспрашивал по телефону:

— Кто! Жена — мужа?.. Чем?.. Сковородой по голове?.. Ну и ну!.. Вы их там уймите... Отбой...

И сразу же голос из динамика:

— Товарищ подполковник, пачку ковров на Кольцевой автомагистрали подобрали!

— Каких еще ковров? — удивился Севергин.

— Люберецких... С машины, видать, обронили...

А Дубровский кому-то «кладывает в мозг»:

— Что же вы людей по телефонам футболите? Нехорошо, товарищ Гридинев!.. Теперь вам не доверяют, считайте...

У Риты усталое, осунувшееся лицо, под глазами будто синей акварелью мазнули. Рубиново сочатся цифры на часовом табло — 23.59. Неслышино истекает еще один день. Через минуту Севергин перелистывает страничку календаря, на которой напечатано: — 318 — +48. До конца года осталось сорок восемь дней. А те — триста восемнадцать — уже минус. В бездну времени. Чудовищное времясочетание...

Рита, ты помнишь, наши часы лежали на тумбочке рядом с кроватью. И твои всегда на несколько минут спешили. Ты считала это символом, ты почему-то придавала этому серьезное значение. А теперь все это — минус времени. Все стерло времявычитание.

Земля, грустный шарик, голубая карусель, маленький цветной колобок, куда катишься?

И четыре ноля, красных, разъяренных, бесмысленных, выскочили на табло, как звери из клеток.

Полночь — время расставаний, отчаяния, неисполненных обещаний, усталости.

И... новых надежд.

00.00 — безвременье, секунда пустоты.

В радиодинамике пискнуло: пи-и, пи-и, пи-и, пи-и, пи-и! Это жалобно пищало время, которое склевала, проглотила пустота. И свежий голос Кати подтвердил:

— Сейчас ноль часов... Губернатор штата Алабама расист Уоллес...

Эх, Катя, ты мне наверняка не поверишь: ноль часов нет! Есть только то, что нам осталось, и минус время — в нашем сердце, в нашей памяти, в нашей судьбе, нами выбранной или так уж получившейся...

И первый звонок в начавшихся сутках.

— Дежурный по городу Микито слушает...

Из динамика рвется взволнованный юношеский басок:

— Товарищ дежурный, соседку у нас застрелили... Только что...

— Адрес? Кто сообщает? — быстро спросил Микито, а Севергин уже поднялся к селектору.

— Благовещенский, одиннадцать дробь семь, квартира сорок два! — прокричал человек. — Моя фамилия Селиванов!

— Как было дело? — спросил Микито, а Севергин уже скомандовал: «Опергруппа, на выезд! Убийство... Опергруппа, на выезд!» Мы встаем, Рита начинает натягивать плащ.

— Да так... — далеко рвется голос Селиванова. — В дверь позвонили, Тамара открыла. Выстрел — и все... Я в своей комнате был, не видел, только на звук выскоичил... а она лежит...

— «Скорую» вызвали?

— Да, сразу же...

— Сейчас будет опергруппа... — сказал Микито. — Ничего на месте не трогайте и другим не давайте...

— Спасибо...

Большой старый дом в Благовещенском переулке — лифта нет, почему-то не горит свет в подъезде. Задираха фонариком освещал номер квартир. Впереди, с Юнгаром на поводке, Юра Одинцов. За ними, торопливо отмеривая по нескольку ступеней сразу, бежали где-то под нами, далеко Рита, Халецкий, Скуратов.

На пятом этаже, навстречу Одинцову, открылась дверь сорок второй квартиры, вышли оттуда врачи и фельдшер «Скорой», оба в форменных шинелях, из-под которых видны белые халаты. В дверях маячит пожилой лысый мужчина в полосатой пижаме.

— Безобразие! — орал долговязый фельдшер. — За это, знаете, что полагается? Где-то, может, человек помирает, а вы...

Лысый мужчина что-то хотел ответить фельдшеру, но заметил Одинцова с Юнгаром.

— Еще! — только и выдохнул он.

— Где? — с разбегу крикнул Одинцов.

— Милиция? — осведомился фельдшер, хотя это уже и так ясно. — Прелестно... Ну-ка, пошли... Он пригласил всех широким жестом в квартиру. — Что у вас?

Я-то уже начал осознавать ситуацию, а Одинцов ошарашенно выдавил из себя:

— Вы милицию вызывали?

Фельдшер саркастически хмыкнул:

— И «Скорую» тоже... Ложный вызов. Ничего не случилось.

— Кто вызывал? — спросил я для порядка.

Хозяин квартиры широко развел руки:

— П-понятия н-не имею... Хулиганство к-какое...

— Кто еще здесь проживает? — поинтересовался я.

— М-моя с-семья... б-больше н-никого... — растерянно лепетал хозяин и большим носовым платком отирали вспотевшую лысину. Он был в рубашке, в галстуке с растянутым узлом и черных сатиновых нарукавниках.

— Ясно... ясно... — неуверенно промямлил Одинцов.

— Ничего вам не ясно! — взорвался фельдшер. — Сколько нам такие вот голову морочат! Теперь вы покрутитесь! — И красноречивым жестом указал врачу, полной пожилой женщине, на выход.

— Покрутимся... покрутимся... — повторил я заnim маневрически и вдруг ощутил в себе злобную решимость довести дело до конца. — Слушайте, доктор! — крикнул я в вослед фельдшеру. — Скомандуйте на подстанции сохранить магнитофонную запись вызова! Мы его...

Но закончить обещание мне не удалось. Раздался громовой гогот на лестнице: в проем двери ввалились два пожарных, в касках, с рацией, противодымных очках, и все присутствующие, кроме лысого мужчины и меня, невольно стали улыбаться. На лицах пожарных в первый момент тоже плывало недоумение, потом один из них, пожилой, поопытней, хмуро сказал:

— Ложный... — и устало махнул рукой.

А лицо второго пожарного — юного, еще безусого — выражало такое безмерное удивление, что даже мне стало смешно.

И тогда лысый мужчина, глядя мне прямо в глаза, спросил тихо:

— Вы смеетесь?.. Вам это кажется смешным?..

— Да! Да! Мне это кажется очень смешным! — крикнул я и, повернувшись к остальным, скомандовал: — Все! Друзья, представление окончено! Все по своим делам!..

Хозяин, суетливо потирая руки, которые от нарукавников казались неестественно толстыми и короткими, спросил:

— Пройдите в комнату?

За столом сидели заплаканная женщина и смазливая черненькая девица.

— Расскажите, пожалуйста, что вы об этом думаете... — предложил я хозяину. — Кстати, как ваша фамилия?

— Селиванов... Евгений Иванович... — растерянно сказал хозяин. — А это жена моя... Мария Федоровна... и дочь... Вера...

Он очень волновался, ерзal, сильно потел, он двоился, четверялся, множился у меня в глазах, как плохо отфокусированное изображение в телевизоре. При этом он буквально истекал крупными каплями пота, и я боялся, как бы он совсем не истаял, превратившись в призрак, от которого останутся на столе лишь черные сатиновые нарукавники.

Он мне почему-то был очень симпатичен из-за этих нарукавников — их ведь никто теперь и не носит, совсем затюкали, засмеяли, зашутили их.

Они вроде и не нужны никому: все живут хорошо, раковин не жалко.

А ему нужны — в углу стоял освещенный перевернутой настольной лампой чертежный станок, кульман, с недоконченным листом. Бутылочка с тушью открыта, сохнет чернота в рейсфедере. Это в первом часу ночи-то.

Взрослая дочь, много расходов. Сапоги замшевые — нужны, значит, пока наручники...

— Евгений Иванович, а телефон у вас есть?

— В коридоре... с него, собственно... все началось.

— Ну-ну, рассказывайте... — поторопил я его.

— Кто-то повадился звонить... и днем, как говорится... и ночью. Позвонят — и молчат, дышат в трубку, и все...

— Когда?

— Да несколько дней уже... А сегодня — просто непрерывно...

— Вы кого-нибудь подозреваете?

На лысине Селиванова вновь свернули гроздья прозрачных капель, он молча пожал плечами, и, невольно копируя его, такой же жест сделал Мария Федоровна. Я быстро посмотрел на Веру, которая сидела понурившись:

— А вы?

В коридоре раздался резкий телефонный звонок. Вера невольно вздрогнула.

— Подойдите! Но трубку первая не кладите...

Вера вышла в коридор, за ней я и ее родители, которые с большим интересом, словно на невидимую какую, смотрели на собственный телефон. Вера взяла трубку, сказала тихо:

— Алло... алло... — повернулась ко мне, собираясь сказать что-то. Но я торопливо приложил палец к губам, запрашивая ей обращаться ко мне, и показал жестом, чтобы она продолжала вопросы по телефону. — Алло... алло... — тихо повторяла она.

Но... безрезультатно. Я нажал на рычаг аппарата, потом решительно сказал хозяину:

— Евгений Иванович... И вас попрошу, оставьте нас на минутку...

Муж с женой, опять одинаково пожав плечами, удалились в комнату. Я еще несколько мгновений смотрел на девушку, потом спросил:

— Кто это?

Девушка молча покачала головой.

— Ну-ну, давайте, Верочка... давайте... Я же вижу: вы знаете! Быстро говорите!

Молчание.

— Ну, хорошо! Я вам сам скажу! Это ваш любимый молодой человек, с которым вы поссорились, но из гордости не хотите звонить ему первая. И он тоже держит марку! Так? Так, я говорю?

Вера снова покачала головой.

— А как? Слушайте, Вера, мне это начинает надоедать!

Мягкое, слабовольное лицо девушки поплыло слезами.

— Мне стыдно... — бормочет, всхлипывая, она. — Никакой он не любимый... Требует, чтобы я сним... это... встречалась... А я не хочу... Вот он...

— Понял, — удовлетворенно кивнул я. — Значит, слушайте меня внимательно. Будем ждать его звонка. Когда позвонит, вы спросите: «Это ты?» Как его зовут, скажите?

— Слава...

— Ага. Значит: «Это ты, Слава? Ну, не молчи... Скажи что-нибудь...» Если ответит, разговаривайте с ним, сколько сможете... Если не ответит — говорите сами, все, что в голову взбредет, только поддержите его на проводе... Ясно?

Вера кивнула.

Я торопливо набрал номер:

— Григорий Иваныч? Я, Тихонов. Да-да... Попро-

буем. Значит, номер здесь. — Я посмотрел на цифры в рамочке аппарата. Подождем его малость... Ага... Как позовут, сообщим по радио, а вы уж через Центральную телефонную... Есть...

Положил трубку. В коридор снова вошли родители Веры. Все ждут, напряженно глядя на телефон, друг на друга. Вера нервно теребит край передника. Звонок. Вера берет трубку...

— Алло... Алло... Слава... — Голос у Веры перехватывает от волнения. — Ну, что ты молчишь? Слава...

Я моргнул Задираке, тот вихрем скатился на лестницу.

— Ну, Слава! — просит Вера. — Хорошо, не хочешь говорить — не надо! Но что ж ты меня-то мучаешь...

...Неизвестные преступники, взломав дверь киоска «Союзпечати», совершили кражу 5 руб. разменной монеты и скрылись.

Розыск ведет 18-е отделение милиции.

Сводка

26. Григорий Иванович Севергин

Женский «телефонный» голос из динамика сообщил: «...из автомата 57-643 на площади Маяковского, около входа на Садово-Триумфальную улицу».

— Спасибо! — дал отбой и через радиоцентр запросил патрульного: — ПМГ-119, слышали?

— Слышали, уже едем! — Голос патрульного доносится из того же динамика, но слегка искажен радиопомехами. — Через две минуты будем!

Я быстро подошел к блоку телевизионных экранов, включил панораму площади Маяковского, нажал тумблер, панорама на экране начала круговое движение — косо метнулся памятник, проскользнули колонны Концертного зала, широкий проем улицы Горького, и вот высветилась деревянная облицовка входа в метро, а за ним будочки автоматов. Я остановил моторы телекамер, укрепил кадр. В будочке — двое: мужчина с бородой, по плечи, шевелюрой, в модных очках, с красивым, надменным лицом; видно, что он разговаривает с достоинством, не спеша, и молодой парень с короткой «боксерской» стрижкой нянчит в губах замусоленную сигарету. Видна и третья будочка, но там женщина. Вот теперь надо точно угадать: который из мужчин? Тю-у, чертика, я подбежал к пульту, схватил бумажку, включил связь:

— ПМГ-119, сто девятнадцатый!

— Вас слышу, сто девятнадцатый! — отозвался сиплый голос патрульного. — Подъезжаем!

— Там двое мужиков в будках! — крикнул я. — Как подойдете, сразу номер смотрите: 57-643! Ясно?

— Вас понял — 57-643...

Я рысцой возвратился к экрану и через секунду увидел, как с улицы Горького повернула к входу в метро милиционская «Волга» с крупным номером на борту — «119». Вот она прижалась к тротуару, из дверей выскочили милиционеры, перемахнули через невысокое ограждение проезжей части, бегут к автоматам...

— Центральная! — возопил я истощено. — Разговор продолжается?

— Секундочку!.. Да, разговаривают...

Подбежавшие милиционеры блокируют двери будок, заглядывают сквозь стекла и... извлекают мужчину с шевелюрой. Он что-то орет, с возмущением

ним жестикулирует, но милиционер вежливо и непреклонно показывает ему в сторону «Волги»...

— Как мне пройти в МУР?

— А что у вас?

— У нас директор столовой сметану мешает!

Разговор в бюро пропусков.

27. Станислав Тихонов

Рита сказала мне:

— Я вот все про кавалера думаю, который ложный вызов устроил. На «Скорой» часто бывает, но чтобы с вашим братом так играли!

— Ты же видишь, чем это закончилось...

— Но ведь могли и не поймать?

— Конечно. Сегодня вообще невероятно удачный день. Как у нас говорится, исключительно высокий коэффициент раскрываемости. К сожалению, так получается далеко не всегда...

— Это благодаря мне, — засмеялась Рита. — Говорят, что на ипподроме всегда везет новичкам, которые во всех этих ставках- скачках ни бум-бум...

Я задумчиво посмотрел на нее.

— А ты, пожалуй, права. Ипподром здесь ни при чем, но мы все сегодня хорошо работали... Лучше обычного...

— Да-а? — искренне удивилась Рита.

— У нас работа связана с азартом, с вдохновением, иногда с риском. Мужчинам нужно, чтобы на них во время работы смотрели женщины. Они становятся добре, умнее, сильнее...

— В тебе очень глубоко сидит прекрасный первобытный человек, — улыбнулась Рита. — Тебе надо ходить не в форме, а в завернутой шкуре и носить в кобуре прапорщика...

— Ты так думаешь?

— Безусловно! Тебя все время манит вкус мамонтатины. Неолитные декорации, этика патриархата...

— Сколько ты слов ученых помнишь, жутко...

— Я не виновата. Помнишь, я всегда была отличница. Стыдно признаться.

— Да нет уж, ничего...

— Слушай, а парню-то, «вызовщику», достанется, видимо, крепко? Посадят, наверное?

— Нет, премию дадут! Конечно, посадят. А что еще с ним делать, дураком?

— От молодости, — тяжело вздохнула Рита. — Жалко все-таки. Он ведь... Да ты сам-то хорошо был! Помнишь, как ты асфальтовый каток утнал?

— Было дело, — кивнул я покорно.

— Ко мне на четвертый этаж по водосточной трубе влез?

— Там был третий с бельэтажем, — механически заметил я. — Рита, а ты, оказывается, помнишь это?

— Помню. Конечно, помню. — Рита зажмурила глаза и неожиданно добавила: — К сожалению...

Я посмотрел на ее обручальное кольцо и спросил:

— Рита, а ты не живешь с мужем?

— Не-а. — Она хотела сказать легко, беззаботно, почти весело свое молодое, избалованное «не-а», а не получилось — вышло грустно, почти горько.

— А почему?

— Как тебе сказать? Тут коротко не объяснишь, а длинно не хочется. Скажу тебе так, если поймешь: мой муж визирует бумаги своими инициалами — «ХБ» — Хохлов Борис. Однажды в очереди перед мной стояли две его сотрудницы, врачи. Они меня не видели и говорили о своих служебных заботах, о моем муже. Ничего особенно плохого и

Товарищ дежурный,
соседку у нас
застрелили...
Только что...

ничего особенно хорошего они о нем не говорили, и поняла-то я не сразу, что они говорят о нем. Они называли его прозвищем. «Хлопчатобумажный», «ХБ». Я постояла немножко, а потом потихоньку ушла, сгорая от позора: нельзя было придумать ему лучше прозвища—«Хлопчатобумажный»...

Она сидела в кресле, закрыв глаза, было тихо, и мне показалось, что она задремала. Я встал и неслышно подошел к генеральной карте-плану, достал блокнот и стал делать в нем пометки к завтрашней сводке, поглядывая для памяти на необозримую электронную стену с бесчисленными разноцветными огоньками внутри рубиново-красного овала Большой Кольцевой дороги.

— Стас, а Стас?—окликнула меня негромко Рита.

Я повернулся к ней.

— Город какой огромный,—сказала она.

Я не понял ее и раскинул руки, делая вид, будто хочу охватить его весь.

— Ты никогда не замечал, Стас, что город по форме похож на сердце?..

Не успев ответить, я еще стоял, прикрывая собой город-сердце, когда заверещал пронзительно звонок, забился голосом беды и тревоги, хрюплю закричал динамик:

— Говорит Центральный пульт управления Шереметьевского аэропорта. Рейсовый самолет «Каравелла» готовится к аварийной посадке. Не может выпустить шасси. Ресурс горючего самолета—около сорока минут. Обеспечьте за это время охрану посадочной полосы и присутствие оперативной группы на случай катастрофы...

«Дежурная часть Главного управления внутренних дел... направляет подвижные служебные наряды и оперативно-следственные группы на чрезвычайные происшествия: взрывы, обвалы, катастрофы самолетов, крупные аварии на транспорте, пожары...»

Инструкция

28. Рита Ушакова

Мы уже сегодня ездили по Ленинградскому шоссе—на стройку, где нашли артиллерийский снаряд. Разве это все было еще сегодня? Позавчера. Или сто лет назад. Какой жирный блеск у мокрого асфальта. Шу-шу-шу... шуршат шины.

Шу-шу-шу—так шипела, шуршила, перекатывалась по гальке вода в Одессе, на Большом Фонтане. Пустой пляж, знобкий утренний ветерок, вязкая темная вода, Стас стоит в ней по пояс—«Иди быстрее, здесь теплее!»—мне боязно, что густая вода сомкнется над ним беззвучно, и все равно не хочется идти с зябкой каменистый тверди в едва колышущуюся теплую прорву...

Сюда—в Шереметьево? Или во Внуково я летела потом, когда уже все было? Не помню, ничего не помню. Ведь наверняка вокруг было много людей, событий, разговоров, но ничего не запомнилось, потому что бурила во мне такая радость открытия себя—женщины, сумасшедшее счастье вновь обретенной жизни так кипело во мне, что я ничего вокруг не замечала. Мне надо было улететь домой, а у Стаса еще оставалась неделя. «Я получу вместе с тобой, что мне тут одному делать?»—сказал он. А я ответила: «Нет, завтра я уезжаю на практику, и тебе нечего одному в Москве маяться...»

Он спорил, а я все равно не разрешила, и он обиделся. А мне надо было побывать одной, отор-

ваться от этого радостного забытья, и Стас мне мешал.

Только в самолете, это было тоже ночью, когда машина со свистом и железным урчанием начала сбрасывать высоту, нестерпимо больно стало в ушах, и я, как утопающая, лихорадочно открывала и закрывала рот, пришло воспоминание: Стас в черной битумной воде, он зовет меня к себе,—вот тогда я подумала, что сделала глупость. Надо было лететь вместе.

Мне было страшно, я почему-то уверилась, что самолет разобьется—может быть, из-за этого унылого свиста и резкой боли в ушах. Я подумала, что никогда уже не выйти самолету из пологого пике, и мне до слез стало жалко себя, той огромной радости, которая мне еще предстояла, которая мне только открылась, и конца ей не было видно, а теперь осколки ее валялись в конце плавной траектории, которой заканчивалось это пике; но еще больше мне было жалко Стаса, и мою мать, которой мы вчера звонили из автомата, и заснувшую рядом со мной в кресле девочку с бантами и плюшевым медведем в руках, и старуху молдаванку с корзиной винограда, и агента по снабжению, лица которого я не видела, но всю дорогу слышала его бубнивый голос, жалующегося на сокращение фондов и трудности с добыванием лифтов, и так мне было жаль стюардессу со стеклянными несъедобными леденцами и безвкусной водой в стаканчиках на подносах, и жалость моя к ней была острее оттого, что она не похожа на других стюардесс—не тоненькая, не элегантная, а коренастая, широкостопая, больше походившая на крестьянку—на ней обязательно должен был жениться летящий со Шпицбергена на курорт шахтер...

Господи, как страшно думать о своей смерти!

Как же ты будешь без меня, Стас? Мама, а ты? Вчера мы звонили тебе по телефону с переговорной, в кабинке было жарко и тесно, мы стояли в ней оба, я упиралась Стасу руками в грудь, а он держал меня за талию, крепко и нежно, и у меня кружилась голова, я отвечала тебе невпопад, было плохо слышно—от помех на линии или оттого, что я тебя плохо слушала—прости, мама, мне было не до тебя—кабинка была так мала, и он был так близко. В соседней кабинке разговаривала худая белесая девушка—на ногах у нее были пятна зеленки и розовые носки. Дверь была отворена, и я слышала, как она монотонно повторяла:

—... Не хочет он... Нет, он не хочет жениться... Не знаю... Не знаю, почему он не хочет жениться...

Я прикрыла микрофон ладонью и, слушая вполуха, что говорила мне мать, спросила Стаса:

— А ты хочешь на мне жениться?

Он только кивнул и стал целовать мою ладонь, прикрывавшую микрофон, и мать далеким, измененным голосом спрашивала:

— Почему так плохо слышно?

А мы оба смеялись потихоньку—нам было ужасно весело.

Потом боль в ушах стихла, и самолет не врезался своим пластмассовым острым носом в землю, а гулко оттолкнулся толстыми гудящими шинами от бетона, и было еще короткое бесшумное качение по полосе, свежий порыв ветра в растворившуюся дверь, суета у трапов и счастливая негибкость, несокрушимость асфальта под ватными ногами.

В зале я еще мельком видела проснувшуюся девочку с плюшевым медведем, старуху с глазами черными, как выглядывающие из корзины ягоды, и толстого лысого человека с крашенными усами—я была уверена, что это ему недостает в жизни лифтов. Села в такси—и забыла их навсегда, на всю остальную жизнь. И довелось вспомнить только

ко сейчас, когда все уже в жизни перекрутилось, изломалось, без надежды запуталось—в два часа тридцать три минуты, на суточном дежурстве по городу, во время выезда к месту аварийной посадки рейсового самолета «Каравелла» авиакомпании «Эр Франс».

— ...Милиция слушает!

— Ради бога, вызовите «Скорую помощь», у меня почечная колика!

— Наберите «03»...

— Занято все время.

— Не кладите трубку, вызывая «Скорую».

Телефонный разговор

29. Инспектор Тихонов

Я шел с командного пункта центра управления полетами через зал ожидания, и меня вдруг поразила мысль, что я отношусь ко всем этим людям, нагруженным чемоданами, кофрами, картонками, озабоченными билетами, декларациями, бутербродами, а теперь и неожиданной задержкой прилетов-вылетов,—я отношусь, как к детям: добро и немного жалостливо.

Ах, как мы стремимся к узнаванию! Как старит и тяготит нас знание. Спокойствие этих людей в неведении—какими пустяками показались бы им сейчас все заботы, если бы вдруг резонирующий жестковатый голос информатора объявил, что на подходах к аэропорту сделал последнюю безрезуль-татную попытку выпустить шасси самолет «Каравелла». Маленький белый кораблик бьется на воздушных рифах у входа впорт...

Но здесь, в зале ожидания, никто, к счастью, этого не знает. Смеются, огорчаются, ссорятся, считают деньги и хитрят с таможней. И сотни этих людей, озабоченных и беспечных, начальственно-важных или хиппиющих, талантливых или совсем никаких,—все они мне казались огромным детским садом для взрослых, от которых надо до последнего момента, пока есть возможность, скрывать, что к порогу подступила ужасная беда. Беда, которая могла бы захватить и их, как тех, кто сейчас в заклепанном наглоухо куске металла с ревом носится сквозь сизые ночные тучи над подмосковными полями, залитыми осенним дождем.

Каравелла, маленький парусник, пересекающий океан. Долгие месяцы ты ждала когда-то земли. Теперь же—несколько часов. Но миг встречи страшен: материнские объятия земли вмиг обратятся в пропасть Тартара. И аварийная команда растянулась вдоль полосы, на которой выставлено для тебя скользкое, нежное ложе—как матросы вдоль берега, с кранцами, тросами, кругами, чтобы успеть снять команду с рассыпающегося парусника...

И никто из пассажиров ничего не знает. Выросши из детских садов, люди позабыли, чтобы среди обычных взрослых людей были еще и необычные взрослые: те, кому по плечу тяготы страшного знания и по душе—риск в чужом интересе, по уму—удивительные отгадки на хитрые загадки и по сердцу—человеческая боль...

«Дежурная часть Главного управления внутренних дел... ведет разбирательство по возникшим различного характера вопросам, которые учсть и предвидеть не представляется возможным».

Из Инструкции

Окончание следует.

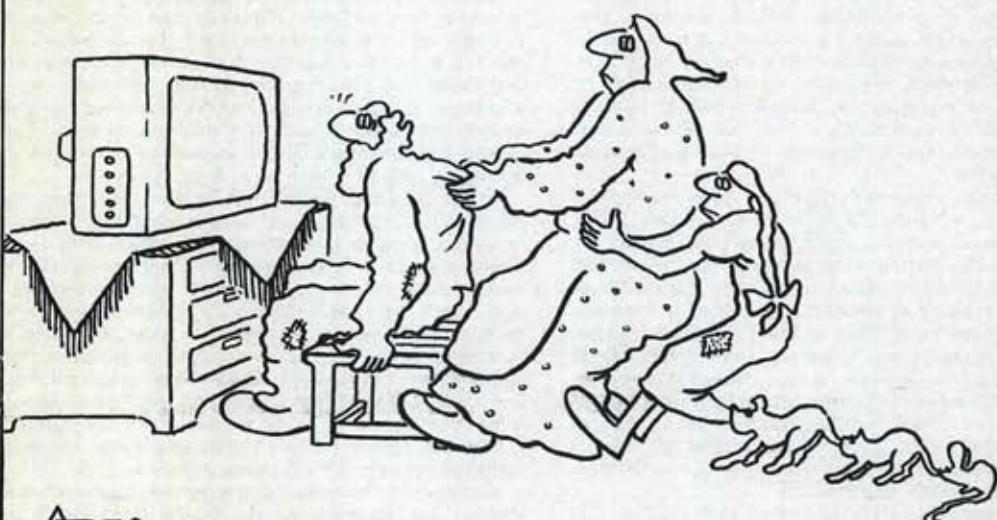

Бин

Рисунок братьев БИН

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

А5.78.

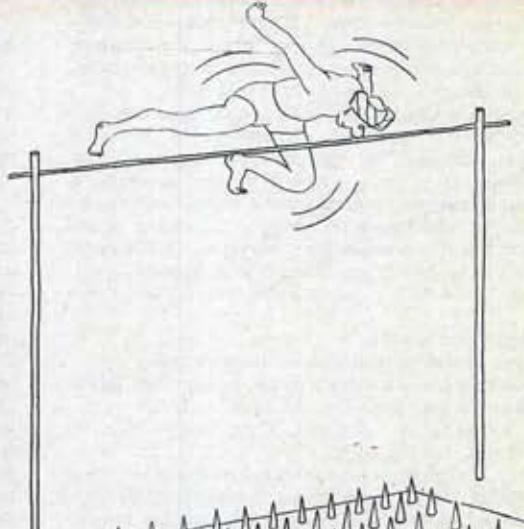
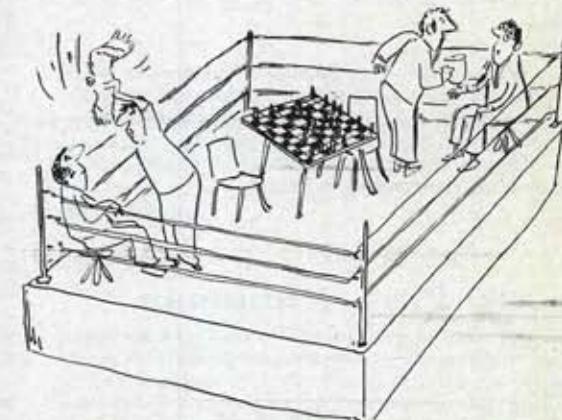

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

Рисунок Адольфа СКОТАРЕНКО

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

СЕДЬМОЙ ТУР

Ход черных. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях партнеров? (4 балла).

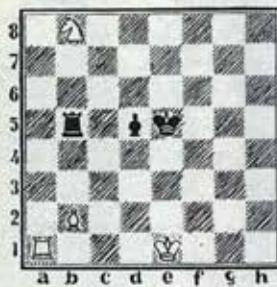
III

Когда состоялась Всемирная шахматная олимпиада в Москве? К какой команде достались золотые медали и у кого был лучший индивидуальный результат на первой доске? (1 балл).

IV

Кто и в какие годы играл с М. Ботвинником три матча на личное первенство мира? (1 балл).

Жюри напоминает участникам олимпиады, что разбор позиций следует указывать только сокращенной шахматной нотацией, опуская словесные примечания, а ответы на викторину давать лаконичные, лишь по существу вопросов, без каких-либо подробностей. В случае, если вы не уложитесь на одной открытке, можно послать вторую, но с обязательной надписью под своим олимпиадным номером слова «продолжение».

Белые начинают и выигрывают. (4 балла).

Письма на седьмой тур просим посыпать в адрес редакции с 10 по 20 мая 1978 года.

И СПОРТИВНО И ТВОРЧЕСКИ

В последнем шахматном чемпионате СССР (высшая лига) напряженная борьба шла между гроссмейстерами и мастерами разных поколений. В конце концов молодость взяла верх над опытом. Если бронзовыми медали достались таким стажированным шахматистам, как Тигран Петросян и Лев Полугаевский, то «золото» завоевали Борис Гулько и Иосиф Дорфман, которые моложе на добрых два десятилетия.

Предлагаем вниманию читателей «Смены» фрагменты творчества новых чемпионов страны.

К такому положению пришел после 18-го хода белых поединок между москвичом Б. Гулько и львовянином Олегом Романишиным, признанный «лучшей партией» высшей лиги. Подрывом

пешки «c3» Б. Гулько, игравший черными, обеспечивает себе контроль над важнейшими пунктами в центре.

18...b5—b4! 19. e4—e5 Lf8—d8 20. Fb3—c4 Ke7—d5 21. c3:b4 c5:b4 22. d3—d4 Lb8—c8 23. Fc4—b3 a7—b5 24. f4—f5 a5—a4 25. Fb3—g3 Kd5—c3!

Тактическими ударами конница черных выывает на поле «боя» бурно осложнений и форсированно добивается очевидного перевеса.

26. c2:c3 Kc6:d4! 27. Cc1—g5 Lc8:c3 28. Fg3—f2.

А теперь точно рассчитанным маневром черные переводят игру в эндшпиль с лишней и очень опасной проходной пешкой.

28...Lc3—c2! 29. Ff2:c2 Kd4:c2 30. Ld1:c1-d7.

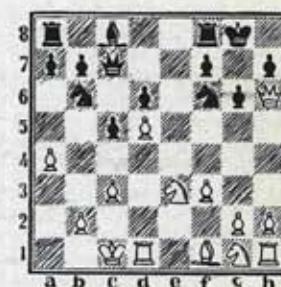
К несчастью для белых, ход 30. C:d8 опровергается коварным шагом противника 30...Fa7+.

30...Ld8:d7 31. Cg2—c6 Ld7—a7 32. Cc6—e4 b4—b3 33. f5:e6 f7—e6 34. Cg5—f6 Kc2—e3 35. Lf1—c1 b3:a2 36. Lc1—a4—a3 37. La1:a2 Ke3—d1 38. Ce4—d3 Kd1—c3 39. La2—a1 Cg7:f6 40. e5:f6 a3—a2 41. Cd3—c4 Kpg8—f7 42. g4—g5 La7—a5 43. Kpg1—h1 La5:g5 44. Cc4:a2.

Белые втайне надеются на спасительную ловушку 44...La5? 45. Cf6+b1, но она черезсур прозрачна.

44...Kc3:a2, и белые капитулировали.

На этой диаграмме вы видите ситуацию, возникшую после 16-го хода белых в партии львовянина И. Дорфмана (у него были черные) с одесситом Львом Альбуртом. Победитель был удостоен специального приза «за эффектную атаку».

16...Lf8—e8 17. Cf1—b5 Lb8—e5 18. a4—a5 Fc7—e7! 19. Ke3—c4 Kb6:c4 20. Cb5:c4 b7—b5!

Овладев центральной вертикалью, черные смело жертвуют пешки вскрывая для наступления на неприятельского короля и линию на своем правом фланге.

21. Cc4:b5 La8—b8 22. Cb5—c6 Fe7—c7 23. Fh6—f4 c5—c4!

Одна комбинация следует за другой: теперь черные на алтарь атаки кладут коня. Естественно, что белые отказываются от этого «данайского дара».

24. Ff4:c4 Fc7:a5 25. Fc4—a4 Fa5—b6 26. Fa4—a3 Cc8—f5 27. g2—g4 Fb6—e3+ 28. Ld1—d2 Fd3—e1+ 29. Ld2—d1 Ff1—e3+ 30. Ld1—d2 Cf5—d3! 31. Kg1—h3 Kf6:d5 32. f3—f4 Kd5:f4 33. Kh3:f4 Ff3—f4 34. Fa3—a4.

Пытаясь наладить оборону, белые предлагают размен ферзей, но позволяют сопернику мгновенно решить судьбу сражения неожиданной, уже третьей по счету жертвой — на сей раз ферзи!

34...Lb8:b2!, и белые сдались.

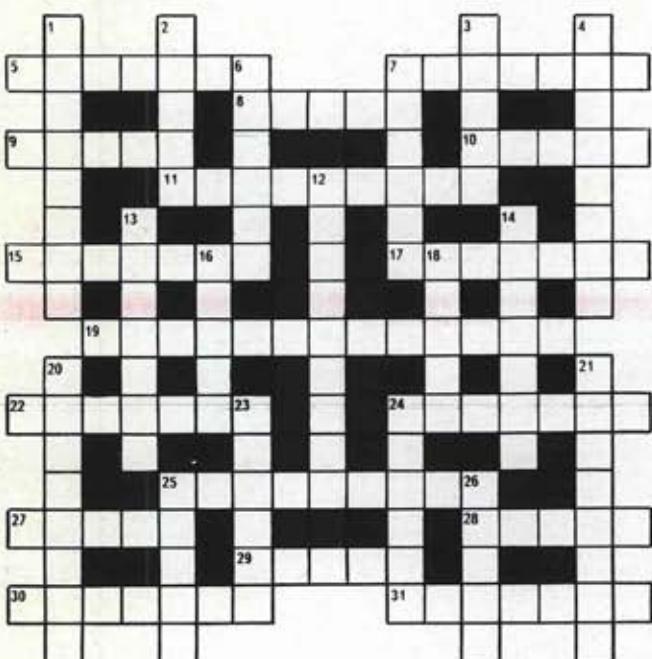

Слова Михаила ВЛАДИМОВА.
Музыка Юрия ЕВГРАФОВА.

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

КРОССВОРД

Составил В. ФИЛОНИН,
Москва

По горизонтали:

5. Герой пьесы А. Корнейчука.
7. Стихотворение В. Маяковского.
8. Туристический центр в Японии.
9. Система спортивной борьбы.
10. Картина А. Пластова.
11. Круг небесной сферы, по которому совершаются видимое годичное движение Солнца.
15. Небольшое произведение художественной литературы.
17. Пристани на Оке.
19. Подготовка древесных семян для ускорения прорастания.
22. Рейка между полом и стеной.
24. Военнослужащий специального рода войск.
25. Лесная ягода.
27. Спортивный инвентарь для игры в хоккей.
28. Государство в Центральной Африке.
29. Масличное растение семейства крестоцветных.
30. Спутник планеты Уран.
31. Композитор, Герой Социалистического Труда.

По вертикали:

1. Горный массив на севере Узбекистана.
2. Спортивная лодка.
3. Залив у южного берега Сахалина.
4. Драматургическое произведение для съемки фильма.
6. Метод научного исследования.
7. Наука, изучающая мышление.
12. Вид многоголосия в музыке.
13. Коренное население автономной советской республики.
14. Смычковый инструмент.
16. Бразильский писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
18. Река во Франции.
20. Водный спорт.
21. Ударный музикальный инструмент.
23. Экзамены в высших учебных заведениях.
24. Выдающийся оратор, публицист.
25. Антилопа, обитающая в Африке.
26. Декоративное многолетнее растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

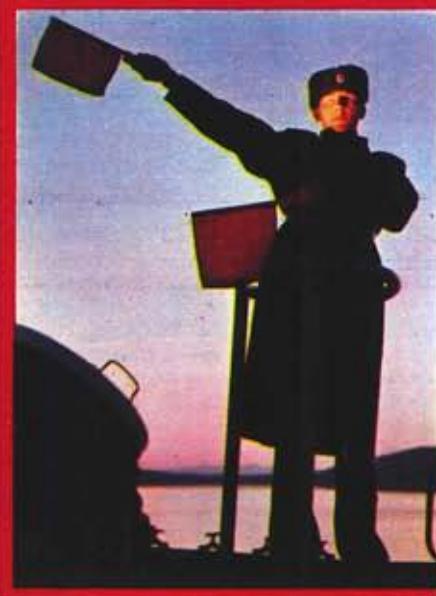
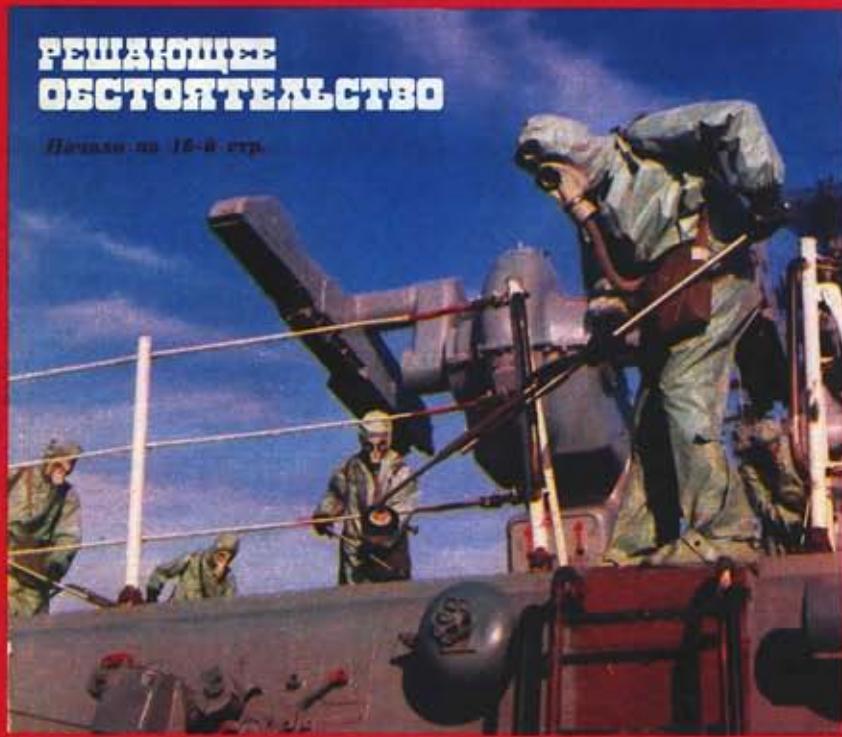
5. Альбатрос.
6. Роголистник.
11. Гидролог.
14. Люксметр.
15. Катаплиз.
16. Линнея.
17. Офелия.
18. Селигер.
19. Канзас.
20. Катрен.
21. Делянка.
23. Глициния.
24. Андерсон.
27. Круzenштерн.
28. Толкунова.

По вертикали:

1. Флагшток.
2. «Юбилей».
3. Утесов.
4. Корнемюз.
7. Экранизация.
8. Комментарий.
9. Дирижабль.
10. Стриженов.
12. Галерея.
13. Шагинян.
14. Ливенка.
21. Диффузор.
22. Андреева.
25. Треска.
26. «Тишина».

РЕШАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Читайте на 16-й стр.

АЗБУКА МОРЯ.

Он уже хотел передать пост второй смене, когда наконец в наушниках появился тот самый, характерный перестук винтов. Подводная лодка. Но ее мало было засечь, надо определить пеленг, дистанцию до цели и ее скорость. На все — считанные секунды. Внезапно тон эха снизился, это значило, что подводная лодка меняет направление. Сангоджиев «держался» за цель мертвый хваткой и одновременно докладывал данные на главный командный пост.

Потом была пауза, заполненная едва слышным рокотом ее двигателей. И наконец подводная лодка исчезла из поля «зрения» акустиков. Это не значило, что она ушла совсем и можно было прекращать поиск. Лодка просто скрылась на глубине, под слоем «скакушки» — границы между толщами воды, как зеркало отражающей все импульсы.

Сколько бы потом ни длилось «молчание» лодки, ни Сангоджиев, ни его напарник ни на секунду не отрывались от наушников. И они услышали ее, и, не контролируя свой голос, Сангоджиев закричал в микрофон почти радостно: «Пеленг до цели... дистанция...» Балашов, находившийся на главном командном посту и слышавший этот голос, невольно улыбнулся, подумав, как хорошо в двадцать лет уметь так отчаянно радоваться своим победам.

Две торпеды с интервалом в несколько секунд сошли с борта крейсера и рванулись к подводной лодке.

Путь в район был свободен.

ПОСЛЕ «ХИМИЧЕСКОЙ АТАКИ».

...Несмотря на то, что за день все изрядно вымотались, заседание парткома решили не откладывать. Вечером члены партийного комитета корабля собирались в кают-компании. Первым вопросом повестки дня был прием кандидатом в члены КПСС старшины 1-й статьи Анатолия Каткова. Вопросов к нему было немного. Каткова знали как прекрасного специалиста своего дела, старшину отличной команды электриков-артиллеристов, комсорга одной из боевых частей.

Он стоял перед членами партийного комитета прямой и натянутый как струна. Его можно было понять — ничто, пережитое им прежде, не было столь значительно для него, как эти минуты. Отныне военная служба становилась для Каткова и партийным делом, как и вся дальнейшая жизнь его.

А потом за вечерним чаем Балашов вспомнил и рассказал нам о том интервью, с которого мы начали этот репортаж.

Краснознаменный
Тихоокеанский флот.

«ГЛАЗА» И «УШИ» КОРАБЛЯ.
РАВНЕНИЕ — НА ФЛАГ!

